

А. И. Левковский

МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ

ОБЛИК
И СУДЬБЫ
КЛАССА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. И. ЛЕВКОВСКИЙ

МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ:

ОБЛИК
И СУДЬБЫ
КЛАССА

Уре^х в Юрьеве
наметить
незабытым
где заголовок
книжки. Франс,
эта

Александр
Левковский
10.5.1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

В книге анализируются проблемы появления и развития класса мелкой буржуазии, прослеживается ее экономическая, политическая и идеологическая эволюция на примере государств Европы, рассматриваются ее положение и позиции в современных развивающихся странах.

Л 10703-003 — 8-77
013(02)-78

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1978.

1. МЕСТО МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Сложность исторического процесса, неожиданность его взлетов и падений, относительность прогресса и временность регресса, запутанность человеческих взаимоотношений, противоречивость взглядов и идей, природа социальных институтов — все это приобрело стройность и логику совсем недавно, немногим более ста лет назад, с возникновением научного социализма и его последующим развитием. Впервые отдельные слои общества в ограниченном районе земного шара, в Западной Европе, стали постепенно понимать объективные законы, управляющие социально-экономической и политической жизнью. Осмысливать хаос общественных отношений, освобождаться от дурмана и мистики, «просыпаться» человек начал в уже довольно зрелой капиталистической формации. Это «самопознание» — предпосылка грядущих грандиозных перемен — было результатом долгой и мучительной эволюции производственно-социальных и духовно-идеологических сил общества. Только в середине XIX в. могли прозвучать слова К. Маркса: «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие»¹.

Именно тогда появились материальная база, класс и идеология, соединение и взаимодействие которых позволило поставить реально, не утопически проблему уничтожения эксплуатации человека человеком и осуществления тысячелетней мечты о «государстве солнца», о гармоничном, высокоразвитом экономическом и духовно сообществе людей, мечты, ассоциировавшейся с понятием «коммунизм». Именно тогда прорезали мрак цар-

¹ К. Маркс. К критике гегелевской философии права. Введение. — Т. I, с. 428. Здесь и далее работы К. Маркса и Ф. Энгельса даются по второму изданию Сочинений.

ства чистогана пламенные строки «Коммунистического манифеста», именно тогда мог быть написан «Капитал». Капитализм был научно проанализирован, были раскрыты его сущность, логика и тенденция развития, показаны неизбежность его гибели и рождения новой, коммунистической формации.

Исследование капитализма требовало раскрытия законов его эволюции в наиболее типичном и чистом виде, заставляло абстрагироваться от факторов, мешающих и затемняющих главное в капиталистическом производстве. Поэтому в «Капитале» речь идет о «чистом» капитализме, «чистой» среде, без каких бы то ни было примесей и остатков других укладов, о *двух* классовых силах: буржуазии (землевладельцы ее часть) и пролетариате. Догматики разного толка нередко пытались прямо приложить вычитанное из «Капитала» к текущим событиям и, естественно, не могли свести концы с концами, ибо не осознавали сути явления, специфики его конкретного выражения и особенностей методики изучения эволюции общества.

К. Маркс и В. И. Ленин неоднократно подчеркивали, что нет «чистого» капитализма (как и «чистого» империализма или «чистого» феодализма). Однако, говорили они, чтобы осмыслить внутренние спонтанные, объективные законы движения, его следует «очистить» (тогда перед нами «Капитал»). А чтобы уяснить действие этих законов в определенной стране или в определенную эпоху, следует брать все некапиталистические «примеси» (и тогда перед нами «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Развитие капитализма в России» или «Империализм, как высшая стадия капитализма»). Естественно, что и классовая структура «неочищенного» общества сложнее. «...Классов в капиталистическом и полукапиталистическом обществе,— писал В. И. Ленин,— мы знаем только три: буржуазию, мелкую буржуазию (крестьянство, как ее главный представитель) и пролетариат»². Эти «три основные „силы“...— продолжал он,— давно показаны в каждой капиталистической стране (и в России) не только научным экономическим анализом, но и *политическим опытом* всей новей-

² В. И. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть? — Т. 34, с. 297. Здесь и далее работы В. И. Ленина даются по Полному собранию сочинений.

шей истории *всех* стран, опытом *всех* европейских революций с XVIII века, опытом *двух* русских революций 1905 и 1917 годов»³.

Развитие капитализма в каждой стране протекает (или протекало) неодинаково, обладает известными особенностями. В молодых суверенных государствах специфика этого процесса чрезвычайно велика, что обуславливает ряд принципиальных отличий их от Запада. Последнее в той или иной степени связано с типом взаимоотношений с другими экономическими укладами и их эволюцией. Мелкотоварный уклад в освободившихся странах занимает первостепенное место. К сожалению, пути его формирования, роста и разложения лишь становятся предметом глубоких исследований, что, конечно, отрицательно сказывается на изучении эволюции мелкой буржуазии в «третьем мире», ее составных (и родственных ей) слоев и, главное, на осознании ее места и роли в общественном развитии. Без этого же невозможно правильное понимание ведущих тенденций социально-экономических процессов, реального многообразия и особенностей классовой борьбы как на Западе, так и в «третьем мире».

Выявить специфику мелкой буржуазии в странах, находящихся на переломе, стыке двух формаций, капиталистической и социалистической, особенно важно. И в данном случае нужен конкретный анализ, ибо не исключены весьма значительные различия, в частности, в связи с составом мелкой буржуазии, ее местом и ролью в обществе. В. И. Ленин отмечал, что «переход от капитализма к социализму мыслим в различных формах, в зависимости от того, имеем ли мы в стране уже преобладание крупных капиталистических отношений или в ней преобладает мелкое хозяйство»⁴. Значит, изучение положения мелкой буржуазии в конкретной стране в конкретную эпоху — непременная часть теории и практики социалистической революции. Отказ от подобного изучения или игнорирование его результатов в политической жизни несет уже классовую нагрузку. Сисмонди на Западе и его единомышленники в России, народники,

³ Там же, с. 326—327.

⁴ В. И. Ленин. X съезд РКП(б). Заключительное слово по докладу о замене разверстки натуральным налогом 15 марта 1921 г.— Т. 43, с. 78.

допускали существование товарного хозяйства и капитализма без мелкой буржуазии. Отголоски подобных идей явственно слышны и в сегодняшнем «третьем мире». Мелкобуржуазность данных представлений заключалась в том, что при таком подходе их носители *не замечали того класса*, взгляды, а частично и интересы которого выражали. Этим грешили, например, эсеры и меньшевики. Они боялись, говорил В. И. Ленин, «признать правду, именно: основное деление всякой капиталистической страны, России в том числе, на три коренные, главные силы, буржуазию, мелкую буржуазию, пролетариат. О первой и о третьей говорят все, их признают все. Вторую — то есть как раз *большинство* по численности! — не хотят трезво оценить ни с экономической, ни с политической, ни с военной точки зрения»⁵. Приходится признать, что изучением «второй» силы в настоящее время еще недостаточно занимаются и наши обществоведы, что порой мешает верно понять многие события и процессы в современном мире, особенно в освободившихся странах.

Дух марксизма-ленинизма проявляется в неустанном поиске, в раскрытии новых аспектов бытия и использовании полученных научно объективных выводов для влияния на него в определенном, классовом направлении. При этом чрезвычайно важно учитывать реальные позиции мелкой буржуазии в молодых суверенных государствах, где она численно преобладает. В. И. Ленин настойчиво подчеркивал: «Нет сомнения, что социалистическую революцию в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможно осуществить лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно ненужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство»⁶.

Проблема мелкой буржуазии не исчезает и после завоевания государственной власти трудящимися, в том числе при ведущей роли пролетариата. Но это уже новая проблема — взаимоотношений преимущественно *двух* классов в период построения социализма. Обраща-

⁵ В. И. Ленин. О конституционных иллюзиях.— Т. 34, с. 41.

⁶ В. И. Ленин. X съезд РКП(б). Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта 1921 г.— Т. 43, с. 57—58.

ясь к коммунистам Закавказья, В. И. Ленин отмечал необходимость творческого освоения опыта социалистического строительства в Центральной России: «Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо *понять* и *уметь* осуществить в отличие от нашей тактики... Не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917—1921 годов (курсив наш.— А. Л.)»⁷.

Исторически и логически три главные силы капиталистического общества когда-то вышли, а в освободившихся странах еще выходят и теперь из одного социально-экономического пласта и некогда составляли одно (хотя и разношерстное) третье сословие. Рост капитализма ведет к распаду этого сословия, его расслоению, к возникновению трех отдельных классовых сил. Их взаимоотношения не оставались стабильными, в ходе зарождения, расцвета и гибели капитализма они менялись, создавая весьма причудливые и на первый взгляд неожиданные комбинации. История не только включила в эту «пьесу» множество актов, но и заставила каждую страну то профессионально, то на любительском уровне, то в жанре трагедии, то комедийно или даже пародийно исполнять те сцены, которые уже проигрывались в других государствах, на иных подмостках, ставились в иных национальных костюмах, в иных декорациях и имели неодинаковые развязки.

В бурных и быстрых событиях в «третьем мире» можно увидеть особенно много вариантов примерно тех же классовых ситуаций. Одна из важных причин заключается в специфичности характера ее основных «персонажей». Говорить о буржуазии и пролетариате не наша задача, да о них и сказано немало. Коротко представим третье действующее лицо — мелкую буржуазию.

Автор считает необходимым сразу же подчеркнуть, что он не может (и потому не ставит перед собой задачу) осветить все или даже основные проблемы этой

⁷ В. И. Ленин. Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики.— Т. 43, с. 199—200.

беспредельно широкой темы. Аналогичное нужно сказать и о большей конкретизации затрагиваемых вопросов на фактическом материале ряда государств, поскольку цель работы — выделить самые общие черты мелкой буржуазии, проследить их трансформацию в ходе исторического процесса, отметить важнейшие типичные социальные ситуации, в которые попадал этот класс, показать общее в судьбах его на разных этапах становления капитализма, при капиталистической формации и, главное, при свершении социалистической революции и в период перехода к социализму в национальном и мировом масштабе.

*Основные этапы исторической эволюции
мелкой буржуазии («от мешка с картофелем
до белого воротничка»)*

Мелкая буржуазия — категория конкретно-историческая. Но история этого класса более длительная, чем история других основных сил капиталистического общества. Представители ее спонтанно появляются там, где возникает простое товарное производство. Ее предков, казалось бы, можно обнаружить почти во всех формациях и на всех континентах. Однако родство это не прямая, а подобие неполное. Та мелкая буржуазия, которая выступает предметом нашего исследования, начинается формироваться на этапе, предшествующем становлению капитализма (а в освободившихся странах и в ходе его развития), являясь наиболее массовой и наиболее благоприятной производственно-экономической и социально-классовой основой для его произрастания. Свободный мелкий производитель в условиях товарного хозяйства — это и есть «мелкий буржуа». В повседневной жизни он известен под разными наименованиями: мещанин, обыватель, бюргер и т. д.

Разложение мелкотоварного производства, порождение капиталистического — главное содержание процесса первоначального накопления капитала. Однако образование мелкотоварного производства, а затем его разложение в разные эпохи и в разных странах характеризовалось огромными отличиями и национальной спецификой. Поэтому и классовая дифференциация мелких

производителей, выделение на одном полюсе буржуазии, а на другом пролетариата также совершалась крайне неравномерно, в неодинаковых условиях и масштабах, что влекло за собой серьезные последствия для гражданской истории каждой страны, причем не только экономические, но и политические, культурные, психологические, затрагивавшие все стороны общественного бытия. В Западной Европе «первичной массой» мелкой буржуазии были средневековое мещанство и сословие мелких крестьян, в России — мещанство посадов и полукрепостное общинное крестьянство, в Латинской Америке — полурабское, полупеонское иноплеменное сельское население, во многих частях Азии — общинно-феодальное крестьянство, в Африке — племенное крестьянство, в США — частично свободное фермерство и т. д.

Породив своего экспроприатора — капитализм — и два его основных класса — буржуазию и пролетариат, — мелкая буржуазия «теряет» себя: ее внутреннее раздвоение становится внешним. Теперь она — остаток прошлого в качественно новом общественном организме, живущем по своим собственным законам, на которые она влияет, но действию которых вынуждена подчиняться. Начинается, так сказать, *вторичное* бытие мелкой буржуазии. Появляется проблема соотношения мелкой собственности и хозяйствования, с одной стороны, и крупной капиталистической собственности и хозяйствования — с другой. Мелкий буржуа обладает собственностью, в том числе на средства производства, но и сам использует ее в трудовом процессе. Он «тем и отличается от крупного, что трудится и сам...» — писал В. И. Ленин. — «Эксплуатация труда, конечно, есть, но не исключительно одна эксплуатация»⁸.

Итак, собственник и труженик, хозяин и работник. Кто же конкретно входит в эту категорию? Исторически и логически прежде всего крестьянин и кустарь — главные слои мелкотоварных производителей.

Мелкая буржуазия — класс, но класс весьма специфический. Характеризуя французского парцелльного крестьянина XIX столетия, К. Маркс употребил выражение «мешок с картофелем». «Поскольку миллионы

⁸ В. И. Ленин, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе). — Т. I, с. 398.

семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов,— они образуют класс. Поскольку между parcelными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации — они не образуют класса»⁹. Подобная необычная двойственность класса, когда он то вдруг проявляет себя реальной и ощутимой силой, а то исчезает, превращается в нечто аморфное, долго мешала (да и сейчас еще мешает) осознать значение его в «третьем мире», создает объективную основу для мистификации. Анализ поэтому порой подменяется туманными рассуждениями о социальной незрелости общества на Востоке.

На деле такая двойственность, амбивалентность этого класса — неизбежное следствие экономических законов товарного производства в условиях капиталистического развития. «...Товарное производство,— указывал В. И. Ленин,— не объединяет и не централизует крестьянства, а разлагает и разъединяет его...»¹⁰. Наиболее хорошо изучены трансформация крестьянства, рождающегося из класса-сословия феодального общества, дробление его на несколько классовых прослоек общества капиталистического. Говоря о средних сословиях, К. Маркс причислял к ним мелкого промышленника, мелкого торговца, ремесленника и крестьянина¹¹. В. И. Ленин подчеркивал также, что «к зажиточным мелким хозяевам необходимо отнести, если не хочешь разменять цельной экономической картины на мелочи, значительную часть торг.-промышленной администрации, служащих, буржуазной интеллигенции, чиновничества и так далее»¹². Следовательно, мелкая буржуазия весьма неоднородна по своему составу. Существенна и неравномерная ее концентрация в пределах государства. Основным ее бастионом долгое вре-

⁹ К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8, с. 208.

¹⁰ В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов.— Т. 16, с. 326.

¹¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии.— Т. 4, с. 434.

¹² В. И. Ленин. Развитие капитализма в России.— Т. 3, с. 506.

мя была, конечно, деревня. Для освободившихся стран подобное положение сохраняется по сей день. Впрочем, города тоже являются местом ее пребывания (хотя в разной обстановке и на разных этапах численность мелкой буржуазии и ее влияние определялись неодинаковыми показателями). «Мелкие города — главный оплот мещанства, преимущественно торгово-промышленного»¹³. Дореволюционная Москва, по словам В. И. Ленина, — средоточие мелкой буржуазии и т. д.¹⁴.

Одно из важнейших социальных отличий города в молодых государствах заключается, как правило, в преобладании мелкобуржуазных слоев (и примыкающих к ним прослоек) и в своеобразии их структуры. Неоднородность территориальной концентрации — серьезный фактор в их экономической и политической жизни.

Известно, что классы складываются в борьбе и развитии. Естественно, и к мелкой буржуазии нельзя подходить как к чему-то *неизменному*. Действительно, по мере роста капитализма наблюдается «хирение» ее «исконных», первоначальных слоев: крестьян и ремесленников. «Во всех европейских странах, в России в том числе, — писал В. И. Ленин, — неуклонно идет вперед и „утеснение“ и упадок мелкой буржуазии, не всегда выражающийся в ее прямом и непосредственном вытеснении, но в громадной массе случаев ведущий к сужению ее роли в экономической жизни, к ухудшению ее условий существования, к усилению ее необеспеченности»¹⁵. Это процесс затяжной, отмеченный периодами и относительной стабилизации, и даже попятного движения. Сказанное выше демонстрирует сокращение *отдельных* частей мелкой буржуазии. Но классики марксизма-ленинизма еще в прошлом веке и начале нынешнего столетия зафиксировали возникновение новых ее слоев и подчеркнули важность данного явления. К. Маркс неоднократно указывал на тенденцию образования «новой мелкой буржуазии»¹⁶, В. И. Ленин после констата-

¹³ В. И. Ленин. Новейшие данные о партиях в Германии. — Т. 23, с. 341.

¹⁴ См.: В. И. Ленин. Итоги партийной недели в Москве и наши задачи. — Т. 39, с. 233.

¹⁵ В. И. Ленин. Les beaux esprits se rencontrent (по-русски примерно: свой своему поневоле брат). — Т. 7, с. 213.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. — Т. 4, с. 450.

ции упадка старой мелкой буржуазии, как бы специально для забывчивых или просто невежественных буржуазных критиков, добавляет: «А наряду с этим „утеснением“ мелкой буржуазии в земледелии и промышленности идет нарождение и развитие „нового среднего сословия“... нового слоя мелкой буржуазии, интеллигенции, которой тоже все труднее становится жить в капиталистическом обществе и которая в массе своей смотрит на это общество с точки зрения мелкого производителя»¹⁷.

Что же представляет собой новый слой? Каково его положение? В. И. Ленин поясняет: «Капитализм во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих*, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию. Эта последняя занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень»¹⁸. В дальнейшем, как известно, интеллигенция претерпевает качественные изменения в *развитом* обществе. Иными словами, мелкая буржуазия — такая социальная категория, которая в ходе исторической эволюции претерпевает внутренние изменения. В ней совершается перегруппировка частей, ее образующих. Поэтому в разные периоды и в разных странах она *не может быть одной* и той же, на сто процентов схожей; поэтому нужен тщательный анализ ее состава, своеобразия ее организаций, идеологии в трансформировавшихся или даже принципиально иных условиях.

В данной части работы делается попытка отметить наиболее общие этапы эволюции класса мелкой буржуазии в условиях классического варианта развития капиталистического общества. Однако, как теперь становится понятным, существуют два кардинально различных региона (Запад и «третий мир») и несколько типов развития капитализма. Обстановка социальной

¹⁷ В. И. Ленин. Les beaux esprits se rencontrent.— Т. 7, с. 213—214.

¹⁸ В. И. Ленин. Рецензия. *Karl Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik.*— Т. 4, с. 209.

эволюции и ее последствия в обоих случаях неодинаковы. В освободившихся странах, например, рост капиталистических производственных отношений и их влияние на другие уклады приводят к принципиально отличным по сравнению с Западом результатам. В частности, удельный вес сельского населения долгое время (вплоть до наших дней) абсолютно и относительно увеличивался. Мелкотоварное хозяйство здесь страдает от сочетания докапиталистических и капиталистических видов эксплуатации.

Растущий капитализм «раздробляет, распыляет крестьянство и все мелкобуржуазные слои»¹⁹. Исторически это гибнущий, точнее, разлагающийся класс, хотя и очень живучий. Он все время окружен, так сказать, элементами собственного распада и дезинтеграции. Перед нами своеобразная социальная комета. Прежде всего начинают разлагаться ее первичные слои — крестьянство и ремесленники. Внутренние противоречия мелкотоварного производителя — как полутруженика и полусобственника — расщепляются и становятся внешними противоречиями между буржуа и пролетарием. Однако этот процесс протекает неравномерно и складывается из нескольких стадий, когда меньшинство, богатея, выбивается в капиталисты, а большинство, нищая, превращается в наемного рабочего. О радостях мелкого буржуа, о подлостях и преступлениях, совершаемых им при продвижении «наверх», в мировой литературе написано много ярких страниц. Не меньше сказано и о бедах «опускающегося» мелкого буржуа, барахтающегося, изворачивающегося, но все же скатывающегося на дно.

Процесс разложения в зависимости от эпохи и страны обуславливает более или менее длительное существование сложной гаммы переходных (от мелкого буржуа к просто буржуа или от мелкого буржуа к пролетарию) социальных групп и группочек. Естественно, неизмеримо преобладающими по численности были последние.

В реальной жизни расслоение мелкой буржуазии означало для подавляющей ее массы резкое ухудшение материальных условий, рост нужды, лишений, социальные и даже личные унижения. Страх перед безработицей, перед неведомым плаванием в капиталистическом

¹⁹ В. И. Ленин. Государство и революция.— Т. 33, с. 25.

океане заставлял «маленького человека» цепляться за любую возможность, идти на все, верить во что угодно, лишь бы сохраниться в старом качестве. В отчаянно-бедственное положение попадают отрывающиеся, переходные к пролетариату слои мелкой буржуазии, которые, перед тем как войти в «рай» капиталистического угнетения, должны испытать муки его чистилища. Хорошо известно, что положение этих слоев (различные группы люмпен-пролетариата) почти во всех отношениях хуже, чем положение пролетариата. В развивающихся странах подобный разрыв особенно велик.

Пролетаризирующаяся мелкая буржуазия города и деревни в каждой стране выступала в иных обликах. Государства, раньше вступившие на путь капиталистического развития, демонстрируют отставшим от них государствам их настоящее и частично будущее в сути эволюции, некоторых ее формах, во взглядах, идеологии и т. п. Поэтому изучение недавней истории одних стран — путь к лучшему пониманию нынешних событий в других, коль скоро речь идет и о мелкой буржуазии.

Непрочность существования мелких буржуа с предельной ясностью обнаруживается в моменты экономических потрясений: в период кризисов они гибнут десятками и сотнями тысяч. Уцелевшие максимальным напряжением сил стараются приспособиться к «новым временам», а очередную передышку их идеологи используют для создания пошлой теории об устойчивости мелкого производства. В «третьем мире» ситуация осложняется тем, что в одно и то же время (но в разной степени в разные периоды и в неодинаковой обстановке) идет процесс становления мелкотоварного уклада (за счет натурально-патриархального, помещичьего и т. п.) и его разложения под действием капиталистических укладов.

Эволюцию мелкотоварного производства и мелкой буржуазии в развитом капиталистическом обществе нельзя выводить из них самих, ибо изменения в них определяются влиянием законов этого общества и, естественно, его классов: буржуазии и пролетариата. «Общественные классы,— писал Ф. Энгельс,— являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений сво-

ей эпохи»²⁰. Капиталистическое производство и классы, с ним связанные, непрерывно трансформируются, теряя некоторые старые и приобретая новые черты. Перед второй мировой войной в современных производительных силах на Западе происходили глубокие изменения. После ее окончания они продолжали нарастать, приобрели качественный характер и получили наименование второй промышленной (или научно-технической) революции. В области производственных отношений это вызвало быстрый рост государственно-монополистического капитализма. Все вместе сказалось на классах промышленно передовых капиталистических стран. Возникла, в частности, проблема так называемых новых средних слоев.

После второй мировой войны внимание к этой проблеме на Западе привлекла нашумевшая книга Р. Миллса «Белый воротничок. Американские средние слои», вышедшая в 1951 г. «Белый воротничок» стал нарицательным именем для обозначения новых средних слоев. Книга открывается следующими строками: «Люди в белых воротничках тихо прошмыгнули в современное общество. Если у них и было какое-то прошлое, то оно не богато примечательными событиями, если у них и есть какая-то общая цель, то она не ведет к их сплочению, если у них впереди какое-либо будущее, то оно не есть результат их собственных стараний. Если они к чему-нибудь и стремятся, то это к среднему курсу, но средний курс недостижим, ибо это иллюзорный курс в воображаемом обществе. Внутренне они разобщены, фрагментарны; во внешнем мире зависят от более мощных сил»²¹. Что и говорить, характеристика злая, но она схватывает их двойственную суть и позицию в современном капиталистическом обществе.

К. Маркс и В. И. Ленин, как уже отмечалось, проанализировали начало процесса становления средних слоев и показали их роль. С тех пор, конечно, произошли существенные сдвиги. Возьмем количественную сторону. По подсчетам Р. Миллса, в США с 1870 по 1940 г. удельный вес старых средних слоев (преимущественно

²⁰ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Введение. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом.— Т. 20, с. 26.

²¹ W. Mills. White Collar. American Middle Classes. New York, 1951, с. 3.

мелкой буржуазии города и деревни) в самостоятельном населении упал с 33 до 20%, новых же (т. е. главным образом интеллигенции и служащих) за тот же период поднялся с 6 до 25%²². В целом их совокупная доля сохранилась почти на прежнем уровне, приближаясь к 50%. Изменения коснулись и самих новых групп. Удельный вес (во всех средних слоях) такой их части, как управляющие, увеличился с 2 до 6%, представителей «свободных» профессий (по найму) — с 4 до 14, занятых в торговле — с 7 до 14, конторских служащих — с 2 до 22%. Рост последних особенно велик: их относительная доля в новых слоях достигла 40%²³.

Указанные изменения прямо связаны со сдвигами в распределении занятых: в 1870 г. на сферу производства непосредственно приходилось 77%, в 1940 г. — 46% всей рабочей силы, на обслуживание — соответственно 13 и 20, на распределение — 7 и 23, на координирование — 3 и 11%²⁴. Слов нет, в значительной мере такие перемены обусловлены паразитизмом перзрелого монополистического капитализма, что отчетливо проступает в данных о числе занятых в сфере обслуживания, распределения и координирования. Но в такой, безусловно во многом уродливой, форме проявляются и тенденции развития общественного разделения труда, и изменения в его характере. Расцвет «нового среднего класса» вызван и процессами в надстроечных институтах госмонополистического общества, и, конечно, в первую очередь гигантским разбуханием государственного аппарата и расширением его функций. Современный капитализм дает Геркулесовы всходы бюрократизма.

Означает ли рост «нового среднего класса» соответ-

²² Там же, с. 64—65.

²³ Там же. Обстоятельно эти одвиги анализируются в ряде советских публикаций: А. И. Шнеерсон. «Городские средние слои при капитализме. М., 1961; Городские средние слои современного капиталистического общества. М., 1963; В. В. Песчанский. Служащие в буржуазном обществе. М., 1975.

Мы не ставили перед собой задачу отметить все труды советских ученых, прямо или косвенно затрагивающие проблемы мелкой буржуазии. Мы старались опираться на эти исследования, ибо во многом разделяем содержащиеся в них положения и выводы. Упоминание или развернутое цитирование таких трудов неизбежно привело бы к необходимости разбирать и оценивать их, что серьезно изменило бы характер нашей работы, ее цели и структуру.

²⁴ W. Mills. White Collar, с. 66.

ствующее увеличение новых слоев мелкой буржуазии? Сразу же нужно ответить отрицательно. Возникновение новых средних слоев означает сдвиги, перемены *во всех* трех основных классах капиталистического общества.

Для собственно мелкой буржуазии быстрое созревание новых средних слоев имеет весьма противоречивое, двойственное значение. Дело не в том, что лишь часть их примыкает к ней, а в том, что их рост — это и форма сохранения и даже численного увеличения важной прослойки мелкой буржуазии, и форма ее внутреннего разложения и уничтожения.

В наши дни не только на капиталистическом Западе, но и в экономически наиболее развитых странах «третьего мира» во многом по-иному, а во многом и сходно повторяется то, что произошло с ранними, «исконными» слоями мелкой буржуазии: ремесленниками и крестьянством. Первоначально рост их был остановлен, а затем они стали отступать, сдавать позиции и в сфере материального производства постепенно хиреть. Стремление удержаться, приспособляясь к фабричному производству, переходя в сферу ремонта или обслуживания проката промышленных изделий, показывает пути продолжения борьбы, хотя итог ее уже предreshен. Сапожник сейчас не выпускает, а ремонтирует обувь, аналогичное можно сказать о часовщике и т. п. Главное — возникли новые профессии по ремонту современных фабричных изделий: автомашин, велосипедов, радиоприемников, электроприборов и т. д. Однако и здесь «кустарь-одиночка» — иронический образ начала века — «угнетается», побивается вторгшимся и сюда капиталистическим предпринимательством. В результате жизненные условия, материальное положение «последнего мелкого капиталиста» резко ухудшаются, заставляя его пускаться в новые одиссеи.

С конца XIX в. до первой мировой войны экономический центр деловой активности мелкой буржуазии в западных капиталистических государствах начинает перемещаться в сферу распределения (торговлю и обслуживание). В области сбыта мелкие хозяйчики еще могли как-то приспособляться к жестокой монополистической конкуренции. В период «великой экономической депрессии» 1929 г. и последующих лет наступил перелом и в жизни этого «второго» слоя мелкой буржуазии. В других формах, иными темпами этот мелкобуржуазный ост-

ров тоже стал «сжиматься» и обнаруживать тенденцию к исчезновению.

В эпоху общего кризиса капитализма на первый план в западных странах вышел, так сказать, третий и последний отряд мелкой буржуазии, занятый в «нематериальной» сфере: лица «свободных» профессий, управленческие кадры, госаппарат и т. д. Рост этой «интеллигентской» части не случайно совпал с начальными этапами научно-технической революции, а затем с ее дальнейшим становлением и развитием. Место типичного интеллигента XIX в. — адвоката, частнопрактикующего врача, журналиста и художника — занимают инженер, коммивояжер, управляющий и государственный чиновник.

Такая мелкая буржуазия действительно лишается своей «плоти», «дематериализуется», т. е. теряет собственность. Речь идет именно о лицах «свободных» профессий — врач вынужден поступать в клинику, которая принадлежит не ему, юрист — в чужую юридическую контору и т. д. Вместо собственной частной практики со своим инструментарием — работа в современной поликлинике, фотолаборатории и т. п. Во всех таких случаях бывшим самостоятельным профессионалам приходится трудиться в чужих частных заведениях и кому-то (одному или совокупному капиталисту) приносить прибыль. Особенно быстро растут капиталистическая организация научно-исследовательской работы и число лиц, связанных с нею. Что касается научно-инженерных кадров, занятых непосредственно на производстве, то они давно входят в состав совокупного производительного рабочего.

Хронологически между «свободным» интеллигентом и интеллигентом по найму также лежал период снижения материального уровня, ухудшения жизненных условий. Повторялась знакомая картина «подготовки» к вступлению в капиталистический «рай», где и его шкуру будут дубить.

Следовательно, рост «нового среднего класса» — это не только эволюция мелкой буржуазии в рамках современного капитализма, но и появление новых прослоек буржуазии, рабочего класса (в частности, не занятых в сфере материального производства) и вообще трудящихся и людей, подвергающихся капиталистической эксплу-

атации. «Новые средние слои» — не один класс, а прослойки нескольких классов. В то же время их реальное место в производстве и обществе определяет зачастую то же срединное (во многом кажущееся) положение, типичное для мелкой буржуазии. Не удивительно, что в их среде идеология последней чрезвычайно легко сохраняется или воспринимается, приобретая, естественно, новые грани, черты, оттенки. Возникает еще один парадокс — экономическая основа (мелкая частная собственность) исчезает, а соответствующий ей идеологический дух не только живет, но и стремится парить. Вероятно, потому, что его ничто уже «не сковывает», его уже «испустили». Впрочем, сам дух во многом и надолго остается прежним, мелкобуржуазным.

*Две стороны мировоззрения мелкой буржуазии
и мелкобуржуазность*

Появление новых средних слоев на госмонополистическом Западе демонстрирует предельную веху на классическом пути эволюции мелкой буржуазии. Она прошла всю дорогу и дала жизнь принципиально иным общественным силам. В освободившихся странах тоже можно наблюдать начало аналогичных процессов. Однако здесь, как почти все в социально-экономической области, мелкая буржуазия не только не эволюционирует «классическим» образом, но, не завершив одного этапа, уже вступает в следующий. Смещение противоречивых внутренних и внешних факторов приводит к причудливой многослойности мелкобуржуазного класса в освободившихся странах, к его многоэтажности, при недостроенности большинства этажей. Но это тема дальнейшего повествования.

«Мелкая буржуазия» — не кличка, не ярлык, а объективная характеристика класса. Положение, состав его изменчивы, как изменчивы эпохи и обстановка, в которой он существует и действует. Понимание данного класса будет неполным, если не отметить его идеологии, взаимосвязь которой с экономическим базисом классически выражена К. Марксом в известном абзаце, связанном, кстати сказать, именно с характеристикой мелкого буржуа. «Над различными формами собственности,— писал он,— над социальными условиями существования

возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений. Отдельный индивид, которому эти чувства и взгляды передаются по традиции и в результате воспитания, может вообразить, что они-то и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности»²⁵.

Конечно, со сдвигами в экономическом бытии интересующего нас класса его воззрения, его иллюзии претерпевают также ощутимые видоизменения. Многослойность и экономическая лоскутность мелкой буржуазии порождает серьезные нюансы в идеологии отдельных ее слоев, нюансы, которые к тому же меняются в зависимости от страны и эпохи. Причем обычно оттенки мировоззрения одних и тех же слоев в разных странах, но в иную эпоху, разнятся сильнее, чем специфика идеологии ее частей в одну и ту же эпоху. Случается, что в различных странах в другую эпоху сближаются особенности взглядов ее различных частей. Попытаемся выделить хотя бы некоторые, самые главные, самые общие, доминирующие свойства или качества изучаемого класса, присущие ему во все эпохи и во всех государствах.

Двойственность экономического положения мелкого буржуа (мелкий собственник и в то же время труженик) — важнейшая, глубочайшая первопричина противоречивости его мировоззрения. «Мелкобуржуазные массы не могут не колебаться между буржуазией и пролетариатом. Так было во всех странах...»²⁶. Мелкий буржуа всегда, помимо всего прочего, объект борьбы между буржуазией и пролетариатом. Обстановка, в которой происходит эта борьба, и ее формы в зависимости от эпохи и страны бесконечно варьируют, но его внутренняя двойственность и раздирающий его антагонизм делают мелкого буржуа колеблющейся силой. «Его прошлое влечет его к буржуазии, его будущее к пролетариату»²⁷.

²⁵ К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8, с. 145.

²⁶ В. И. Ленин. Куда привели революцию эсеры и меньшевики.— Т. 32, с. 371—372.

²⁷ В. И. Ленин. О конституционных иллюзиях.— Т. 34, с. 40.

Для мелкого буржуа частная собственность и труд неразделимы: собственность — результат личного труда, а труд — залог ее получения. Отсюда все банальности сказок об успехах бережливого хозяина, о выбившихся в люди «счастливицах» и т. п. Как законы простого товарного производства превращаются в законы капиталистической эксплуатации, а общество независимых товаровладельцев раскалывается на капиталистов и рабочих, мелкий буржуа и его идеологи до самого последнего времени не понимали. Эти неизбежные результаты общественного развития при капитализме они считают случайностью, отклонением от нормы, противопоставляют им всевозможные теории «экономического романтизма», предлагая бороться с подобными «искажениями» советами, обличениями и т. п. Однако идеализация мелкого производства выражает лишь реакционную, *мелкобуржуазную* точку зрения.

Противоположные начала и свойства заключены внутри самого мелкого буржуа. А так как он стремится примирить их и тем сохранить себя в качестве класса, аналогичную позицию он занимает и в классовом обществе, и в классовой борьбе. К. Маркс указывал, что представители мелкой буржуазии «творили» демократические мероприятия, оставаясь «в рамках мелкобуржуазности», стараясь сгладить, а не уничтожить классовые антагонизмы, превратить их в «гармонию». «Не следует только разделять то ограниченное представление, будто мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те *общие* условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом, не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и

вообще отношение между *политическими* и *литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют»²⁸.

Стремление «все примирить, все сгладить» — проявление одного из основных мелкобуржуазных качеств. Отсюда вытекает и возможность беспринципных классовых компромиссов со стороны мелкой буржуазии. В эпоху общего кризиса капитализма это качество у части ее, особенно в «третьем мире», начинает перерастать в некую противоположность — в предельную непримиримость, которая тоже (хотя с другого «бока») приводит к тяжелым последствиям. Перед нами метания от свехосторожности к свехреволюционной «отваге».

Мелкотоварное производство означает существование множества самостоятельных и изолированных друг от друга экономических хозяйств-лилипотов. Отсюда неизбежно развитие сильнейшего духа мелкого *индивидуализма*, порождаемого самими условиями жизни. Отсюда и девиз: «каждый за себя, один бог за всех», анекдотическая ограниченность, «узколобие и эгоизм мелких буржуа»²⁹. «За деревьями не видеть леса — это основная черта мелкобуржуазной доктрины»³⁰, — писал В. И. Ленин. Объективная обстановка обусловила и то, что мелкобуржуазный слой «на понимание туп до чрезвычайности»³¹. В целом «мелкобуржуазная стихия недаром называется стихией, ибо это действительно нечто наиболее бесформенное, неопределенное, бессознательное»³².

Мелкобуржуазная распыленность, неустойчивость, малая способность к выдержке, к объединению, к согласованным действиям выявились уже в XIX в. и присущи отнюдь не только ремесленникам и крестьянам. Так, об интеллигенции того периода В. И. Ленин говорил: «Пе-

²⁸ К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — Т. 8, с. 148.

²⁹ В. И. Ленин. О левонародниках. — Т. 25, с. 158.

³⁰ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Т. 1, с. 401.

³¹ В. И. Ленин. Чрезвычайное заседание пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 3 апреля 1919 г. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики. — Т. 38, с. 254.

³² В. И. Ленин. О продовольственном налоге. — Т. 43, с. 241.

реходное, неустойчивое, противоречивое положение рассматриваемого общественного слоя отражается в том, что среди него особенно широко распространяются те половинчатые, эклектические воззрения, та мешанина противоположных принципов и точек зрения, то стремление подниматься на словах в превыспренность области и затушевывать фразами конфликты исторических групп населения,— которые так беспощадно бичевал своими сарказмами Маркс полвека тому назад»³³.

Иными словами, черты, в основе своей типичные для крестьянства, по-своему проступают и у других слоев того же класса. «Совершенно естественно, что отсюда с полной неизбежностью вытекает широкое распространение и постоянное возрождение в самых разнообразных формах мелкобуржуазных идей и учений. Совершенно естественно, что русский „социалист-революционер“, всецело плененный идеями мелкобуржуазного народничества, оказывается „поневоле братом“ европейского реформиста и оппортуниста, который, когда хочет быть последовательным, неизбежно договаривается до прудонизма»³⁴. Здесь отмечена идейная смычка идеологов разных слоев мелкой буржуазии, живущих в неодинаковых по условиям странах, но в одну и ту же эпоху.

Хозяйственная распыленность, беспорядочная конкуренция влекут за собой возникновение множества сталкивающихся взглядов, «грызущихся» друг с другом мелкобуржуазных течений и организаций. Весь класс сам по себе никак не может сплотиться, в нем всегда наблюдается разброд, броуновское движение его частей. Более или менее ярко в тот или иной период, в той или иной стране проявляются *отдельные* потенции (и настроения) класса, причем нередко враждебные. Внутренние противоречивые качества класса, временно концентрируясь у некоторых его слоев, так сказать, противостоят друг другу «вовне», вызывают борьбу и разногласия, что усложняет и затемняет понимание (особенно политически) класса в целом. Осознание этой *дробности* крайне важно, ибо она объясняет, почему «полюса» одного и того же класса иногда оказываются по разную

³³ В. И. Ленин. Рецензия. *Karl Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm.*— Т. 4, с. 209.

³⁴ В. И. Ленин. *Les beaux esprits se rencontrent.*— Т. 7, с. 214.

сторону баррикад, почему ему так трудно сплотиться, стать «классом для себя» и почему пролетариат не может привлечь сразу всю мелкую буржуазию и должен длительное время вступать в союз с ее частями.

Экономические условия существования мелкого буржуа отличаются чрезвычайной неустойчивостью, нестабильностью, причину которых он понять не в силах, а что-либо изменить и подавно. В результате развивается неустойчивость и в его политической жизни, неспособность к систематической, упорной, выдержанной массовой борьбе. Именно эти объективные факторы, но отнюдь не «врожденные» скверные свойства отдельных представителей класса неотвратимо, как чередование отлива и прилива, вызывают у мелкобуржуазной стихии то настроения равнодушия, упадка, неверия, то невероятный всплеск энергии, готовность пойти на что угодно, сверхреволюционность, стремление перепрыгнуть через собственную голову, стать над классами и вообще над реальностью. В такие моменты испускается торжествующий клич самодура: «Все могём», а потом, естественно, наступает крах, приходит похмелье, стон, вой. Круг замыкается. Затем можно начинать снова.

Фетишизация сознания мелкого буржуа — это первозданно и всеобщее. Он не только носитель отчужденного сознания, связанного с «товарным фетишизмом» и его усложненной формой — «денежным фетишизмом», он еще и жертва его новой качественной ступени, когда фетиш — капитал, точнее, «природа» капиталистических производственных отношений. Эта природа для него сверхъестественна и непознаваема, она ниспосылает и блага и кару, ей нужно поклоняться и молиться, а еще лучше — по-крестьянски «заговаривать», улещивать «боженьку», а также обманывать его.

Мелкая буржуазия — хранитель и кладезь всего народного, национального, но всего без особого разбора. Тут и великое и прекрасное (песни, фольклор, одежда, архитектура, лучшее в национальном характере и т. д.), тут низменное и отвратительное (мракобесие, суеверие, фанатизм, ограниченность и т. д.). Идеологию мелкой буржуазии почти до самого последнего времени невозможно было отделить от религии или религиозности. А поскольку видов, подвидов, оттенков верований тьма, мелкий буржуа в каждой стране — или мусульманин,

или буддист, или индуист, или христианин и т. д. При чем он не просто, скажем, христианин, но либо католик, либо православный, либо евангелист и т. д. К тому же он еще и основа бесчисленных религиозных ересей и сект. и т. д. Весь этот «великий» религиозный хаос вполне «вписывается» в образ мелкой буржуазии, единой и раздробленной. Поэтому отношение к мелкой буржуазии и в данном смысле должно быть конкретным и практическим (особенно в «третьем мире»).

Каждая эпоха и каждая страна знала и знает свои во многом неповторимые виды и формы мелкобуржуазной идеологии, которая всегда в чем-то существенном эклектична и двойственна. Она нуждается в тщательном, глубоком и даже доброжелательном изучении и понимании, ибо это идеология классового союзника (потенциального или частичного и т. д.) пролетариата. В ней нужно отмечать, находить прогрессивное, рациональное и отмечать реакционное, гнилое.

Промежуточное положение мелкой буржуазии между антагонистическими классами капиталистического общества прямо сказывается и на ее мировоззрении. «Мелкая буржуазия,— не уставал предупреждать В. И. Ленин,— двулична по самой своей природе, и, тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам... способна заключить союз с правящими классами против пролетариата ради укрепления своего положения как *мелких собственников*»³⁵. Она постоянно колеблется, боится прогадать и только в результате долгого и дорогостоящего (исторического) опыта начинает здраво рассуждать, выбирая между буржуазией и пролетариатом. Отношения этих классов с ней сводятся к трем основным вариантам: сотрудничество, нейтрализм (невмешательство) и борьба. Естественно, первый и третий варианты воспринимаются пролетариатом и буржуазией с противоположным знаком: что для одного борьба, для другого — сотрудничество. Второй случай означает специфическое (нулевое) положение, при обострении которого появляются те или иные разновидности бонапартизма. Подобный вариант относительно част в «третьем мире».

³⁵ В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов.— Т. 2, с. 454.

История пробовала, меняла всевозможные сочетания трех главных классовых сил, перетасовывала их союзы и разрывы. Поэтому формы, виды, оттенки этих сочетаний от эпохи к эпохе, от государства к государству настолько меняются, что зачастую отрицается, не признается родство с аналогичным предшествующим соотношением «сторон».

Тот аспект мировоззрения мелкой буржуазии, который определяется ее позицией собственника и в какой-то мере эксплуататора, мы называем *мелкобуржуазностью*. Конечно, он теснейшим образом переплетен с элементами идеологии труженика, обусловленными трудовой деятельностью мелкого собственника и эксплуатацией со стороны буржуазии. Эти два аспекта идеологии мелкой буржуазии до конца не могут быть распутаны, разделены десятками лет напряженной политической борьбы и ее тягчайшим опытом. Однако мелкий буржуа все больше испытывает отрезвляющее влияние пролетарского мировоззрения, что содействует постепенному перевесу «трудовой» части его идеологии. Тем не менее мелкобуржуазность, пока остается мелкая буржуазия (и долго после этого), полностью не исчезает, перевес «трудового начала» достигается нелегко, нередки рецидивы, иногда крайне серьезные.

Только через теснейшую связь (всегда конкретную, принципиальную) пролетариата и различных слоев мелкой буржуазии реализуется союз двух классов. Но влияние их взглядов взаимно. В разное время у разных частей рабочего класса и даже у территориально отдельных его отрядов влияние мелкобуржуазной стихии ощущалось неравномерно. В. И. Ленин, например, отмечал, «что Москва более Питера мелкобуржуазна, это общеизвестно. Что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям, это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый»³⁶. Для практической деятельности пролетарских организаций, особенно в освободившихся странах, подобные отличия очень важны.

В целом мелкобуржуазная идеология «развращает классовое сознание пролетариата, делает его негодным

³⁶ В. И. Ленин. Кризис назрел. — Т. 34, с. 278.

к самостоятельной позиции»³⁷, и, если этой идеологии не противодействовать, она «неминуемо всякое пролетарское движение погубит...»³⁸.

При разложении класса мелкой буржуазии возникают различные переходные слои (люмпен-крестьянство, люмпен-пролетариат, люмпен-интеллигенция и многие другие люмпен-категории), становящиеся разносчиками некоторых элементов мелкобуржуазности, нередко доведенных до крайности как сверхреволюционности, так и контрреволюционности. Мелкобуржуазность — пустцвет, постоянно появляющийся и вянувший на живом дереве современной истории, хотя внешне он почти ничем не отличается от цветка с завязью.

Условия и формы борьбы между буржуазией и пролетариатом за мелкую буржуазию требуют специального изучения. Эта борьба охватывает все сферы деятельности: экономическую, политическую, идеологическую и культурную. Особенно сильным оружием, решающим в конечном счете вопрос, на чьей стороне окажется перевес, является государственная власть. Битва за мелкого буржуа, перетягивание его на свою сторону — задача сложная, требующая времени и кропотливого труда. Для успеха нужно содействовать «победе его рассудка над его предрассудком»³⁹. «Обманутых мелких буржуа надо разубеждать, разъяснять им обман; иногда надо, пойдя с ними на войну, уметь выжидать обработки их голов опытом войны»⁴⁰. Показать мелкой буржуазии ее истинного врага, сорвать с него маску, подтвердить практически правильность своей линии нелегко. Однако и это еще не все.

Классовые выступления мелкой буржуазии выявляют ее специфические черты. В работе «Экономическое содержание народничества» В. И. Ленин писал: «Но отличительная и основная черта мелкого буржуа — воевать против буржуазности средствами буржуазного же общества»⁴¹. Какое разнообразие подобного рода спосо-

³⁷ В. И. Ленин. План статьи против эсеров. — Т. 7, с. 389.

³⁸ В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. — Т. 41, с. 26—27.

³⁹ В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад. — Т. 8, с. 220.

⁴⁰ В. И. Ленин. Софизмы социал-шовинистов. — Т. 26, с. 183.

⁴¹ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Т. 1, с. 362.

бов борьбы мелкобуржуазных деятелей против капиталистического мира знает история революционного движения. «Всякая борьба всякой мелкой буржуазии против всяких привилегий *всегда* несет на себе следы мелкобуржуазной ограниченности, половинчатости...»⁴².

С формированием и последующим быстрым развитием буржуазии ее идеология, ее взгляды стали весьма успешно внедряться в мелкособственнические головы, благо они к тому были достаточно подготовлены, а совершенствование буржуазно-пропагандистского аппарата (особенно с наступлением эпохи империализма) предоставляло для этого мощные «научные» рычаги и приемы. Впрочем, сейчас эти совершенные средства все чаще используются (и не только на капиталистическом Западе) не для наступления, а для обороны (правда, предельно активной), чтобы удержать стремящиеся уйти, оторваться от монополий мелкую буржуазию и «новые средние слои». Эволюция отношений буржуазии и мелкой буржуазии, методы идеологической борьбы за вторую — тема особая.

Пролетариат, после того как он взял на вооружение идеи научного социализма, после того как обрел в них свое истинное мировоззрение, смог не только сокращать идеологическое влияние буржуазии, и особенно мелкой буржуазии, но и переносить центр «сражения» на «территорию» противника и потенциального союзника. За него-то и идет (уже более столетия) главная идеологическая схватка.

В связи с вторжением пролетарского мировоззрения в мелкобуржуазную среду (которая, как уже говорилось, *эволюционирует*) наблюдаются интереснейшие сдвиги во взглядах ее представителей. Постепенно растет тяга к научному пролетарскому миропониманию и одновременно стремление приспособить его к своим классовым интересам (все стороны внутренней противоречивости процесса осветить тут невозможно).

Естественно, что сперва отдельные части класса, через свои отдельные организации, брали отдельные элементы, «куски» или даже оболочку марксизма и добавляли их к мешанине собственных воззрений. Факт «заимствования» сам по себе прогрессивен, он отражает

⁴² В. И. Ленин. Наши упразднители (о г. Потресове и В. Базарове). — Т. 20, с. 132.

тенденцию к сближению с пролетариатом, момент укрепления «рассудка» мелкого буржуа. Но одновременно в этом же таится опасность вульгаризации, извращения научного социализма, что, безусловно, реакционно. Именно о таком явлении в истории революционной борьбы в России писал В. И. Ленин: «Социал-революционаризм есть одно из тех проявлений мелкобуржуазной идейной неустойчивости и мелкобуржуазной вульгаризации социализма, с которыми социал-демократия всегда должна и будет вести решительную войну»⁴³.

В 1911 г. он отметил, что, в связи с тем что социализм отстаивал право на существование и теперь борется за власть, стратегия и тактика буржуазии, старающейся сохранить свое господство, тоже начала меняться. «Не либерализм против социализма, а реформизм против социалистической революции — вот формула современной, „передовой“, образованной буржуазии». С точки зрения всемирного развития социализма это крупный шаг вперед. Но этот качественный сдвиг, о котором В. И. Ленин в последующие годы скажет так много, внес изменения и в рабочее движение, и в его отношения с мелкой буржуазией. «Обострение борьбы реформизма с революционной социал-демократией *внутри* рабочего движения есть совершенно неизбежный результат указанных изменений во всей экономической и политической обстановке всех цивилизованных стран мира. Рост рабочего движения неизбежно привлекает в число его сторонников известное количество мелкобуржуазных элементов, поработанных буржуазной идеологией, с трудом освобождающихся от нее, постоянно впадающих в нее снова и снова. Социальную революцию пролетариата нельзя себе и представить без этой борьбы, без ясной принципиальной размежевки социалистической „Горы“ и социалистической „Жиронды“ *перед* этой революцией, — без полного разрыва оппортунистических, мелкобуржуазных, и пролетарских, революционных, элементов новой исторической силы *во время* этой революции»⁴⁴.

⁴³ В. И. Ленин. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? — Т. 6, с. 374.

⁴⁴ В. И. Ленин. Реформизм в русской социал-демократии. — Т. 20, с. 305, 306.

Под влиянием колоссальных перемен в мире (особенно в эпоху общего кризиса капитализма), трансформации самой мелкой буржуазии, ухудшения ее положения и главным образом невиданных успехов пролетариата ее восприимчивость к идеям марксизма-ленинизма становится огромной, а желание использовать их в своих интересах почти неудержимым. В данном случае перед нами принципиально новое явление, связанное с расширением социальной базы (за пределами рабочего класса) для восприятия научного социализма. В этом колоссальный успех сил мирового социализма. Однако вытеснение мелкобуржуазной идеологии из ее классовой среды никогда не может быть полным, стопроцентным и окончательным. Она все время стремится затопить, захлестнуть и тем самым фактически потеснить пролетарскую идеологию или даже отбросить ее. Такая угроза существует, и с ней надо считаться.

«Рабочий, став передовым вождем бедноты, не стал святым. Он вел вперед народ, но он и заражался болезнями мелкобуржуазного развала. Чем меньше бывало отрядов из наилучше организованных, из наиболее сознательных, из наиболее дисциплинированных и твердых рабочих, тем чаще разлагались эти отряды, тем чаще бывали случаи победы мелкособственнической стихии прошлого над пролетарско-коммунистической сознательностью будущего»⁴⁵. В. И. Ленин писал эти строки о России, но думы его шли дальше. Огромные колониальные резервы империализма начинали приходить в движение, становиться союзниками пролетариата на международной арене. Возник новый аспект союза двух основных трудящихся классов, но зарождались и новые формы мелкобуржуазности.

Пролетариат сталкивается с бесчисленными видами и перевоплощениями мелкобуржуазности (в частности, с такими изощренными, как троцкизм, фашизм, «сверхлевый» экстремизм и т. д.), ибо она менялась в зависимости от главных задач революции в конкретном государстве и от этапа ее развития. Более того, мы, вероятно, столкнемся и с другими, пока неизвестными ее «ликами», ведь мелкая буржуазия продолжает сущест-

⁴⁵ В. И. Ленин. О голоде (Письмо к питерским рабочим). — Т. 36, с. 364.

зовать и эволюционировать, а революционный процесс перехода от капитализма к социализму в мире еще далеко не завершился.

Таковы некоторые общие и потому неизбежно в чем-то абстрактные качества мелкобуржуазности. Они выведены, «выжаты» из жизни, однако узнавание этих свойств в меняющейся обстановке — дело чрезвычайной трудности. «Всякому марксисту давно известна та истина, что *решающими* силами во всяком капиталистическом обществе могут быть только пролетариат и буржуазия, тогда как все социальные элементы, стоящие между этими классами и подходящие под экономическую рубрику мелкой буржуазии, *неизбежно* колеблются между этими решающими силами. Но от книжного признания этой истины до умения делать вытекающие из нее выводы в сложной обстановке практической деятельности — дистанция огромного размера»⁴⁶.

Естественно, что в данной работе отмечены лишь отдельные признаки мелкобуржуазности, на которые особенно обращали внимание классики марксизма-ленинизма. В наши дни мы обнаруживаем новые ее разновидности. При этом бросается в глаза серьезнейшее отличие ее в «третьем мире» — не только по характеру эволюции, по «композиции», но и, так сказать, по соотношению ее противоположных качеств. «Трудовое» начало в мировоззрении мелкой буржуазии занимает гораздо большее место, а важными и многочисленными носителями ее идеологии выступают «освобожденные» от всякой собственности люмпенские слои. В результате возникают неизвестные доселе причудливые сочетания двух противоположных начал, что порождает и иные последствия в социально-экономическом развитии и классовой борьбе в отдельных государствах.

Дальнейшее применение метода абстракции в целях уяснения основных качеств мелкой буржуазии теперь требует детального анализа положения в определенных странах. Наступает очередь разбора конкретно-исторических ситуаций, только через раскрытие которых понимание положения мелкой буржуазии и эволюции мелкобуржуазности может стать более глубоким, а само яв-

⁴⁶ В. И. Ленин. Ценные признания Питирима Сорокина. — Т. 37, с. 189.

ление обрести плоть и кровь. Конечно, эта проблема исключительно широка. Социалистическая революция совершается не сразу и в неодинаковой обстановке, ибо «критические точки» капитализма, т. е. благоприятные условия для нее, складываются на *различных* этапах эволюции. Именно в разных классовых союзах и на разных стадиях исторического развития по-разному проявляются и потенции класса мелкой буржуазии.

II. МЕСТО И РОЛЬ МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ
В КЛАССОВЫХ БИТВАХ
НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ЗАПАДЕ И В РОССИИ

*Мелкая буржуазия в основном идет
за буржуазией (Западная Европа, XIX в.)*

От Кола ди Риенцо через Нидерланды, через Кромвеля до Великой французской буржуазной революции шло, пусть неравномерное, нарастание революционных потенций мелкой буржуазии. В битвах с институтами и традициями умиравшего феодализма креп ее союз с буржуазией. В главных сражениях крестьянина с феодалом колеблющимся социальным слоем, пожалуй, была торговая и денежно-финансовая буржуазия. В 1789 г. во Франции она пошла на союз с крестьянством, что и обеспечило ей в конечном счете блестящую победу над абсолютизмом и дворянством. Представители мелкой буржуазии еще могли быть великими революционерами, «боги еще жаждали». Не удивительно, что деятели этой революции были идеалом для нескольких последующих поколений. Впрочем, с течением времени европейские мелкобуржуазные политики становились жалкой карикатурой на «своих» великих предшественников, отражая в конечном счете эволюцию определенных классовых сил. «Крестьянин был в Европе повсюду революционер, — отмечал В. И. Ленин, — когда он боролся с феодалами, крепостниками и помещиками. Добившись свободы и частички земли, крестьянин, по общему правилу, мирился с помещиками и попами, становясь реакционером»¹. Сложность и трагичность эволюции наиболее одаренных представителей класса мелкой буржуазии в период «безвременья» во Франции отображены в лич-

¹ В. И. Ленин. Новейшие данные о партиях в Германии: — Т. 23, с. 340.

ности и жизни Жюльена Сореля. Дух социального протеста уходит вглубь, прячется, как портрет Наполеона, под подушку, сменяется стремлением отдельной незаурядной личности найти значительное место в уже сложившейся буржуазно-клерикально-дворянской иерархии даже ценой компромисса с собственной совестью. Жюльен не смог и не захотел дойти до конца этого пути, не пожелал предать самого себя и потому погиб. Другие не были столь щепетильны.

К новому циклу социальных революций положение в Западной Европе меняется. Атакующим классом становится пролетариат, но он еще не в состоянии привлечь на свою сторону мелкую буржуазию, измена последней обрекает революции на поражение. Мелкобуржуазная революционность вырождалась в парламентско-либеральную болтовню Луи Блана или в заговорщический авантюризм Огюста Бланки. Парижская коммуна 1871 г. явила всему свету новую «мировую державу», пролетариат. Но коммунары не могли победить, ибо предпосылки для победы социалистической революции отсутствовали. «Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления». «Только рабочие остались до конца верны Коммуне. Буржуазные республиканцы и мелкие буржуа скоро отстали от нее: одних напугал революционно-социалистический, пролетарский характер движения; другие отстали от нее, когда увидели, что оно обречено на неминуемое поражение»². Домбровский пал, но красное знамя защищаемой им пролетарской баррикады уже не смогли сорвать никакие версальцы.

К этому времени обозначались кардинальные сдвиги и в идеологии. На смену утопическому социализму, многие представители которого, по свидетельству Поля Лафарга, «вербовали своих приверженцев почти исключительно среди ремесленников, презиравших обыкновенных рабочих, и наиболее образованных слоев буржуа-

² В. И. Ленин. Памяти Коммуны.— Т. 20, с. 219, 218.

зии»³, пришел научный социализм, который начал соединяться с движением пролетариата. Чтобы утвердиться в нем, пришлось (и приходится) вести борьбу не только с буржуазной, но и мелкобуржуазной идеологией. Чтобы марксизм утвердился, надо было преодолеть «экономический романтизм» Сисмонди, «нищету философии» Прудона и другие разновидности тогдашней европейской мелкобуржуазности в теории, «революционный макиавеллизм» Бакунина и его «Альянс социалистической демократии» (а лучше анархический авантюризм) на практике⁴.

В 1905 г. В. Ленин в статье с примечательным названием «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» показал этапы борьбы этих двух идеологий в демократическом и революционном движении Европы. Он отметил, что каких-нибудь тридцать лет до того в Германии преобладали «переходные, смешанные, эклектические воззрения между мелкобуржуазным и пролетарским социализмом. А в романских странах, во Франции, Испании, Бельгии, самыми распространенными учениями среди передовых рабочих были прудонизм, бланкизм, анархизм, явно выражавшие точку зрения мелкого буржуа, а не пролетария»⁵. В числе объективных причин, обеспечивавших перевес пролетарского социализма, Ленин выделил две: «упадок мелкой буржуазии неминуемо влек за собой рано или поздно отмирание всяческих мелкобуржуазных предрассудков, а рост капитализма и обострение борьбы классов внутри капиталистического общества служили лучшей агитацией за идеи пролетарского социализма»⁶.

Но победа научного, пролетарского социализма не пришла автоматически, стихийно. Понадобилась напря-

³ Поль Лафарг. Сочинения. Т. 1, 1925, с. 9.

⁴ В последние годы проблема ультралевого искажения научного коммунизма привлекает все большее внимание и в историческом плане. Этой проблеме посвящены, например, следующие работы: А. М. Арзамасцев. Казарменный «коммунизм». Критический очерк. М., 1974; Л. П. Суперфин. Критика К. Марксом и Ф. Энгельсом концепции пробоуравнительного коммунизма (экономический аспект). М., 1975; А. И. Володин, Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX в. М., 1976.

⁵ В. И. Ленин.— Т. 12, с. 39.

⁶ Там же, с. 39—40.

женная деятельность членов I Интернационала, направляемая К. Марксом и Ф. Энгельсом, чтобы дать начало соединению идей научного социализма с рабочим движением, причем основоположники марксизма стремились брать все положительное у мелкобуржуазных революционеров и отмечать все реакционное. «Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы не-пролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школок, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах»⁷.

По мере роста рабочего движения и распространения марксизма вширь мелкобуржуазные течения в этом движении, по сути дела, утрачивают самостоятельность. Однако они оказались крайне живучими, как и среда, их порождавшая, и возникали вновь уже *внутри* (а не вне) пролетарского движения. «Основные тактические разногласия в современном рабочем движении Европы и Америки сводятся к борьбе с двумя крупными направлениями, отступающими от марксизма, который фактически стал господствующей теорией в этом движении. Эти два направления — ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархо-синдикализм, анархо-социализм). Оба эти отступления от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех цивилизованных странах на протяжении более чем полувековой истории массового рабочего движения»⁸.

Превращение пролетариата из класса в себе в класс для себя означало преодоление им мелкобуржуазных предрассудков и иллюзий и резкое ограничение сферы действия мелкобуржуазной идеологии. Однако влияние последней, опасность ее не исчезают, хотя формы и методы резко меняются. Одновременно появляется возможность обратного и эффективного влияния на мелкую

⁷ В. И. Ленин. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма). — Т. 26, с. 49.

⁸ В. И. Ленин. Разногласия в европейском рабочем движении. — Т. 20, с. 62.

буржуазию или ее отдельные отряды, что подразумевает, в частности, перенесение центра борьбы с мелкобуржуазной идеологией в среду, ее питавшую. Ставится кардинальная проблема о дополнении рабочего движения вторым изданием крестьянской войны, т. е. проблема союза пролетариата и крестьянства в борьбе за социализм. Но это уже иная расстановка трех главных сил.

Западная Европа дала образец, так сказать, классического сочетания трех классовых сил до и после буржуазных революций, в эпоху преимущественного эволюционного развития капитализма и «свободной конкуренции». Тогда зародились и оформились многие буржуазные институты, возникли политические партии. Общественный строй внешне приобрел неколебимую устойчивость. Мелкая буржуазия менялась и бурлила, хотя в целом продолжала литься к буржуазии. Влияние пролетариата на отдельные ее слои возрастало, но к 1914 г. «десятилетия так называемой мирной эпохи накопили во всех странах Европы массу мелкобуржуазного, оппортунистического навоза *внутри* социалистических партий»⁹.

*Мелкая буржуазия склоняется к союзу
с пролетариатом и идет за ним
(Россия, конец XIX — начало XX в.)*

Россия являла пример довольно развитой капиталистической страны, в которой мелкая буржуазия, составлявшая вместе с полупролетариями основную часть населения, колебалась между буржуазией и пролетариатом в борьбе против крепостничества и самодержавия в период буржуазно-демократической революции и перерастания ее в социалистическую.

В пореформенной России при преобладании класса мелких товаропроизводителей главной формой политического и идеологического движения было народничество, проделавшее довольно сложную эволюцию. Старое народничество было представлено теми революционера-

⁹ В. И. Ленин. Что же дальше? (О задачах рабочих партий по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму).— Т. 26, с. 113.

ми, кто «шел в народ». Оно возникло «в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился...»¹⁰. В то время народники сторонились либералов и адресовались к народу, но их практическая доктрина была чистой утопией. Когда же капиталистическое развитие стало очевидным фактом, «от стройной доктрины народничества с детской верой в „общину“ остались одни лохмотья». Началось заигрывание с буржуазией, с либералами. «Вот эта-то перемена и заставляет отличать идеологию крестьянства от идеологии мелкой буржуазии»¹¹.

С появлением в России марксизма перед ним сразу же стала проблема: как пролетариату отнестись к мелкой буржуазии и ее программам? Идеологически надо было развенчать и вскрыть классовое содержание программы «друзей народа». Недаром В. И. Ленин сделал вывод, что «вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века есть история борьбы марксизма с мелкобуржуазным народническим социализмом»¹². Но эта борьба не означала отметание всего связанного с последним начисто. Отвечая на поставленный выше вопрос, В. И. Ленин подчеркивал, что надо было принимать во внимание «двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении... Эти две стороны мелкобуржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих

¹⁰ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.— Т. 1, с. 413.

¹¹ Там же, с. 414.

¹² В. И. Ленин. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм.— Т. 12, с. 40.

теорий, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части»¹³.

Вновь и вновь возвращаясь к проблеме народничества и мелкой буржуазии, В. И. Ленин указывал и на их прогрессивную сторону — ту, что связана с борьбой не только против отмирающего феодализма, но и против растущего крупного капитала. Народник, говорил он, как и мелкий производитель, это двуликий Янус, «который смотрит одним ликом в прошлое, желая укрепить свое мелкое хозяйство, не зная и зная ничего не желая об общем экономическом строе и о необходимости считаться с заведующим им классом, — а другим ликом в будущее, настраиваясь враждебно против разоряющего его капитализма.

Понятно отсюда, что отвергать всю народническую программу целиком, без разбора, было бы абсолютно неправильно. В ней надо строго отличать ее реакционную и прогрессивную стороны»¹⁴.

Анализ переписи 1877 г. позволил В. И. Ленину сделать статистически достоверные выводы о классовом и имущественном расслоении населения¹⁵. Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие составили на конец XIX в. около 3 млн., зажиточные мелкие хозяева — 23,1 млн., беднейшие мелкие хозяева — 35,8 млн., пролетарии (их не менее 22 млн.) и полупролетарии — 63,7 млн., всего около 125,6 млн. В этих условиях «затушевывать многочисленность мелкобуржуазных слоев в населении России значило бы прямо фальсифицировать картину нашей экономической действительности»¹⁶.

Не удивительно, что рабочее движение в России более быстро и в своеобразных формах прошло тот же путь, который раньше прошли западноевропейские пролетарии. Лишь долгой борьбой и тяжелым трудом самых передовых и всех сознательных рабочих давалось освобождение пролетарского классового движения от всяческих мелкобуржуазных примесей, ограничений,

¹³ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов). — Т. 1, с. 298.

¹⁴ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Т. 1, с. 529—530.

¹⁵ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Т. 3, с. 505.

¹⁶ Там же, с. 506.

узостей, извращений и укрепление его. «Рабочий класс живет бок о бок с мелкой буржуазией, которая разоряясь дает все новых и новых пришельцев в ряды пролетариата. А Россия — наиболее мелкобуржуазная, наиболее мещанская из капиталистических стран, переживающая только теперь ту эпоху буржуазных революций, которая, например, в Англии знаменует XVII век, а во Франции XVIII и первую половину XIX века»¹⁷.

В России существовала своя специфика борьбы с мелкобуржуазными течениями, возникшими до марксизма и распространившимися в рабочем движении. В дальнейшем наша страна узнала «собственные» «национальные» виды мелкобуржуазности внутри этого движения. «Россия — *самая* мещанская из всех капиталистических стран, — не уставал повторять В. И. Ленин. — И поэтому, как только марксизм стал *массовым* общественным течением в России, в нем появился интеллигентский мелкобуржуазный оппортунизм, сначала в форме „экономизма“ и „легального марксизма“ (1895—1902), затем в форме меньшевизма (1903—1908), наконец в форме ликвидаторства (1908—1914 гг.)»¹⁸. В истории партии большевиков с начала ее зарождения много сил было потрачено на борьбу с меньшевизмом. «Меньшевики, — писал В. И. Ленин, — представляют из себя *оппортунистическую, мелкобуржуазную* часть рабочей партии, отличающуюся такой же беспринципностью и шаткостью, как вся мелкая буржуазия вообще»¹⁹. Это был, так сказать, правомелкобуржуазный уклон в рабочей партии. Он был особенно силен и опасен в Западной Европе. Из-за специфики мелкобуржуазной стихии и наличия огромных слоев люмпен- и полупролетариата в России большую опасность представлял левомелкобуржуазный уклон в партии. Отмечая угрозу справа, В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал, что «большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против *мелкобуржуазной революционности*, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует»²⁰.

¹⁷ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей партии в России. — Т. 25, с. 101.

¹⁸ В. И. Ленин. Заключение к сборнику «Марксизм и ликвидаторство». — Т. 25, с. 122.

¹⁹ В. И. Ленин. Со ступеньки на ступеньку. — Т. 14, с. 303.

²⁰ В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. — Т. 41, с. 14.

Победа ленинизма в рабочем движении и постоянная борьба за ее закрепление позволили русскому пролетариату приобрести мощнейшее оружие в сознательном и умело проводимом сражении за социалистическую революцию. Это создало важную предпосылку максимального использования всех возможностей для завоевания крестьянства, отрыва его от буржуазии. Буржуазно-демократическая революция протекала необычно для Запада — под руководством пролетариата. Большевикам, чтобы осуществить ее, пришлось придерживаться сложной, гибкой, но и принципиальной тактики союза и борьбы с мелкобуржуазными течениями вне рабочего класса, прежде всего с такими преемниками народничества, как эсеры.

К тому времени влияние марксизма на мелкобуржуазные слои стало весьма заметно и эсеры продемонстрировали новый зигзаг в колеблющейся позиции мелкой буржуазии. В. И. Ленин указывал: «Основное противоречие всей программной позиции с.-р. есть шатание между народничеством и марксизмом. Марксизм требует ясного разграничения программы-максимум и программы-минимум. Максимум — это социалистическое преобразование общества, *невозможное* без уничтожения товарного производства. Минимум — это преобразования, возможные еще в рамках товарного производства. Смешение того и другого неизбежно приводит ко всякого рода мелкобуржуазным и оппортунистическим или анархическим извращениям пролетарского социализма, неизбежно *затемняет* задачу социальной революции, осуществляемой посредством завоевания политической власти пролетариатом»²¹. Перед нами то качество мелкобуржуазного революционера, которое затем будет все более количественно увеличиваться посредством «подкрепления» мелкобуржуазной идеологии марксизмом сперва по форме, а затем через заимствование у него отдельных элементов и т. д.

Подобно многочисленным мелкобуржуазным предшественникам, эсеры стремились затушевать свою классовую природу, *так как* с.-р. чувствуют, что единственным социальным базисом их позиции между двух стульев могут быть разве лишь некоторые мелкобуржуазные

²¹ В. И. Ленин. Эсеровские меньшевики. — Т. 13, с. 397.

слои интеллигенции,— *поэтому* они пишут о мелкой буржуазии так, будто этот термин означает не социальную категорию, а просто полемический оборот речи»²².

Однако при всех благоприятных объективных и субъективных условиях русскому пролетариату и мелкой буржуазии нужно было пройти *практическую* школу, чтобы осознать свою классовую специфику и необходимость союза.

В августе 1907 г. В. И. Ленин писал: «У нас упускают, напр., из виду, что эта революция должна показать пролетариату — и только она может впервые показать пролетариату, какова *на деле* буржуазия *данной* страны, каковы *национальные* особенности буржуазии и мелкой буржуазии в данной *национальной* буржуазной революции»²³.

В первой русской буржуазно-демократической революции против монархии и помещиков активно боролся пролетариат, неуверенно шло за ним крестьянство. «Недостаток силы и решительности этих классов вызвали поражение»²⁴. Но генеральная репетиция революции обогатила все трудящиеся классы колоссальным опытом и пониманием расстановки сил, породила организационные и иные формы массовых выступлений и многое иное.

Подводя итоги событий 1905—1907 гг., В. И. Ленин отмечал: «Наше крестьянство создало в первый же период русской революции аграрное движение несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих буржуазных революциях XIX века»²⁵.

Но, кроме того, «крестьянство своими открытыми массовыми выступлениями обнаружило свою, отличную от пролетариата, классовую природу, показало свою мелкобуржуазность»²⁶.

Ясно обнаружилась *неоднородность* мелкой буржуазии. Крестьянская ее часть оказалась более революци-

²² В. И. Ленин. Революционный авантюризм.— Т. 6, с. 390.

²³ В. И. Ленин. Заметки публициста.— Т. 16, с. 65.

²⁴ В. И. Ленин. О двух линиях революции.— Т. 27, с. 78.

²⁵ В. И. Ленин. К оценке русской революции.— Т. 17, с. 39—40.

²⁶ В. И. Ленин. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам.— Т. 17, с. 341.

онной (требовала, например, конфискации земли), чем городская, быстро качнувшаяся вправо. «Тот слой, который составлял ядро революционной демократии в Европе,— цеховое городское ремесло, городская буржуазия и мелкая буржуазия,— в России *должны были* повернуть к контрреволюционному либерализму»²⁷. Эта неоднородность проявилась и в политических организациях: «Городская мелкая буржуазия представлена либералами и трудовиками. Крестьянская мелкая буржуазия — трудовиками и особенно их левым крылом,— социалистами-революционерами»²⁸.

Революция 1905—1907 гг. дала массовый политический опыт относительно открытой организации мелкой буржуазии²⁹. Последняя создала не одну, а несколько партий и составила часть массовой базы ряда других партий.

Наконец, и это является чрезвычайной важности выводом, были не просто заложены основы политического союза рабочего класса и крестьянства, но *практически* стала решаться задача организационного его оформления для взятия власти и ее удержания. Возникли Советы.

Разброд в мелкобуржуазном лагере в период спада революции и последующих лет реакции, когда некоторые начали оплевывать себя и свое революционное прошлое, искать нового бога, уходить в «башню из слоновой кости», замыкаться в личной жизни или пускаться в безнадежный авантюризм индивидуального террора, не мог зачеркнуть великий опыт революции для народа и классов.

Первая мировая война, вызванная противоречиями монополистического капитализма, вывела наружу всевозможные разновидности мелкобуржуазных течений и взглядов, обнажила их филистерскую сущность. С особой силой долголетняя мелкобуржуазная отравка сказалась на руководстве европейских социал-демократических партий II Интернационала, качнувшихся к прямо-

²⁷ В. И. Ленин. К оценке русской революции.— Т. 17, с. 40.

²⁸ В. И. Ленин. Выборы в Думу и тактика русской социал-демократии.— Т. 15, с. 47.

²⁹ См.: В. И. Ленин. Доклад на конференции петербургской организации по вопросу о думской кампании и думской тактике. Краткий газетный отчет.— Т. 14, с. 408.

му прислужничеству «отечественным» империалистическим насильникам и убийцам.

Изменившееся положение обусловило и новое проявление мелкобуржуазности, теперь уже по отношению к войне. В. И. Ленин показал, что трем основным классам соответствовали и три точки зрения на мировую войну: (а) буржуазии — защита отечества; (б) пролетариата — непримиримо-враждебное отношение к войне, которая ведется империалистами из-за дележа капиталистической добычи; выдвижение лозунга «превратить войну империалистическую в гражданскую»; (в) мелкой буржуазии — отказ от «аннексий», осуждение империализма без требования его ликвидации. Но страшные тяготы и беды войны, ее затяжной характер, разруха и другие причины толкали мелкую буржуазию к союзу, который уже был испробован в первой русской революции, — с пролетариатом, провозгласившим «Долой войну!».

К концу ее определилась новая расстановка классовых сил. В 1917 г. в отличие от 1905 г. «пролетариат и беднейшее крестьянство, т. е. *большинство* народа, встали в такое отношение к буржуазии и к „союзному“ (а равно и всемирному) империализму, что „увлечь“ за собой буржуазию нельзя. Мало того: верхи *мелкой* буржуазии и более имущие слои *демократической* мелкой буржуазии явно против новой революции»³⁰. С той же закономерностью, что и в предшествующие эпохи, вновь обозначилась мелкобуржуазная струя, игнорировавшая и сбрасывавшая со счетов мелкую буржуазию. «Троцкизм — „без царя, а правительство рабочее“. Это неверно. Мелкая буржуазия есть, ее выкинуть нельзя. Но у нее две части. Беднейшая ее часть идет с рабочим классом»³¹.

Вторая русская революция в феврале 1917 г. совершилась сравнительно легко (самодержавие перегнило) и быстро, появилась потенциальная возможность дальнейшего мирного ее развития. Суть политического кризиса двоевластия состояла в том, что «мелкобуржуаз-

³⁰ В. И. Ленин. Из дневника публициста. Ошибки нашей партии. — Т. 34, с. 258—259.

³¹ В. И. Ленин. Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Заключительное слово по докладу о текущем моменте 14(27) апреля 1917 г. — Т. 31, с. 249.

ная масса колеблется между старым, вековым доверием к капиталистам — и озлоблением против них, стремлением довериться революционному пролетариату»³². Создалось парадоксальное положение: «мелкая буржуазия теперь уже может, но *не хочет* взять» государственную власть³³. У буржуазии еще не было силы для единовластия, а пролетариат не имел силы для ее захвата, в частности потому, что в Советах подавляющее большинство мест находилось у блока мелкобуржуазных оппортунистических партий и течений. Мелкая буржуазия вырвалась вперед и получила невиданную ранее в истории возможность прийти к власти. Ее двойственная природа, колебания привели к тому, что эта возможность была упущена, и этим воспользовалась буржуазия. Двоевластие кончилось (как мы увидим ниже, в другую эпоху, в других странах и при других условиях повторилась примерно подобная ситуация, но уже с иными результатами).

Однако революция продолжалась, хотя формы проведения ее изменились. Оставалась реальная основа для нее. В июле 1917 г. В. И. Ленин писал: «Объективное положение таково: громадное большинство населения страны мелкобуржуазно по своему жизненному положению и еще более по своим идеям. Но в стране царит крупный капитал, через банки и через синдикаты в первую голову. В стране есть городской пролетариат, достаточно развитый, чтобы идти своим путем, но еще не способный привлечь сразу на свою сторону большинство полупролетариев. Из этого основного, классового факта вытекает неизбежность таких признаков, как три кризиса, изучаемые нами, а равно и их формы»³⁴.

В сложившейся обстановке метания мелкобуржуазной массы между буржуазией и пролетариатом вызвали зигзаги и отступления в подготовке социалистической революции, но в результате этой качки мелкобуржуазные течения распадались (откололись левые эсеры). От мелкобуржуазных вождей отходили массы, превращая их в генералов без армии. Пролетариат под руководством ленинской партии сумел перегруппировать силы,

³² В. И. Ленин. Резолюция Центрального Комитета РСДРП(б), принятая утром 22 апреля (5 мая) 1917 г. — Т. 31, с. 319.

³³ В. И. Ленин. Письма о тактике. — Т. 31, с. 140.

³⁴ В. И. Ленин. Три кризиса. — Т. 32, с. 432.

привлек на свою сторону главную часть крестьянства (бедноту) и осуществил первую в мире успешную пролетарскую социалистическую революцию.

Таким образом, в России мелкая буржуазия действовала в иных условиях, чем на Западе, и обнаружила иные потенции. Атака на пережитки феодализма в экономике (помещичье землевладение) и в политической надстройке (самодержавие) велась в условиях относительно развитого капитализма и четкого классового размежевания буржуазии и пролетариата, который шел на ниспровержение капитализма. Основная часть мелкой буржуазии слагалась преимущественно из крестьянства. Двойственность, колебания ее были велики. Самостоятельную позицию ее партии занять не смогли. Но в конце концов большая часть крестьянства (в первую очередь беднейшее) пошла за пролетариатом, партии которого приходилось действовать главным образом в нелегальной или полунелегальной обстановке при наличии куцых легальных буржуазных институтов. Буржуазия была малоопытна в классовой борьбе и политическом маневрировании.

*Пролетариат ведет мелкую буржуазию.
Советская Россия — построение социализма
в одной стране*

В. И. Ленин писал: «Впервые в истории существует государство, в котором есть только эти два класса, только пролетариат и крестьянство. Последнее образует громадное большинство населения. Оно, конечно, очень отстало. Как выражается практически в развитии революции отношение пролетариата, держащего в своих руках власть, к крестьянству?»³⁵.

Союз рабочего класса с отдельными слоями крестьянства (всегда при опоре прежде всего на бедноту) и по своим задачам, и по форме не оставался неизменным на разных стадиях развития классовой борьбы в России. Достаточно напомнить три основных лозунга по крестьянскому вопросу, отразивших перемены в расстановке

³⁵ В. И. Ленин. III конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад о тактике РКП 5 июля 1921 г.— Т. 44, с. 42.

классовых сил в ходе революционного движения. Глубокая социальная неоднородность крестьянства проявлялась на всех этапах революции, и с этим приходилось считаться пролетариату и его большевистской партии, сумевшей использовать объективные возможности для создания широкого союза трудящихся масс. В целом решение задач сперва буржуазно-демократической, а затем и социалистической революции дало в руки пролетариата и его партии новое сильнейшее оружие для поддержания и реализации самого этого союза на этапе социалистического развития — государственный аппарат. Со слома старого и создания нового госаппарата и начинается становление качественно нового общества. Государственная власть в первую очередь явилась орудием борьбы за мелкую буржуазию, ибо союз с последней — важнейшая экономическая и политическая предпосылка успешного построения социализма.

«Каким образом государственная власть в руках пролетариата может стать орудием его классовой борьбы за влияние на непролетарские трудящиеся массы? за привлечение их на сторону пролетариата? за оторвание, отвоевывание их от буржуазии?» — спрашивал В. И. Ленин и отвечал: «Во-первых, пролетариат достигает этого тем, что пускает в ход *не* старый аппарат государственной власти, а *ломает* его вдребезги, не оставляет в нем камня на камне (вопреки воплям запуганных мещан и угрозам саботажников) и создает *новый* государственный аппарат. Этот новый государственный аппарат приспособлен к диктатуре пролетариата и к его борьбе против буржуазии, за непролетарские трудящиеся массы. Этот новый аппарат не выдуман кем-либо, а *вырастает* из классовой борьбы пролетариата, из ее распространения вширь и вглубь. Этот новый аппарат государственной власти, новый *тип* государственной власти есть *Советская власть*... А в Советы допускались только трудящиеся и эксплуатируемые, при исключении всех и всяческих эксплуататоров.

Таким путем, сразу, одним ударом, немедленно *после* завоевания государственной власти пролетариатом, пролетариат *отвоевывает* у буржуазии *громдную* массу ее сторонников из мелкобуржуазных и „социалистических“ партий, ибо эта масса — трудящиеся и эксплуатируемые, которых буржуазия... обманывала и которые,

получив Советскую власть, получают впервые орудие массовой борьбы за свои интересы против буржуазии.

Во-вторых, пролетариат может и должен сразу или во всяком случае очень быстро отвоевать у буржуазии и мелкобуржуазной демократии „их“ массы, т. е. массы, шедшие за ними,— отвоевать *посредством революционного удовлетворения их наиболее насущных экономических нужд ценой экспроприации помещиков и буржуазии*»³⁶.

Следовательно, на каждом этапе исторического развития возникают свои организационные формы союза рабочего класса с крестьянством (или его отдельными частями) и вообще с мелкой буржуазией и методы его создания и поддержания. В период борьбы в условиях капитализма таковыми являются партия, народный фронт, фронт национального освобождения и т. д. В период перехода к социализму, в период строительства нового общества для реализации этого союза нужна еще и государственная власть в руках трудящихся.

В июне 1919 г. В. И. Ленин указывал: «Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма»³⁷.

В России ожесточенное сопротивление свергнутых классов (буржуазии и помещиков), длившееся так долго и вылившееся в гражданскую войну, стало возможно лишь из-за всесторонней поддержки мирового империализма (как со стороны кайзеровской коалиции, так и со стороны Антанты). В невыразимо тяжелых условиях разоренной, нищей и уставшей от империалистической бойни страны коммунисты России нашли и осуществили *военный* союз пролетариата и крестьянства (в первую очередь беднейшего) в борьбе за удержание завоеваний

³⁶ В. И. Ленин. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата.— Т. 40, с. 12—13.

³⁷ В. И. Ленин. Предисловие к изданию речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства».— Т. 38, с. 377.

революции. В этих специфических условиях возникла так называемая система военного коммунизма, слагавшаяся из ряда элементов: продразверстки, натурального нормированного распределения продуктов потребления, максимального ужатия товарно-денежных отношений, военизации труда (в частности, трудовые армии), роста контролирующего государственного аппарата, и особенно крайней централизации управления и т. д.

Победа в гражданской войне сняла угрозу реставрации власти помещиков и буржуазии и поставила проблему взаимоотношения двух основных трудящихся классов уже в обстановке мира. Напомним, что как следствие семилетней империалистической и гражданской войн в стране сложился значительный слой вооруженных деклассированных элементов. Бандитизм во всех его видах стал специфической формой существования части мелкобуржуазной стихии и ее качания от «белых» к «красным». Появились «зеленые». Григорий Мелехов оказался щепкой в темной пене разбушевавшегося «Тихого Дона», пене, образовавшейся при столкновении революционного и контрреволюционного потоков. Его судьба типична, как типичны для того периода истории нашей страны метания мелкой буржуазии, отраженные в судьбах героев «России кровью умытой» Артема Веселого.

Самостоятельные вооруженные формирования и банды являлись нередко серьезной военной силой. Некоторые из них проделали сложную эволюцию. Вот что пишет советский исследователь Д. Л. Голиков³⁸ о крупнейшем соединении «зеленых» — махновцах. Они зачастую представляли собой беспорядочную массу недисциплинированных вооруженных людей. После проникновения в отряды анархистов, деклассированных, авантюристических, а порою и уголовных элементов процесс разложения приобрел угрожающий характер — в занятых ими районах махновцы нередко грабили население. Вступив в Красную Армию, Махно ничего не сделал, чтобы прекратить беспорядки в своих отрядах. Не только его подчиненные, но и он сам не хотел мириться со строгой дисциплиной. На словах признавая

³⁸ Д. Л. Голиков. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.). М., 1975.

подчинение, он фактически не выполнял распоряжений командования Красной Армии и постоянно подчеркивал свою самостоятельность и независимость. Это неизбежно должно было привести к трениям и конфликтам с Советской властью.

10 апреля 1919 г. махновский штаб вопреки запрещению советского военного командования созвал «3-й Гуляй-Польский районный съезд, на котором присутствовали представители 72 волостей Александровского, Мариупольского, Бердянского и Павлоградского уездов, а также делегаты от махновских воинских частей. Съезд провозгласил анархистскую платформу. „Требуем,— говорилось в резолюции,— немедленного удаления всех назначенных лиц на всевозможные военные и гражданские ответственные посты; протестуем против всякой системы назначенчества... Требуем проведения правильного и свободного выборного начала... Требуем социализации земли, фабрик и заводов... Требуем изменения в корне продовольственной политики — замены реквизиционных отрядов правильной системой товарообмена между городом и деревней... Требуем полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т. е. партиям и группам, и неприкосновенности личности работников партий левых революционных организаций и вообще трудящегося народа... Диктатуры какой бы то ни было партии категорически не признаем. Левым социалистическим партиям предоставляем свободно существовать только лишь как проповедникам путей к социализму, но право выбора путей оставляем за собой“»³⁹.

«Это,— заключает автор,— были демагогические, псевдореволюционные требования. Они отражали опасное посягательство мелкобуржуазных элементов на важнейшие принципы демократического централизма и диктатуры пролетариата, положенные в основу Советской власти»⁴⁰.

Часть мелкобуржуазных ландскнехтов еще долго будет прямо и косвенно бить по подлинным коммунистам, стрелять в деревнях по активистам и поставлять «кадры» всевозможным авантюристам. Некоторые из них

³⁹ Цит. по: Д. Л. Голиков. Крушение антисоветского подполья..., с. 380—381.

⁴⁰ Там же.

доживут до второй мировой войны и составят костяк новой бандитской гвардии: бандеровцев, власовцев и т. д.

По окончании гражданской войны сложилась следующая расстановка классовых сил: «стальной и закаленный авангард единственного революционного класса, мелкобуржуазная колеблющаяся стихия, притаившиеся за границей и имеющие поддержку всемирной буржуазии Милюковы, капиталисты, помещики»⁴¹.

Началось строительство социализма в одной стране при наличии двух основных классов и при капиталистическом окружении.

Наступил мир, но страна была разорена, промышленность практически остановилась, развал и анархия на транспорте достигли фантастических масштабов, население голодало, в деревнях свирепствовали банды. Задача экономическая, задача хозяйственная становится основной. Но «при разверстке крестьянские мелкие хозяйства не имеют правильной экономической базы и на многие годы осуждены оставаться мертвыми»⁴². Военный коммунизм для этапа нормального, мирного развития уже не годился, хотя его методы и традиции успели пустить глубокие корни. В новой обстановке, когда общий враг был разбит, отношения между пролетариатом и основными частями крестьянства начали меняться. «Наша деревня,— писал в 1921 г. В. И. Ленин,— стала за это время (революции.— А. Л.) более мелкобуржуазной», и крестьянство являлось «единственным классом, способным противостоять пролетариату»⁴³.

«В такой стране, как Россия, где мелкобуржуазные элементы ведут все сельское хозяйство, в такой стране без поддержки мелкобуржуазного слоя мы долго продержаться не можем. Этот слой в настоящий момент идет не прямыми путями к цели, а зигзагами»⁴⁴.

Революции и социалистическому строительству при-

⁴¹ В. И. Ленин. О продовольственном налоге.— Т. 43, с. 240.

⁴² В. И. Ленин. X Всероссийская конференция РКП(б). Доклад о продовольственном налоге 26 мая 1921 г.— Т. 43, с. 309.

⁴³ В. И. Ленин. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г.— Т. 43, с. 136.

⁴⁴ В. И. Ленин. Чрезвычайное заседание пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 г. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики.— Т. 38, с. 252.

ходится к этим загзагам приспособливаться. Ленинский вывод о том, что наличие мелкой буржуазии исключает прямые и быстрые пути построения социализма, очень важен. Ее колебания, особенно на резких исторических поворотах, создают тенденции к отрыву от пролетариата. Поэтому рабочий класс через свою партию, через государство и т. д. стремится затормозить и ликвидировать подобные тенденции и для того сознательно идет на уступки, на создание условий, поддерживающих его гегемонию в изменившихся условиях. Но это означает не потерю руководства, а конкретную и действенную реализацию его. Главное — не утратить классовую самостоятельность и не стать игрушкой мелкобуржуазного раскачивания. Образец правильного партийного руководства в обстановке сильнейших колебаний мелкой буржуазии и при относительно небольшой, к тому же измученной пролетарской «армии» дал В. И. Ленин в 1921 г.

Кронштадт и последующие события (антоновщина) показали, что мелкобуржуазная стихия начала поворачивать против Советской власти и пролетариата. Такой ярый враг, как Борис Савинков, прямо делал ставку на крестьянское восстание. В одной из брошюр того времени он писал: «Основная, решающая ошибка Колчака, Деникина, Юденича состояла именно в том, что и Колчак, и Деникин, и Юденич — доблестные вожди — и не уразумели того, что идею нельзя победить штыками, что идее нужно противопоставить тоже идею, и идею, не вычитанную из книг и не возвращенную на традициях Карамзина, а живую, жизненную, понятную каждому безграмотному солдату и близкую его сердцу». По мнению Савинкова, «Россия ни в коем случае не исчерпывается... двумя враждующими лагерями: „красные“, большевики — с одной стороны, „белые“, „реставраторы“ — с другой. Огромное большинство России — крестьянская демократия... Не очевидно ли поэтому, что, пока вооруженная борьба с большевиками не будет опираться на крестьянские массы, иными словами, пока патристическая армия не поставит себе целью защиту интересов крестьянской демократии, и только ее, большевизм не может быть побежден в России. Именно крестьянству, именно во имя своих собственных интересов суждено свергнуть большевиков и восстановить порядок

в России»⁴⁵. Разгул мелкобуржуазной крестьянской стихии Савинков расценил как подтверждение своей «мысли». Ему казалось, что он сможет использовать обстановку и поднять весной 1921 г. «всеобщее восстание». К этому моменту и готовились все савинковские организации, а вместе с ними их «союзники» — петлюровцы, белорусские националисты, реакционные казачьи группировки⁴⁶.

Перед Советской властью стала проблема, как остановить это наступление. Нужны были новые формы и методы союза и борьбы с мелкой буржуазией на новом этапе социалистического строительства. В. И. Ленин разработал и начал претворять в жизнь план умиротворения, окружения и сокрушения мелкобуржуазной анархии в наилучших из возможных тогда формах для социализма, для пролетариата и, понятно, наиболее разумных и наименее болезненных для мелкого производителя. «От военного союза мы должны перейти к экономическому, и теоретически единственной основой последнего может явиться введение натурального налога»⁴⁷. Тем самым диалектически мастерами и конкретно решалась проблема отделения мелкой буржуазии от опаснейших политических проявлений мелкобуржуазности. «Экономический корень неизбежных колебаний мелкого производителя мы этим подрежем,— писал величайший стратег революции.— А с политическими колебаниями, полезными только Милюкову, мы будем бороться беспощадно»⁴⁸.

Изменение всей социально-экономической и политической обстановки, необходимость новой формы союза двух классов породили нэп. В нем было много специфического, российского. Однако как проявление хозяйственной смычки рабочего класса и мелкой буржуазии в экономическом строительстве в переходный период опыт российского нэпа имеет универсальный характер. При социализме «предмет» союза двух классов, т. е. содержание и форма его, не останется неизменным.

⁴⁵ Цит. по: Д. Л. Голинков. Крушение антисоветского подполья..., с. 479—480.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ В. И. Ленин. III конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад о тактике РКП 5 июля 1921 г.—Т. 44, с. 48.

⁴⁸ В. И. Ленин. О продовольственном налоге.—Т. 43, с. 243.

Нэп был формой союза и формой борьбы двух классов, но в наиболее приемлемых для строительства социализма рамках и направлении. Двойственность отношения к мелкой буржуазии определялась двойственностью ее собственной природы. Нэп обнаружил всю тогдашнюю разноукладность России и в известной мере вызвал оживление капиталистических элементов. Каково же было положение классов здесь в переходный период?

«В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти могут касаться только не самого главного.

Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат»⁴⁹. Итак, перед нами в переходный период опять три класса. Однако если присмотреться внимательно, то нетрудно заметить, что противник теперь в определенной мере и мелкая буржуазия (точнее, ее мелкобуржуазные качества). Буржуазия находится в принципиально ином, «угнетенном» политически и экономически состоянии. Классовая борьба продолжается, но по-другому.

«Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая *после* свержения власти капитала, *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролетариата *не исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее.

Классовой борьбой против сопротивления буржуазии, против косности, рутины, нерешительности, колебаний мелкой буржуазии должен пролетариат отстаивать свою власть»⁵⁰.

⁴⁹ В. И. Ленин. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата.— Т. 39, с. 272.

⁵⁰ В. И. Ленин. Привет венгерским рабочим.— Т. 38, с. 386—387.

Отношение к мелкой буржуазии должно быть очень диалектичным, учил В. И. Ленин. Один из важнейших инструментов работы с ней — диктатура пролетариата. Мелких производителей *«нельзя прогнать»*, их нельзя подавить, с ними *«надо ужиться»*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию... Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила... Победить крупную централизованную буржуазию в тысячу раз легче, чем „победить“ миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют *те самые* результаты, которые нужны буржуазии, которые *реставрируют* буржуазию»⁵¹.

После введения нэпа мелкобуржуазные взгляды сразу же были «приспособлены» к новым условиям. «Каждый своеобразный поворот истории,— писал В. И. Ленин в статье „Новые времена, старые ошибки в новом виде“,— вызывает некоторые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата.

Мелкобуржуазный реформизм, т. е. прикрытое добренькими демократическими и „социал“-демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционаризм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле — таковы два „потока“ этих шатаний...

Основной мотив у меньшевистствующих: „Большевики

⁵¹ В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Т. 41, с. 27—28.

повернули назад, к капитализму, тут им и смерть. Революция все же оказывается буржуазной, и Октябрьская в том числе! Да здравствует демократия! Да здравствует реформизм!“...

Основной мотив у полуанархистов, вроде немецкой „коммунистической рабочей партии“, или той части нашей бывшей рабочей оппозиции, которая ушла из партии или отходит от нее: „Не верят теперь большевики в рабочий класс!“ Лозунги отсюда выводятся более или менее похожие на „кронштадские“ весны 1921 года»⁵².

В ленинском плане построения социализма в нашей стране в хозяйственном отношении акцент делается на борьбе с мелкособственнической натурой мелкого буржуа. Поэтому В. И. Ленин сразу после Октября совершенно неожиданно для тогдашних догматиков выступает за развитие госкапитализма, ибо при переходе от капитализма к социализму «наш главный враг — это мелкая буржуазия, ее навыки, ее привычки, ее экономическое положение», ибо «нам грозит стихия мелкобуржуазного разгильдяйства». Поэтому «следить за мерой производства и труда и мерой потребления... в этом гвоздь и основа социализма. Если кому-нибудь кажется такая работа скучной и неинтересной, то это — представителям мелкобуржуазной лениности»⁵³.

«...В России мы имеем массу мелкой буржуазии, которая сочувствует уничтожению крупной буржуазии всех стран, но не сочувствует учету, обобществлению и контролю,— в этом опасность для революции, вот где единство социальных сил, которое великую французскую революцию сгубило и не могло не сгубить, и которое может, если русский пролетариат окажется слабым, только одно может сгубить русскую революцию...

В этом главная опасность. Если бы мелкие буржуа были подчинены другим классовым элементам, были подчинены государственному капитализму, то сознательный рабочий должен приветствовать это обеими руками, потому что государственный капитализм при демократии Керенского был бы шагом к социализму, а при Советской власти был бы $\frac{3}{4}$ социализма,— потому что, кто является организатором государственно-капита-

⁵² В. И. Ленин.—Т. 44, с. 101—102.

⁵³ В. И. Ленин. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. Доклад об очередных задачах Советской власти.—Т. 36, с. 255, 256, 266.

листических предприятий, того можно сделать своим помощником»⁵⁴.

Требования строжайшего учета и контроля сразу же после Октября были нацелены именно на это, ведь экономическая неудача могла иметь самые катастрофические последствия для судеб революции. «Либо мы подчиним *своему* контролю и учету этого мелкого буржуа... либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие»⁵⁵.

Гений Ильича проявился и в том, что в изменившейся обстановке, когда государственная власть и основные хозяйственные высоты находились в руках пролетариата, он увидел возможность использовать часть «усмирённых» энпманов и зарубежных монополистов через госкапитализм (концессии и т. п.), кооперацию для борьбы с негативными качествами мелкой буржуазии. Но это было привлечение только части буржуазии (не всей), главным образом буржуазной интеллигенции. В сочетании пяти экономических укладов сражающиеся стороны были таковы: «мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма, и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против *всякого* государственного вмешательства, учета и контроля как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического»⁵⁶.

Изживание экономической и прочей отсталости России В. И. Ленин видел в развитии мощной современной промышленности и сельского хозяйства. «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны». Эти слова знают теперь во всем мире, но сразу же после них сказано: «Иначе страна остается мелкокрестьянской, и надо, чтобы мы это ясно осознали»⁵⁷. Таким образом, Советская власть создала *возможность*

⁵⁴ Там же, с. 256—257.

⁵⁵ В. И. Ленин. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. — Т. 36, с. 298.

⁵⁶ Там же, с. 296.

⁵⁷ В. И. Ленин. VIII Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных комиссаров о внешней и внутренней политике. — Т. 42, с. 159.

для всестороннего сближения двух классов, однако последнее в условиях строительства социализма превращается в прочную реальность лишь через мощный подъем экономики, через подведение прочной экономической базы под добровольное кооперирование крестьянства, через культурную революцию, через расцвет демократии, через развитие науки. Так учил В. И. Ленин.

Все части ленинского плана строительства социализма прямым образом и конкретно практически затрагивали и решали проблему отношения с мелкой буржуазией. С ней социализм строить можно, утверждал В. И. Ленин. Но делать это чертовски трудно, требуется огромная выдержка, чуткость и умение, добавлял он.

В ходе создания нового общества обнаруживаются как позитивная, так и отрицательные стороны мелкой буржуазии. Следовало считаться с огромной силой инерции и косностью этого многочисленного класса. Подобные качества серьезнейшим образом тормозят строительство социализма. Кроме того, мелкая буржуазия непрерывно выделяет идеологическую «эманацию», которая отравляет институты и сознание людей рождающегося социалистического общества⁵⁸.

Для перестройки общества большевики создали новый государственный аппарат, однако и здесь двойственность мелкого производителя с каждым годом обнаруживалась все отчетливее. Она сказывалась в становлении и функционировании советского государственного аппарата. «Эта новая организация государства рождается с величайшим трудом, потому что победить свою дезорганизаторскую, мелкобуржуазную распушенность — это самое трудное, это в миллион раз труднее, чем подавить насильника-помещика или насильника-капиталиста, но это и в миллион раз плодотворнее для создания новой организации, свободной от эксплуатации. Когда пролетарская организация разрешит эту задачу, тогда социализм окончательно победит»⁵⁹.

Очень постепенно в области государственной надстройки, столь важной для строительства социализма,

⁵⁸ Более подробно см.: Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма. М., 1966.

⁵⁹ В. И. Ленин. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая 1919 г. — Т. 38, с. 371.

для характера и типов его эволюции, выявилась политическая форма противоречия, связанного с наличием двух трудящихся классов и взаимодействием между ними,— форма противоречия между пролетарской демократией и мелкобуржуазным бюрократизмом.

В статье о «Продовольственном налоге» В. И. Ленин показал корень бюрократизма и этапы его развития в первые годы Советской власти. Вот что говорил Ильич: «5 мая 1918 года бюрократизм в поле нашего зрения не стоит. Через полгода после Октябрьской революции, после того, как мы разбили старый бюрократический аппарат сверху донизу, мы еще *не ощущаем* этого зла (курсив наш.— А. Л.).

Проходит еще год. На VIII съезде РКП, 18—23 марта 1919 года, принимается новая программа партии, и в этой программе мы говорим прямо, не боясь признать зла, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом, мы говорим о „*частичном возрождении бюрократизма* внутри советского строя“.

Прошло еще два года. Весной 1921 года, после VIII съезда Советов, обсуждавшего (декабрь 1920 г.) вопрос о бюрократизме, после X съезда РКП (март 1921 г.), подводившего итоги спорам, теснейше связанным с анализом бюрократизма, мы видим *это* зло еще яснее, еще отчетливее, еще грознее перед собой»⁶⁰.

Наращение опасности, усиливающаяся тревога слышатся в словах Ленина. Перед нами не новый враг, продолжает он, а новое обличье старого врага. Чтобы окружить, обезвредить и победить этого противника, его надо узнать, вскрыть его природу, его сильные и слабые стороны. И В. И. Ленин анализирует истоки, корни бюрократизма. «Каковы экономические корни бюрократизма? — ставит он проблему и сразу же отвечает: — Главным образом эти корни двойные: с одной стороны, развитая буржуазия именно против революционного движения рабочих (частью и крестьян) нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судебском и т. д. Этого у нас нет». Экономические корни бюрократизма, базировавшегося на господстве

⁶⁰ В. И. Ленин. О продовольственном налоге.— Т. 43, с. 229—230.

развитого капитализма, на власти буржуазии и иже с ней, были подрезаны. Конечно, «наследники», носители его (старое чиновничество и т. п.) остались. Казалось бы, экономической базы для бюрократизма после свержения власти имущих уже нет.

Однако на деле не так: «У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие *оборота* между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени это — результат гражданской войны»⁶¹.

В результате пролетариат, весь народ узнают, что бюрократизм порождает не только буржуазия, но и мелкая буржуазия. Из трех действовавших в стране классов два были носителями этой болезни. После окончания гражданской войны «бюрократизм, как наследие „осады“, как надстройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя, обнаружил себя вполне»⁶².

На X съезде партии В. И. Ленин подробно разбирает это явление: «Бюрократизм в нашем государственном строе получил значение такой болячки, что о нем говорит наша партийная программа, и это потому, что он связан с этой мелкобуржуазной стихией и с ее распыленностью»⁶³.

Под руководством В. И. Ленина партия начинает разрабатывать всесторонний план кампании (экономический, политический, идеологический). Против этого зла мобилизуются силы партии, профсоюзов, рабочие и весь народ. Но борьба с бюрократизмом, предупреждал наш вождь, будет «чрезвычайно длительная»⁶⁴.

На съезде он подчеркивает, что мелкобуржуазный напор чувствуется и в партии, ибо она «отражает частью кое-что такое, что происходит вне ее рядов». В марте 1922 г. Ильич с колоссальной тревогой указывал коммунистам на исключительную трудность положения.

⁶¹ Там же, с. 230.

⁶² Там же, с. 230—231.

⁶³ В. И. Ленин. X съезд РКП(б). Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта 1921 г.— Т. 43, с. 32.

⁶⁴ В. И. Ленин. X съезд РКП(б). Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б) 9 марта 1921 г.— Т. 43, с. 49.

«Нет сомнения, что наша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская... партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства, которое быстро просыпается к самостоятельной классовой политике. Далее, надо принять во внимание, что соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский...

Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»⁶⁵.

К концу жизни, буквально накануне кончины Ильич успевает наметить важнейшие основы действий для превращения России нэповской в Россию социалистическую. Он успевает как глава партии и государства пустить в ход сложнейшую машину социалистической перестройки государства, закрепить главные условия для действия *объективных* законов социалистического воспроизводства во всех областях общественной жизни. И это счастье для революции и социализма.

В декабре 1921 г. В. И. Ленин называет мелкобуржуазные влияния «надстройкой над остатками капитализма и над мелким производством»⁶⁶. Построение нового, социалистического общества в Советской России требовало и коренных преобразований в мелкотоварном производстве. Но их нельзя было осуществить сразу, без серьезной и всесторонней экономической, политической, культурно-воспитательной и иной подготовки. Суть ленинского плана кооперирования мелкого производителя, в первую очередь крестьянина, состояла как раз

⁶⁵ В. И. Ленин. Об условиях приема новых членов в партию (письма В. М. Молотову). — Т. 45, с. 19—20.

⁶⁶ В. И. Ленин. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики. — Т. 44, с. 352.

в создании комплекса необходимых условий для постепенного и добровольного перевода союзного пролетариату трудящегося класса на рельсы крупного коллективного социалистического хозяйства.

Как уже говорилось, в данной работе мы не ставили перед собой непосильной задачи осветить все или хотя бы центральные проблемы истории мелкой буржуазии во всех странах. Мы стремились наметить лишь основные тенденции этого процесса, что, конечно, не может не приводить к определенной фрагментарности изложения. В частности, в настоящем разделе описание конкретного хода перестройки, кооперирования мелкого производства, особенно в деревне, не дается еще и по той причине, что этой теме посвящена обширная литература.

Для нашего ракурса анализа эволюции мелкой буржуазии, однако, весьма важно отметить, что социалистическая перестройка деревни в СССР стала возможной, в частности, потому, что она опиралась на твердое трудовое начало в душе и объективное хозяйственное положение бедняцкого и середняцкого крестьянства. Коллективизация содействовала развитию этого трудового начала и постепенной его победе над началом частнособственническим. При капитализме наблюдается прямо противоположная тенденция.

После утверждения основ коллективно-колхозной собственности в деревне главные экономические корни самостоятельного бытия мелкой буржуазии, как таковой, были в целом подрезаны. Но ее представители, вернее, их сознание, мелкобуржуазная сторона их мировоззрения не могли исчезнуть сразу. Они и не исчезли. Начался процесс трансформации и умирания мелкобуржуазности уже в принципиально новых условиях победившего социализма. Часть сельского населения (зажиточный слой), не полностью убежденная в правильности происшедших в деревне перемен, хлынула в город. Это вызывалось и нуждами ускорявшейся индустриализации. Пролетариат, а также служащие всевозможных учреждений и организаций, интеллигенция стали быстро численно расти в значительной мере за счет крестьянской и мещанской городской массы. Ее перевоспитание требовало и времени и сил. А в этот период не только на нее влияли, но и она влияла на ту среду, в которую

ее забросила судьба. Свое еще по сути мелкобуржуазное или полумелкобуржуазное сознание она выдавала (в большинстве случаев вполне искренне) за чисто пролетарское.

Оторвавшись от старых корней, мелкая буржуазия и полупролетариат не теряли, однако, так же быстро элементы мелкобуржуазных привычек и традиций. Они во множестве попадали на производство, проникали в госаппарат и в другие звенья надстройки, мешали, тормозили правильное функционирование государственных органов и даже иногда извращали их деятельность. Бороться с выжигами, проходимцами, победоносиковыми и присыпкинскими, стремящимися каждое советское учреждение превратить в пустопорожний «Геркулес», «воспетый» И. Ильфом и Е. Петровым, было несказанно трудно. Обычные разобщенность и индивидуализм мещанина в новых условиях оборачивались демагогией, цинизмом и равнодушием, скрытностью и келейностью. Правильные слова для мелкобуржуазных карьеристов служили прикрытием неблагоприятных дел. Зажим и извращение, столь опасные для пролетарской демократии и гласности, были «любимейшим занятием» бюрократов во всех областях деятельности. Опошление всего, к чему они прикасались, зачастую было невольным следствием мелкобуржуазной смены кожи. Литературные гротески М. Зощенко донесли до нас образы тогдашнего обывателя в его новом одеянии.

Напряженная борьба партии и всех трудящихся против пережитков прошлого, против их «старых» и «новых» обликов заняла целую историческую эпоху. Успехи в этой борьбе достигнуты огромные. Но немало еще остается сделать и спустя полвека. В наши дни неблагоприятные деяния и взгляды, корни которых во многом уходят в мелкособственническое прошлое, нередко прикрываются весьма «правильными» рассуждениями. Не случайно Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в отчетном докладе XXV съезду особо подчеркнул, что «разрыв между словом и делом, в каких бы формах он ни выражался, наносит ущерб и хозяйственному строительству, но особенно — нравственному воспитанию....

Чем выше поднимается наше общество в своем развитии, тем более нетерпимыми становятся еще встре-

чающиеся отклонения от социалистических норм нравственности. Стяжательство, частнособственнические тенденции, хулиганство, бюрократизм и равнодушие к человеку проиворечат самой сути нашего строя. В борьбе с подобными явлениями необходимо в полной мере использовать и мнение трудового коллектива, и критическое слово печати, и методы убеждения, и силу закона — все средства, находящиеся в нашем распоряжении»⁶⁷.

*Глубокий раскол мелкой буржуазии
на капиталистическом Западе
в период между двумя мировыми войнами*

В наиболее развитых капиталистических странах Запада перед первой мировой войной дело, казалось, шло к уничтожению мелкой буржуазии. Тенденция эта действительно крепла, но в реальной жизни движение было очень неровным. Уже к началу XX в. ряды мелкой буржуазии стали пополняться за счет нового слоя, хотя в процессе материального производства этот слой по сравнению со старым занимал совсем иное место. С наступлением эпохи империализма монополистическая буржуазия усилила грабеж своих колоний и эксплуатацию различными финансовыми приемами населения других стран. «Отсюда — экономическая возможность „сверхприбылей“ для империалистической буржуазии и употребления доли из этой сверхприбыли на подкуп известного верхушечного слоя пролетариата, на превращение его в реформистскую, оппортунистическую, боящуюся революции, мелкую буржуазию»⁶⁸.

В период первой мировой войны огромная часть рядового состава воюющих армий слагалась из представителей мелкой буржуазии. Но и после окончания войны, как указывал В. И. Ленин, нельзя было забывать о существовании «довольно еще многочисленного почти во всех передовых странах, хотя и составляющего меньшинство населения, класса мелких хозяев в земледелии, промышленности, торговле и соответствующего этому классу слоя интеллигенции, служащих и т. п.»⁶⁹.

⁶⁷ «Коммунист». Март 1976, с. 61, 62.

⁶⁸ В. И. Ленин. Письмо к рабочим Европы и Америки. — Т. 37, с. 459.

⁶⁹ В. И. Ленин. Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала. — Т. 41, с. 185.

Опять и опять возвращаясь к анализу природы и положения мелкой буржуазии в послевоенной Европе, В. И. Ленин подчеркивал необходимость учитывать численность и удельный вес ее в населении Запада для нахождения правильной стратегии и тактики коммунистического движения. «В большинстве капиталистических стран эти классы (мелкие производители и мелкие буржуа.— А. Л.) представляют очень сильное меньшинство, приблизительно от 30 до 45% населения. Если мы присоединим к ним мелкобуржуазный элемент рабочего класса, то выйдет даже больше 50%»⁷⁰.

Не замечать колоссальной важности мелкой буржуазии и в период общего кризиса капитализма мог лишь тот, кто не думал о свершении социалистической революции. А такие появились в лице новой разновидности мелкобуржуазных деятелей, например К. Каутского — столпа европейской социал-демократии. Так, для него был вполне логичен вывод о том, что в капиталистической стране наличествуют лишь буржуазные и пролетарская партии и нет партий мелкобуржуазных⁷¹. В эволюции мелкой буржуазии в государствах монополистического капитализма в промежутке между двумя мировыми войнами наблюдались как общие процессы, так и очень существенные отличия, отразившиеся и на ходе всемирной истории. В странах-победительницах ее судьба сложилась более благоприятно. «Во Франции, как и в Англии, победоносный империализм не только дал возможность обогатиться некоторому числу мелких буржуа, но и верхнему слою рабочих, этой аристократии рабочего класса, сможет дать „подачки“, подкупить его, заинтересовать его участием в получении крох от империалистических барышей, от грабежа колоний и т. д.»⁷². Здесь мелкая буржуазия примерно десятилетие (за исключением короткого перехода от военных лет) пребывает в сонном удовлетворении самой собой и окружающим ее капиталистическим правопорядком и более или менее поддерживает «отечественную» буржуазию.

⁷⁰ В. И. Ленин. III конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад о тактике РКП 5 июля 1921 г.— Т. 44, с. 41.

⁷¹ См.: В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский.— Т. 37, с. 313.

⁷² В. И. Ленин. Товарищу Лорио и всем французским друзьям, примкнувшим к III Интернационалу.— Т. 39, с. 251.

Иная ситуация сложилась во второй группе стран. Это побежденная Германия и «обделенные» победительницы, социально-классовые антагонизмы в которых не были «смазаны» победой,— Италия и Япония. В них накал классовой борьбы неизмеримо острее, экономикоматериальная база мелкой буржуазии трещит и меняется быстрее, что порождает ее политическую активность и открытое недовольство. Короче, мелкая буржуазия в этих государствах начинает бродить и просыпаться к массовым действиям. Приходящая в ужас от непонятных ей мистических перемен, грозящих сбросить ее в ряды «прощелыг-рабочих», ослепленная предрассудками, она, как ей представляется, вступает в «титаническое сражение» с пороками капитализма и «ограниченностью» двух других классов — буржуазии и пролетариата. В общественной жизни Запада ее колебательные движения опять явственно проступают: «...эти колеблющиеся элементы имеются в самых передовых странах. Иногда элементы образованные, развитые, интеллигентские выступают даже в такой капиталистически передовой стране, как Германия, в сто раз более сумбурно и крикливо, чем наша отсталая мелкая буржуазия»⁷³.

В веймарской Германии размывание мелкой буржуазии особенно ощутимо сказалось на втором, городском, слое, т. е. занятых в сфере распределения (торговле и обслуживании). Одновременно разорение первого слоя — крестьян и ремесленников — не обязательно вело к превращению их в наемных рабочих в области материального производства. Представители мелкой буржуазии предпринимали лихорадочные усилия, чтобы удержаться в непроизводительных отраслях, являющихся жизненной сферой существования второго слоя. В результате ухудшения положения последнего развивался новый подвид относительной и довольно застойной безработицы, снижавшей, естественно, материальный уровень всей этой части мелкой буржуазии, обрекавшей ее на более изнурительный труд и понижавший ее социальный статус.

В 20-е годы финансовый капитал на Западе уже не только проник, но и прочно утвердился в торговле и

⁷³ В. И. Ленин, VIII съезд РКП(б). Отчет Центрального Комитета 18 марта 1919 г. — Т. 38, с. 136.

обслуживании. Он вытеснял (через конкуренцию; например, универсальных магазинов) мелкого лавочника или использовал, эксплуатировал его (через систему сбытовых цен и кредитных сделок и т. д.). Пожалуй, мелкая буржуазия послевоенной Германии в том ее состоянии, когда ведет, преобладает ее второй слой, раньше других познала (но не осознала) тяжесть непосредственной конкуренции, прямого давления финансовой олигархии. Отсюда и широкое развитие, хотя и в искаженной форме, борьбы против нее: поношение «плутократического» капитала, «процентного рабства» и т. п.

Немецкая мелкая буржуазия в создавшихся условиях, возможно, крайне остро почувствовала потребность в поддержке государства. Оно, однако, стояло на страже интересов монополий и обслуживало их. Специфичность обстановки в Германии заключалась в том, что одни и те же факторы ухудшали положение рассматриваемых слоев (военные контрибуции, невиданная инфляция и т. д.) и вместе с тем маскировали причины этого. Немецкие финансисты не только переложили всю тяжесть расплаты за военное поражение на плечи народа, но и использовали государство для собственного обогащения. Монополистическая пропаганда «списывала» все на Версальский договор, благо в этом имелось зерно истины, а «национальное унижение» обратила на пользу собственным магнатам, в частности смакуя и раздувая через «желтую» прессу столь понятные нутру немецкого обывателя подробности «жутких» историй о международных заговорах.

Развал привычного жизненного уклада, гибель уютенького бюргерского существования, позор военного поражения, к чему столь чувствителен мелкий буржуа, ожесточенная классовая борьба пролетариата, зверства его буржуазных карателей, ужас перед выдуманными «большевистскими заговорами» настолько выбили мелкую буржуазию из привычного состояния, настолько «задурили» ее, что она была готова на любые «подвиги».

«„Взбесившийся“ от ужасов капитализма мелкий буржуа, это — социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фан-

тастику, даже в „бешеное“ увлечение тем или иным буржуазным „модным“ течением — все это общеизвестно»⁷⁴.

В Германии обнаружилось еще одно явление, повторившееся в иных формах и масштабе в ряде других государств. Империалистическая война вызвала к жизни колоссальный государственный аппарат и создала обширную касту привилегированного чиновничества (в первую очередь офицерский корпус), перенявшего многие реакционные качества правящего класса. Военное поражение означало сильное потрясение и даже катастрофу для значительного слоя офицерства и гражданского чиновничества, потерявших синекуры и власть и оставшихся не у дел. Возникла новая современная разновидность люмпенов, можно сказать, люмпен-офицерство и т. п. со своим «кодексом чести» и кастовой спайкой «фронтового товарищества», готовое к быстрой организации и насильственным действиям. Подобные «боевые союзы» в Италии породили и само слово фашизм.

В принятом VI конгрессом Коминтерна 29 августа 1928 г. документе «О международном положении и задачах Коммунистического Интернационала» сказано: «Характерная черта фашизма заключается в том, что в связи с потрясением капиталистического хозяйственного порядка и вследствие особых объективных и субъективных обстоятельств буржуазия использует, — дабы преградить путь развития революции, — недовольство мелкой и средней городской и сельской буржуазии и даже некоторых слоев деклассированного пролетариата с целью создания реакционного массового движения. Фашизм прибегает к методам прямого насилия, чтобы сломить силу рабочих организаций и организаций крестьянской бедноты и приступить к захвату власти»⁷⁵.

В обстановке шквальных классовых битв в Италии, поставивших на край гибели власть буржуазии (достаточно вспомнить массовый захват предприятий рабочими) в 1920 г., и вместе с тем при слабости итальянского пролетариата, пассивности и соглашательстве руководителей Всеобщей конфедерации труда и социалистиче-

⁷⁴ В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. — Т. 41, с. 14—15.

⁷⁵ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 6. М., 1929, с. 65.

ской партии фашисты сумели привлечь разочаровавшиеся и отходившие от революции мелкобуржуазные массы, пылавшие ненавистью к крупной буржуазии и аграриям. В условиях относительного равновесия классовых сил, при реальной угрозе революции правящая верхушка отбросила как непригодные для нее институты буржуазной демократии и в октябре 1922 г. организовала опереточный «поход на Рим», означавший наступление долгой ночи террора и мракобесия.

Для сознания обывателя это было как бы подтверждением древней истины, что все возвращается на круги своя, что нет ничего нового под солнцем. Но новое в круговращении света и мрака было, ибо это — не круг, а мучительная спираль человеческого восхождения. Фашизм — наиболее зловонное и омерзительное испарение и мелкобуржуазного болота, зараженного отбросами и продуктами распада всей системы монополистического капитализма на этапе его общего кризиса. Тема фашизма очень сложна и будет еще долго привлекать внимание исследователей. Это комплексная тема. В ней есть разные аспекты: в чьих интересах действует фашизм, в какой обстановке появляется, какова его массовая база, каковы формы и методы борьбы за власть и за ее удержание и т. д. Но уже сейчас очевидно: фашизм неотделим как от монополий, так и от мелкобуржуазной классовой базы, в идеологическом отношении он — сгусток самого отвратительного, человеконенавистнического в мелкобуржуазности и буржуазности и в чем-то их новое качество. В условиях острейшего кризиса капиталистического общества финансовая олигархия с помощью фашизма направляет растущее недовольство и стихийные выступления мелкобуржуазных (по духу) масс на борьбу с подлинными противниками монополий — для удержания своего господства самыми зверскими методами. Тема данной работы заставляет оттенить роль именно мелкой буржуазии в становлении фашизма.

Как свидетельствовал и сам Гитлер, те, среди которых он провел свои ранние годы, принадлежали к классу мелкой буржуазии⁷⁶. Дух предельного индивидуализма, чванливости, звериной ненависти к пролетариату и особенно к его мировоззрению Гитлер перенял от раз-

⁷⁶ Alan Bullock. Hitler. A Study in Tyranny. London, 1963, с. 37.

ного рода люмпенского сброда в трущобах довоенной Вены. Он «пополнил» и «усовершенствовал» эти качества в озлобленной милитаристской и националистической обстановке послевоенного Мюнхена, среди палачей и вешателей Баварской Советской Республики, которые уже почувствовали смертельную испарину, столкнувшись с идущим к победе классовым врагом. В отличие от русской белогвардейщины они отвоевали старый мир, но навсегда потеряли классовую уравновешенность и веру в свою извечность, хотя «взамен» приобрели все свойства затравленной, но временно вырвавшейся на свободу гадины. Однако сказать, что фашизм — порождение мелкобуржуазной стихии, и на этом поставить точку было бы серьезной ошибкой, которую совершают зачастую мелкобуржуазные критики.

«Коминтерн и Компартия Германии, — говорилось в материалах к VII конгрессу Коминтерна, — с самого начала резко выступили против попыток социал-демократов, троцкистских и брандлеровских ренегатов представить фашизм как диктатуру мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата, как якобы „надклассовую власть“, стоящую не только над пролетариатом, но и над буржуазией»⁷⁷.

Экономические и политические конвульсии главным образом городской мелкой буржуазии создают возможность появления фашизма, которая реализуется через направляющие действия финансовой олигархии. Фашизм имеет относительную самостоятельность, характеризуется звериным антикоммунизмом. На начальных этапах в его программу замешиваются, как правило, внешне эффектные, но по сути крайне расплывчатые, антимонополистические требования, вроде гитлеровской программы 25 пунктов 1920 г. Мешанина, эклектичность лозунгов была созвучна двойственной душе мелкого буржуа и давала главарям гитлеровского пошиба возможность одурманивать различные слои и группы этого класса и примыкающие по сходству своих мелкобуржуазных взглядов социальные элементы из других классов. Массовая классовая база фашизма не сводится к мелкой буржуазии, но последняя занимает в ней количественно доминирующее место.

⁷⁷ Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом (материалы). М., 1935, с. 13.

Разношерстность состава фашистских организаций, временно объединенных сверхдемагогией фюрера, обусловила неизбежность внутренних расколов и склоки. Достаточно вспомнить фракционную деятельность, связанную с именами Грегора Штрассера, а затем Эрнста Рема и показавшую наличие значительной массы людей, которые наивно верили в реальность ряда внешне радикальных лозунгов «вождей» и которых необходимо было время от времени успокаивать пулей и удерживать концлагерем. Легализованное и дозволенное насилие (вплоть до убийства) пленяло мелкобуржуазных люмпенов, отвечало их инстинктам, а безнаказанность делала наглыми.

Спекулируя псевдосоциалистическими лозунгами, фашистские главари дополняют их предельно националистическими образами, «героика» коих так импонирует мелкому буржуа. Для итальянского обывателя Бенито Муссолини вытаскивает атрибуты императорского Рима. Адольф Гитлер «берет» шире — не только мифы тевтонов, но и миф арийства (расы). Самурайский фашизм Японии поднимает на щит культ богини Аматераси и паназиатизм (великая азиатская сфера процветания). Название партии (национал-социалистическая) и даже флаг (свастика на красном полотнище) должны были убедить немцев, что подобный противоестественный симбиоз (национализма и социализма) возможен.

Фашизм впитал в себя предельно реакционное выражение мелкобуржуазности (как и всего мракобесного в идеологии имущих верхов) и одновременно нередко был проявлением вывороченных наизнанку ее прежних «традиционных» представлений и качеств, что тоже было по-своему «логичным» и «естественным» выходом мелкобуржуазной натуры, попавшей в безысходное положение и готовой на любое сальто-мортале, лишь бы уцелеть. Неуравновешенность мелкого буржуа сильно качнула маятник, и сентиментализм сменился жестокостью, бесхарактерность — бешенством маньяка, уединенность — коллективными манифестациями и оргиями штурмовиков. Вспыхнула «пламенная» страсть к культуре силы, бездумной тупости, уголовщине, солдафонству, зазвучали слова: «Пусть рушится мир, мы будем маршировать дальше».

Дьявольский шабаш нацизма, фашистская вальпур-

гиева ночь — и это следует подчеркнуть еще и еще раз — *только с помощью и под руководством* финансовой олигархии могли длиться так долго. Чтобы закреплять и поощрять в нужном для нее направлении бешенство прежде всего мелкобуржуазной черни, чтобы поддерживать обман населения, уничтожать классовых противников, фашистские лидеры первоначально должны были основать террористическую сильно централизованную партию. Однако скоро и это оказалось недостаточным, потребовалось тоталитарное государство, а затем уже и предельное средство — война. Чтобы держаться, нужно было нагнетать безумие, что в конце концов не могло не привести к безумной катастрофе. Временное ослепление и бешенство мелкой буржуазии в ряде империалистических стран, возвращенные монополистическим капиталом, дорого обошлись человечеству.

При своем появлении фашизм использует, помимо прочего, все консервативно-реакционное в «национальном» наследии страны. Но его рост, укрепление и «успех» неотделимы от интересов и политики монополистической буржуазии и ее государства. Не случайно между возникновением национал-социалистического движения и приходом Гитлера к власти лежит период вскармливания нацизма щедрыми финансовыми подачками, рекламой, создаваемой мощной и разветвленной пропагандистско-идеологической машиной монополий, период дрессировки фашистских фюреров финансовой олигархией. Последняя делает все, чтобы подчинить себе это движение, укрепить и расширить его. Впрочем, время колебаний и раздумий было и у монополистической верхушки. На допущение Гитлера к власти она пошла тогда, когда другого выхода, другого пути, других методов предотвращения победы истинного социализма в Германии у нее не было. Жестокие социальные потрясения экономического кризиса 1929 г. и последующих лет, усиление классовых битв, а главное — невиданный ранее рост влияния Компартии Германии и успехи социализма в СССР — все это заставило финансовых магнатов пойти на крайние меры, выпустить бешеного зверя для борьбы с внутренним и внешним врагом империализма.

Фашизм до прихода к власти и после ее получения — не одно и то же. Дорвавшись до власти, он стремился

объединить господствующие классы капиталистического общества, последовательно и нагло осуществлять диктатуру монополий. Он стремился образовать новый тип буржуазного государства, открыто применяющего насилие против широчайших масс трудящихся и в то же время **энергично** подкупающего мелкую буржуазию и неустойчивые элементы рабочего класса.

Прошли годы тяжелых классовых сражений в Европе, годы ошибок и горьких неудач, но вместе с тем и годы «классовой» учебы. Понимание фашизма и путей борьбы с ним стало глубже. Стало ясно, что не все господствующие классы, а именно их верхушка привела его к власти. Как зафиксировано в резолюции VII конгресса Коминтерна, принятой 20 августа 1935 г., господствующая буржуазия в обстановке роста сил революции «все больше ищет спасения в фашизме, в установлении *открытой террористической диктатуры* наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала в целях осуществления исключительных грабительских мер против трудящихся, подготовки хищнической империалистической войны, нападения на СССР, порабощения и раздела Китая и на основе всего этого предотвращения революции. Финансовый капитал стремится обуздать возмущение против капитализма мелкобуржуазных масс при посредстве своей фашистской агентуры, демагогически приспособляющей свои лозунги к настроениям этих слоев. Создавая таким путем себе массовую базу и направляя эти слои как реакционную силу против рабочего класса, фашизм приводит к еще большему закабалению всех трудящихся финансовым капиталом.

В целом ряде стран фашизм уже находится у власти. Но рост фашизма и его победа свидетельствуют не только о слабости рабочего класса... но и о *слабости самой буржуазии*, которая испытывает страх перед осуществлением единства борьбы рабочего класса, страх перед революцией и не в состоянии уже удержать свою диктатуру старыми методами буржуазной демократии»⁷⁸.

⁷⁸ VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма.— Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, с. 10.

Безжалостные удары экономического кризиса, хозяйственный, политический и идеологический хаос, порожденный им, миллионы безработных пролетариев и миллионы разоряющихся мелких буржуа явились той мутной водичей, в которой фашизм в интересах монополий ловил власть. Нам нужно только сильное государство, цинично заявлял Гитлер, а для достижения этой цели все средства хороши. «Фашистское наступление,— говорилось в материалах к VII конгрессу Коминтерна,— развивалось сильнее всего в тех странах, в которых общий кризис капитализма достиг своей наибольшей глубины и которые поэтому были тяжелее всего поражены мировым экономическим кризисом (Германия, Австрия, Балтийские страны, Балканские страны и т. д.)»⁷⁹.

Неправильные действия руководства ряда социал-демократических партий, действия, ограничившие иногда с прямым предательством коренных интересов пролетариата, обусловили естественное напряжение и обострение борьбы в рабочем и вообще в демократическом движении. Конечно, были в какой-то мере неизбежные перегибы, проявления «детской болезни левизны» в молодых компартиях, которую так умело и осторожно врачевал В. И. Ленин.

Сектантство в коммунистическом движении как специфическая форма влияния на него мелкобуржуазных взглядов также тормозило достижение единства рабочего класса и его тесного союза с широчайшими массами мелкой буржуазии. В теории ошибочным и вредным для революционного процесса было, в частности, определение социал-демократии как социал-фашизма. Конечно, социал-демократические партии и их члены дали немало примеров мелкобуржуазных взглядов и действий, игравших на руку классовому врагу, все же в целом это были пусть неустойчивые, но *союзники* в борьбе с фашизмом. Ошибка в теоретическом плане была в принципе исправлена VII конгрессом Коминтерна, но в практической деятельности ее влияние и рецидивы оказались очень живучими, а их вредоносность чувствовалась еще долго.

⁷⁹ Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом (материалы), с. 50.

Глубокий внутренний раскол рабочего класса и мелкой буржуазии Западной Европы, а также между ними, смертельный страх финансового капитала перед угрозой социалистической революции, кризис буржуазно-монополистического общества — причина и условия прихода фашизма к власти в некоторых государствах. Но этот, несомненно, серьезный успех реакции вызвал в 30-е годы, в свою очередь, обратную волну в пролетарском и демократическом движении Запада, да и не только Запада. Наступала эпоха народного фронта. Естественно, вначале возникла проблема единства рабочего класса. «В борьбе против наступающего фашизма и террора фашистских штурмовых отрядов Компартия Германии выдвинула тактику единого фронта германского рабочего класса как центральный рычаг в этой борьбе. С 1931 г. проблема единого фронта стоит поэтому в центре всей борьбы Компартии Германии против фашизма»⁸⁰. В решениях VII конгресса Коминтерна говорилось, что «во всех капиталистических странах развивается *движение единого фронта* против наступления капитала и фашизма. Разгул национал-социалистического террора в Германии послужил сильнейшим толчком и к *международному единому фронту* пролетариата (лейпцигский процесс-кампания за освобождение Димитрова и товарищей, защита Тельмана и т. д.)»⁸¹.

Ожесточенная политическая классовая борьба, сама жизнь заставляли идти от единства пролетариата к единству всех антифашистских сил. Встает проблема антифашистского народного фронта. VII конгресс Коминтерна выдвигает следующую задачу: «Стремясь объединить под руководством пролетариата борьбу трудящегося крестьянства, городской мелкой буржуазии и трудящихся масс угнетенных национальностей, коммунисты должны добиваться создания широкого *антифашистского народного фронта* на базе пролетарского единого фронта, выступая за все специфические требования этих слоев трудящихся, идущие по линии коренных интересов пролетариата. Особенно важно мобилизовать *трудящихся крестьян* против фашистской полити-

⁸⁰ Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом (материалы), с. 52.

⁸¹ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, с. 12.

ки ограбления основных масс крестьянства... Работая повсюду среди *городской мелкой буржуазии и интеллигенции*, равно как и среди *служащих*, необходимо поднимать эти слои против роста налогов и дороговизны, против ограбления их монополистическим капиталом, трестами, против процентной кабалы, против увольнений и сокращения жалованья государственным и коммунальным служащим»⁸².

Впервые идеи Народного фронта воплощаются в жизнь славным рабочим классом Франции. Совместные выступления различных отрядов французских трудящихся наблюдались уже в 1934 г., а в середине 1935 г. образование Народного фронта, включившего левые силы страны, стало явью. Политическая обстановка в результате настолько изменилась, что Народный фронт смог одержать победу на всеобщих выборах и в апреле 1936 г. создать правительство во главе с социалистом Леоном Блюмом. Успехи объединенных сил рабочего класса и средних слоев отвели угрозу фашизма от Франции и даже позволили улучшить экономическое и материальное положение трудящихся масс. Однако сам фронт был еще крайне непрочной, во многом аморфной и верхушечной организацией. Соглашательская по отношению к крупной буржуазии натура мелкобуржуазных средних слоев, реформизм социалистических лидеров, сектантские ошибки не позволили развить первоначальные успехи и повлекли даже временное отступление.

В соседней Испании развитие Народного фронта пошло иначе и эволюция зашла гораздо дальше. Прологом к его созданию явилась мужественная борьба горняков и всех рабочих Астурии в октябре 1934 г. В начале 1936 г. победа Народного фронта привела к власти новое правительство. Начался животворный процесс обновления, демократизации, выметания всей средневековой нечисти, которой так много накопилось в Испании. Реформы затрагивали государственный аппарат. В ответ реакция, действуя через армию и фалангу, уже в июле того же года закрыла небо героической Испании тучами мятежа. Разгорелась гражданская война. В этой стране произошло первое открытое вооруженное

⁸² Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, с. 17.

столкновение фашизма и Народного фронта. Перед лицом сплотившихся масс мятежники дрогнули и сразу же обратились за поддержкой к итало-германским фашистам

Обозначилась новая черта в мировой политике: фашизм стал энергичным экспортером контрреволюции. Появилась тенденция объединения мелкобуржуазного и всего реакционного отребья уже ряда стран под эгидой финансовой олигархии. Перед Народным фронтом в Испании встали новые задачи. Впервые прогрессивные политические силы всех слоев трудового народа, говорил Генеральный секретарь Компартии Испании Хозе Диас, объединяются на базе общей программы. Народный фронт — это не просто коалиция партии или блок горстки лидеров, а организация борьбы против фашизма, против традиционных угнетателей и против интервентов. «Развернутый народный фронт борьбы против фашизма должен охватить не только рабочих и крестьянство, но и честную интеллигенцию, мелких ремесленников, мелких промышленников и торговцев, одним словом, всех тех, кто ненавидит фашизм и его спутников — террор, нищету и голод»⁸³.

Сражение за демократическую парламентскую республику нового типа переросло в более широкую борьбу. Война за национальную независимость и другие коренные интересы нации непосредственно сочеталась с международной битвой между демократией и фашизмом. Испания стала совестью каждого истинного революционера и демократа. Добровольцы из всех стран прорывались туда для прямой схватки с фашизмом. Интернациональные бригады — цвет всего прогрессивного в мире в те годы — навсегда останутся ярким примером интернационализма и братства. Роберт Джордан пал, Пабло вышел из схватки, однако колокол республиканской Испании продолжал звонить по павшим и созывал массы на новые битвы с реакцией, за возрождение страны, где на весь мир прозвучал боевой клич «фашизм не пройдет!».

Накануне второй мировой войны Народный фронт возник и в некоторых государствах Латинской Америки.

⁸³ Хозе Диас. Под знаменем Народного фронта. Речи и статьи. 1935—1937. М., 1937, с. 24.

«В последнее пятилетие перед второй мировой войной,— писал У. З. Фостер,— мощная борьба Народного фронта оказалась решающим фактором, остановившим распространение фашизма в странах Латинской Америки и обеспечившим в конечном счете поддержку народами этих стран великой антифашистской войны, которая тогда уже появилась на горизонте»⁸⁴.

Для самих США экономический кризис 1929 г. и последующих лет был во многом переломным рубежом в их социальном развитии. Основной удар пришелся по мелкой буржуазии (особенно фермерству), массовое разорение которой явилось настоящей национальной трагедией. Грозди гнева созревали очень быстро, и в середине 30-х годов активизация классовой борьбы пролетариата и фермерства, а также городских средних слоев вызвала необычное оздоровление политической жизни и породила новые идеологические течения в американском обществе. США до того времени по духу были в значительной мере мелкобуржуазной (причем преобладала предприимчивая, неприниженная, «ковбойская» мелкобуржуазность) страной. И вот эта мелкобуржуазность американского образа жизни — кстати, одна из особенностей «исключительности» американского капитализма — была глубоко подорвана. Очертания новых классовых антимонополистических союзов рабочего класса и различных слоев мелкой буржуазии проступали достаточно отчетливо, и именно здесь одна из главных причин победы не жесткой руки Гувера, а «нового курса» Рузвельта.

«Политику „нового курса“, — писал У. Фостер, — поддерживала широкая, организационно неоформленная коалиция рабочих, фермеров, негров, молодежи, людей свободных профессий, мелких предпринимателей и других демократических групп населения, а также части капиталистов. По своему классовому составу эта коалиция походила на движение Брайана и Лафолетта в предшествующие десятилетия. Она, конечно, не была Народным фронтом в полном смысле слова. Рабочий класс не играл руководящей роли в этой коалиции, и она не вела прямой борьбы против основных позиций

⁸⁴ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 581.

монополистического капитала. Тем не менее это движение, несомненно, было прямо связано с развернувшимся в то время в Европе и Латинской Америке движением антифашистского Народного фронта»⁸⁵.

Народный фронт и фашизм развивались в конкретных странах крайне неравномерно и могли принимать различные формы. Но везде это были антагонистические классовые коалиции: анtimoнополистические и промонополистические. В каждую из них входили многочисленные слои мелкой буржуазии. Глубочайшая внутренняя двойственность эволюционирующего мелкого буржуа породила в период общего кризиса капитализма и это внешнее, причем уже в мировом масштабе, раздвоение и сосредоточение отдельных частей класса в принципиально противоположных лагерях. Новое состояло в том, что примерно в одно и то же время, но в разных странах мелкобуржуазные и полупролетарские слои в большинстве своем примыкали к той или иной коалиции и тем во многом предопределяли ее успех. Три основные силы капиталистического общества не только создавали разные комбинации, но и создавали их одновременно в разных частях капиталистической системы и даже давали им международный выход.

Внутри фашистского блока силы отдельных его участников также были далеко не одинаковыми, имелись свои слабые звенья.

Фашизм был наиболее прочен в Германии, ибо опирался там на высокоразвитый и экономически сильный государственно-монополистический капитализм, на гигантски раздутый и централизованный госаппарат, предоставивший возможность прибегать как к безудержному террору, так и к подкупу части «активных» мелких буржуа, например, путем принятия на государственную службу. Захват и ограбление соседних стран первоначально способствовали тому же процессу. И хотя сопротивление лучших частей немецкого рабочего класса нацизму не только вне, но и внутри Германии никогда не прекращалось, «единство действий» достигалось уже в основном в концлагерях, а значительная часть антифашистов из народа, из мелкой буржуазии «умирала в одиночку».

⁸⁵ Там же. с. 592.

В Италии социальная база фашизма была гораздо более рыхлой, финансовый капитал экономически гораздо слабее немецкого; армия и власть здесь «прославились» больше поражениями в Абиссинии и в Греции. Гнилость «корпоративного строя» обнаружилась раньше, и в стране образовалось крепкое антифашистское подполье. Режим Муссолини был свергнут итальянскими массами, и лишь немецкая оккупация отсрочила казнь самого дуче.

На восток от Италии было, однако, государство, в котором полуфашистский строй был ниспровергнут еще раньше. Речь идет о Югославии, где совместные действия различных классовых сил, в том числе и части офицерства, в первой половине 1941 г. сбросили пронемецких ставленников. Варварское вторжение гитлеровской армии прервало начавшийся процесс демократизации, но вызвало сильнейшее вооруженное антифашистское сопротивление широчайших масс народа.

Мелкобуржуазная революционность не только предшествует возникновению пролетарского движения; под влиянием мелкобуржуазных и полупролетарских элементов она в «перелицованных» одеждах возникает вновь и вновь в самом этом движении, приводя нередко к контрреволюционному перерождению отдельных его отрядов. После первой мировой войны, в условиях строительства социализма в одной стране, таким явлением был троцкизм. В Советском Союзе это течение, рвущее с ленинизмом и ведущее к предательству завоеваний Октября, было разбито. Но за рубежом троцкизм попытался использовать слабости революционных движений и вредить им. Он был своеобразной международной формой существования одного из самых злобных мелкобуржуазных извращений марксизма-ленинизма в эпоху общего кризиса капитализма. Троцкизм возник — и в этом его принципиальное отличие от многих мелкобуржуазных течений — как форма *отхода* (а не *возможного приближения*) от марксизма, как сверхреволюционность слова и объективная контрреволюционность дела. Лишь в 1938 г. Л. Троцкому и его сторонникам удалось сколотить IV Интернационал, который с тех пор занимается антикоммунистической пропагандой и готовит «новое революционное руководство», хотя никто не желает его принимать.

Однако от троцкизма как международного мелкобуржуазного и контрреволюционного явления, рвущего с марксизмом, абстрагироваться нельзя, как нельзя абстрагироваться от борьбы с фашистской идеологией.

Эти две идеологии (или методы действий) возникают именно в эпоху общего кризиса капитализма, и корни их в конечном счете уходят в одну почву — мелкобуржуазную и люмпен-пролетарскую среду и служат интересам главного классового врага трудящихся. Поэтому непростительно забывать, что те или иные аспекты мелкобуржуазной идеологии ощущались участниками классовой борьбы и в странах фашистского блока, и в странах буржуазной демократии и народного фронта, и в стране, первой поднявшей стяг строительства социализма.

След довоенных народных фронтов не затерялся. Он отыскался в годы второй мировой войны в разливе широкой антифашистской национальной борьбы, не только в союзах рабочего класса и различных слоев мелкой буржуазии, но и в объединенных действиях с буржуазными организациями (итальянский и французский комитеты национального освобождения). В жесточайшей схватке с фашистской диктатурой немецкого финансового капитала в ряде государств рождались важные элементы, а иногда и основы будущего антимонополистического фронта уже против своего, отечественного финансового капитала.

Круг замкнулся. Если после мировой войны 1914—1918 гг. (не считая первых лет) мелкая буржуазия в значительной своей массе в некоторых странах (но уже не во всех) опять пошла за буржуазией (вернее, теперь за ее монополистической верхушкой), то к концу второй мировой войны между ними снова появилась трещина, нередко обозначался даже разрыв. Открывалась новая глава во взаимоотношениях трех классов, новая перетасовка сил, в которой буржуазия пытается создать ситуацию, делающую невозможной социалистическую революцию, а пролетариат добывается прямо противоположного. Борьба за складывание благоприятной комбинации классовых сил в целях разрыва с капитализмом идет непрерывно. Первый вариант — до эпохи империализма — в Европе завершился Парижской коммуной, которую версальцы потопили в крови. Второй вариант —

в первый период эпохи империализма — в России дал миру Великую Октябрьскую социалистическую революцию и положил начало возникновению нового общества на земле. Третий вариант — через сложнейшее сочетание внутренней антифашистской борьбы и героических побед антигитлеровской коалиции при ведущей роли Советского Союза — вызвал к жизни страны народной демократии и привел к образованию мировой социалистической системы.

*Некоторые идеологические аспекты борьбы
за промежуточные слои Запада
после второй мировой войны*

Разгром немецкого фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии серьезно потряс всю систему империализма, создал важнейшую предпосылку (условие) для достижения политической независимости десятками бывших колоний. В странах народной демократии Восточной Европы встала по-своему, но в целом та же проблема взаимодействия, союза пролетариата и мелкой буржуазии на начальном этапе социалистического строительства, о которой уже говорилось применительно к первым годам существования Советской России.

При братской помощи СССР, при ослаблении мирового империализма пролетариату, его партиям и правительствам удавалось значительно легче поддерживать и расширять союз с различными слоями класса мелкой буржуазии, успешнее бороться с ее шатаниями. Однако, как показала история ряда восточноевропейских государств, в отдельные напряженные периоды развития внешней и внутренней контрреволюции удавалось перетягивать на свою сторону отдельные отряды трудящихся, обманывать их демагогическими лозунгами и призывами и даже втягивать в контрреволюционные выступления.

В развитых капиталистических державах в основном ситуация напоминала ту, которая сложилась до второй мировой войны: промежуточные классовые силы были расколоты, одна часть шла с пролетариатом, другая — за монополистической буржуазией. Сходство состоит именно в этой общей разбивке, так как в других отно-

шениях наблюдаются серьезные отличия. Иной, количественно и качественно, стала степень обострения общего кризиса капитализма, иной — политическая обстановка в мире.

Углубление общего кризиса капитализма после окончания второй мировой войны внесло существенные изменения не только в объекты, методы и формы прямой классовой борьбы между монополистической буржуазией и пролетариатом, но и в их схватку за промежуточные классовые силы. Важность сплочения всех трудящихся и антимнополистических слоев общества и то, что степень продвижения, мера реализации этого союза, его виды, непосредственные требования и многое другое в разных странах и в разные времена неодинаковы, конечно, не нуждается в особом доказательстве.

Политические организации рабочего класса, прежде **всего коммунистические партии**, выступают за самые широкие союзы демократических и патриотических сил нации, чтобы ограничить, а затем и ликвидировать власть и произвол финансовой олигархии.

«В ликвидации господства монополий,— говорится в Заявлении представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г.,— кровно заинтересованы рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, мелкая и средняя буржуазия города. Создаются благоприятные условия для сплочения всех этих сил.

Коммунисты считают, что такое объединение вполне осуществимо на основе борьбы за мир, национальную независимость, защиту и развитие демократии, национализацию важнейших отраслей экономики и демократизацию управления, использование всей экономики в мирных целях для удовлетворения нужд населения, за проведение радикальных аграрных реформ, улучшение жизненных условий трудящихся, защиту интересов крестьянства, интересов мелкой и средней городской буржуазии от произвола монополий»⁸⁶.

При выдвижении лозунга создания широких антимнополистических союзов и при претворении этого лозунга в практику политической борьбы подчеркивается или подразумевается *равенство* входящих в них политических сил.

⁸⁶ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1964, с. 72.

Подавляющее большинство западных коммунистических партий уделяет огромное внимание *экономическим* проблемам и *экономическим организациям* как конкретным и крайне важным объектам, узлам совместной борьбы самых разнообразных слоев населения и одновременно средствам создания и даже какого-то организационного оформления и закрепления объединенных действий. Все серьезнее и обстоятельнее отмечается *изменяющийся* характер классовых союзников пролетариата, анализируется сущность этих изменений (в экономической, социологической и идеологической областях) и делаются соответствующие политические выводы.

Эффективнее становится увязка конкретных задач защиты и развития *демократических свобод и институтов* для проведения совместных действий основных прослоек трудящихся и их партий. Коммунисты стремятся выработать оптимальную программу как *негативных*, антимонополистических действий, так и *позитивных* задач объединенной борьбы всех прогрессивных сил на различных этапах и в различных областях общественного бытия. Жизненно важная задача сплочения трудовых и демократических сил в едином фронте в обстановке существенно трансформировавшегося госмонополистического капитализма (нарастание научно-технической революции, позволившей монополиям временно прельщать обывателя удобствами и выгодами потребительского общества, возвращать конформизм) потребовала от компартий расширения сферы их теоретической и практической работы (например, вопрос союза с верующими) и углубления ее там, где она ведется давно.

Многие западноевропейские коммунисты отмечали, что развитие социальной и политической борьбы предоставляет благоприятную возможность для развертывания массового движения, объединяющего рабочий класс с другими антимонополистическими силами. Этот союз может быть расширен для того, чтобы добиться проведения таких реформ, которые необходимы в целях уменьшения политической и экономической власти монополий, осуществления подлинной демократизации общественной жизни и прокладывания пути к социализму.

Хотелось бы обратить внимание не только на позитивную сторону проблемы объединения трудящихся

классов или их отдельных слоев, но и на ее негативную сторону, на ее изнанку: на то, как основной классовый враг пролетариата борется за недопущение или за срыв подобной народной коалиции и что он пытается противопоставить ей.

Своеобразие послевоенного развития госмонополистического капитализма в ряде стран континентальной Европы и Японии позволило верхушке правящих классов и вынудило ее вновь использовать, казалось, навсегда отброшенные ею институты и атрибуты буржуазной демократии для сохранения собственного существования и власти. Опасно недооценивать значительный арсенал новых «легальных» средств, применяемых монополистической буржуазией. Но как раньше нередко полагали, что капиталисты не переживут «возврата» от фашистских методов правления к необуржуазно-демократическим формам в тех странах, где они брали верх, так и теперь иногда считают невозможным возрождение фашизма во всех этих или даже других государствах. Конечно, разгром основных его бастионов, разоблачение дорогостоящей практикой его звериного нутра сделали подобное воскрешение крайне трудным. Но хотя «знаемые» формы реакции и фашизма подорваны, сам он, выступая под разными, даже «демократическими» личинами, к сожалению, еще не мертв. В распоряжении правящих империалистических кругов имеется не только рецептура изготовления реакционного фашистского варева.

Уже первые порывы «холодной войны», раздуваемые наиболее реакционными кругами «атлантического» империализма, опять развернули флаги антикоммунизма. Именно антикоммунизм и антисоветизм вновь становятся для буржуазии важнейшим идеологически-пропагандистским оружием оболванивания народов, особенно откола от рабочего класса и коммунистических партий непролетарских или полупролетарских союзников. Не случайно в этот период наблюдается развитие жанра социальных антиутопий, с помощью которых обывателя запугивают тоталитарно-коммунистическим завтра. Если прежде утописты рисовали общество, за которое трудящимся массам стоило бороться, то создатели антиутопий ставят прямо противоположную задачу — сохранить *сегодняшний* капиталистический порядок. В их писаниях

будущее представляется мучительной агонией в безысходном социальном тупике.

Перед нами предстает специально вывернутая наизнанку мелкобуржуазность в ее предельно пугающих формах. На Западе зачинателем этой послевоенной литературно-идеологической атаки на коммунизм стал Джордж Орвелл. Его книга «1984» содержит пророчество трагической судьбы человечества. Расчлененные границами трех однотипных сверхдержав, заявляет Орвелл, оно обречено на бесконечные и отчетливо бессмысленные войны, необходимые правящему слою, «партии», анонимному «Большому брату» для удержания власти. Провозглашается первая заповедь двойного мышления: «война есть мир»⁸⁷.

Вторая заповедь — «свобода есть рабство» — лежит в основе жесточайшей регламентации всей общественной и особенно личной жизни граждан. Последняя фактически полностью отсутствует, ибо эффективная служба «министерства любви» (так именуется гестапо будущего) присутствует везде. Техническими средствами, пресловутыми «телескринами», всевидящими и всеслышащими, на шпиговано даже жилище. Человек никогда не остается наедине с собой, все время ощущая следящий за ним взгляд. Доносы, непрерывные аресты, «кампании ненависти» и многое другое превращают индивидуума в дрожащее от страха, забитое существо.

Интеллект в таком обществе (по Орвеллу) постепенно деградирует, образованность считается вредной и опасной. Третья заповедь гласит: «невежество есть сила». Она также неукоснительно претворяется в жизнь. «Министерство правды» (органы информации и пропаганды) занимается постоянной дезинформацией, прямым враньем и подтасовками. В результате истина вообще как бы исчезает, народ отвыкает от нее. Упрощается и примитивизируется сам язык (нюспик), что ведет и к упадку мышления.

Материально-бытовые недостатки, вечная нехватка необходимого, ухудшение качества потребительских товаров и т. д. представляется в таких условиях уже само собой разумеющимся и не самым страшным. Поэтому «деяния» «министерства изобилия» (на деле нехват-

⁸⁷ G. Orwell. Nineteen Eighty four. 1963, с. 25.

ки) по сравнению с другими сторонами повального тоталитаризма представляются блеклыми.

Герой антиутопии Уинстон Смит пытается сохранить свою индивидуальность, не утратить смысла жизни. Короткое счастье он обретает в любви, которая также запрещена. Но затем наступает неизбежный и абсолютный конец человека и личности. «Он одержал победу над собой. Он полюбил Большого брата»⁸⁸ — таковы заключительные строки книги, за пределами которой произойдет физическая казнь героя.

Антиутопия Орвелла адресована средним слоям госмонополистического общества, в первую очередь интеллигенции. Автор стремится метастазы распадающегося капитализма передать социализму, привить своим читателям стойкий антикоммунизм. Подобный прицел, ставший типичным для буржуазной пропаганды, не был случайным. В условиях научно-технической революции процесс внутренней социальной перестройки промежуточных классовых сил резко убыстряется. Все большую роль играют «новые средние слои», «белые воротнички», студенты и т. д. Значимость данного процесса для эволюции мелкой буржуазии уже отмечалась в начале работы. Здесь же следует подчеркнуть, что количественный рост этих слоев дает иное качество. В странах госмонополистического капитализма они становятся потенциально основным союзником пролетариата в борьбе за мир, демократию и социализм.

Уже упоминавшийся американский социолог Р. Миллс завершил свою известную книгу «Белый воротничок. Американские средние слои» такими строками: «В настоящее время на политическом рынке американского общества появился новый товар — новые средние слои. И тот, кто выглядит достаточно респектабельным, достаточно сильным, возможно, сможет приобрести его. Однако никто до сих пор не предпринял серьезной попытки сделать это»⁸⁹. Подобная «коммерческая» аллегория отмечает не только сам факт появления нового важного промежуточного социального слоя, но и неизбежность борьбы за него. И эта борьба между буржуазией и пролетариатом усиливается в 50-е и особенно в

⁸⁸ Там же, с. 239.

⁸⁹ W. Mills. White Collar, с. 353—354.

60-е годы. Глубокие изменения самой структуры промежуточных классовых сил также заставляют финансовый капитал менять тактику и делают для него невозможным буквальное повторение старых приемов удержания значительной части средних слоев, порождают стремление развернуть новые массовые правоэкстремистские и неофашистские движения.

Именно на двойственность промежуточных классовых сил ориентируется империалистическая пропаганда, но осуществляет это таким образом, чтобы представить прогрессивные, в первую очередь коммунистические, движения как составную часть обширного заговора с участием неких богачей-плутократов. Дикая смесь антикоммунистических, антиплутократических призывов подается обывателю, дабы наускивать, натравливать его на демократов, убедить его в том, что уничтожение коммунизма есть... уничтожение власти плутократического капитала. Фашистская пропаганда в тех же целях выработала штамп создания культа «простого парня из народа», павшего в борьбе с коммунистами. Для национал-социалистов подобным героем был Хорст Вессель. Американские мракобесы пытались таковым сделать Джона Берча.

Фашизм — это и идеология. Все самое реакционное и даже человеконенавистническое в эклектическом мировоззрении части отсталых мелкобуржуазных слоев, так сказать, потенциальный, малый фашизм, пропагандистско-идеологическая машина монополий старательно раздувает, формирует и направляет, чтобы обеспечить победу над крепнущим пролетарским, прогрессивным началом в мировоззрении большей части этих масс или выхолостить его. В данной области тоже был выработан свой штамп, модель или, точнее, отмычка: во все впрыскивается яд особого антикоммунизма. Промежуточные классовые силы капиталистического общества жестоко страдают от гнета финансовой олигархии и слепо ненавидят ее, однако одновременно многие их представители мечтают выбиться в люди, не желают «опускаться» до статуса наемных рабочих.

Идеологическо-пропагандистская машина монополий обильно разбрасывает семена неофашистских идей, рассчитанных на оглушение неискушенных людей. Они совершают это самыми новейшими методами и в самых

неожиданных формах. Возьмем ординарный, более того, избитый пример: образ Джеймса Бонда, созданный Яном Флемингом, представителем «традиционно демократической» буржуазии Англии. Агент 007 в западном буржуазном мире, вероятно, наиболее разрекламированная личность, хотя плоти и не имеющая. Многомиллионными тиражами выходят серии детективно-авантурных книжек о подвигах этого супершпиона, их экранизируют, их демонстрируют по телевидению и т. д. Ажиотаж и шумиха вокруг него настолько велики, что отдельным простакам начинает мерещиться, что это реально существующий человек. Крупному капиталу писания Я. Флеминга полюбили не за какие-то особые литературные достоинства. Он ухватился за них, ибо Флеминг сумел «творчески» приложить к современной обстановке модель нацистской большой лжи, столь выгодной правящей элите.

Какова обычно схема флеминговских боевиков? Конечно, на одной стороне «светлый лик» этакого новоявленного Георгия Победоносца, Дж. Бонда, которого подпирают не менее «симпатичные» парни из западных разведок, армий и аппарата НАТО, на другой, естественно, — «мрачные типы» советских агентов и коммунистов. Но если бы дело ограничилось этой примитивной схемой, то перед нами был бы очередной проходной шпионский роман. Соль именно в наглой подтасовке и «гибридизации»: главные отрицательные герои, как правило, не просто видный коммунист или советский разведчик, но одновременно коррумпированный профсоюзный босс-миллионер, погрязший в разврате и азартный игрок («Казино Ройял»), либо архибогач, сверхшейлок, жаждущий заполучить все золото мира и не останавливающийся для достижения своих целей ни перед чем («Голдфингер»). В результате садизм, жестокость, откровенный цинизм, жажду наживы, попрание всякого человеческого достоинства, дозволенность убийств и другие реальные качества паразитирующей финансовой элиты Я. Флеминг приписывает патриотам и демократам, борющимся против нее. Подобное чтиво рассчитано на то, чтобы внушить неопытным в политике, но на себе ощущающим все «прелести» капиталистического рая людям Запада мысль, что во всем виноваты коммунисты и советские агенты. Ложноантиплутократическая форма

флеминговских писаний на деле оборачивается беспардонной антисоветской и антикоммунистической клеветой, апологетикой империализма, и особенно его карательных органов.

Последние, как показала уже довоенная практика Италии и Германии, играют очень важную роль в выращивании фашизма. Нет нужды упоминать названия десятков и сотен солдатских, офицерских и даже эсэсовских союзов, имена фашистских подонков, пополнивших иностранные легионы и отряды карателей во многих местах мира после второй мировой войны.

В нынешних условиях третий важный прием в воспроизведении фашистской модели изменился особенно заметно. Сверхпаразитизм госаппарата монополий выражается теперь не только в том, что через армию и разведку он выделяет опытные кадры для создания вооруженных отрядов (типа СС), но и в том, что *он прямо формирует специальные армейские подразделения фашистского типа*. Постоянно просачивающиеся сведения относительно тайных складов оружия, боевой подготовки неонацистов в разных империалистических государствах — сигналы, говорящие, что о «традиционной» форме фашистской опухоли забывать нельзя. Весьма симптоматично появление книг американских авторов (вроде «Семи дней в мае» Ф. Нибела и Г. Бейли), в которых утверждается, что решающая роль в подготовке будущих фашистских государственных переворотов в США отводится именно подобным воинским частям.

Однако монополиям отнюдь не всегда и не в любых условиях удастся с помощью фашизма овладеть на какое-то время настроением и движениями значительной части промежуточных классовых сил (в первую очередь мелкой буржуазии). А это означает, что верхушка имущих классов не в состоянии добиться достижения таким путем двух главнейших целей: а) ослабления борьбы трудящихся через раскол, в частности через столкновение их отдельных отрядов; б) изменения характера, форм и методов действий буржуазного государства через установление фашистской диктатуры, в которой должно раствориться (стать составной частью) и само фашистское движение. Оно нужно финансовой олигархии только для достижения этих целей или одной из них.

На последнее обстоятельство хотелось бы обратить внимание, ибо в довоенной волне фашизма эти две цели обычно выступали более слитно, хотя уже и тогда можно было заметить несовпадение их в некоторых странах. Теперь разрыв между ними стал очевиднее — еще одно свидетельство ослабления базы империалистической реакции. В нынешней обстановке монополиям большинства капиталистических государств не удастся формами и методами старофашистских движений удерживать под своим контролем значительную часть промежуточных классовых сил и часть пролетариата.

Но потребность в раздувании и централизации государственного аппарата, в углублении его фактического отрыва от народа у крупного капитала не пропадает. Стремление госмонополистического капитализма к реакции в надстроечных институтах сегодня реализуется главным образом действиями, идущими сверху. Резко возрастают бюрократический централизм, численность и число карательных государственных организаций (армия, разведка, полиция и т. д.). Гигантских размеров достигают расходы на вооружение. Монополии еще активнее, чем раньше, стараются вывести основные звенья госаппарата из-под мало-мальски эффективного контроля парламента.

История показала, что и экстремистско-реакционные движения, не достигшие власти, и государство фашистского типа, не подкрепленное достаточно массовым реакционным движением, непрочны, быстро поддаются эрозии классовой борьбы и подвержены разным превращениям политической жизни. Именно этот вариант социальной эволюции продемонстрировали исторические события в Португалии и Греции. Они потому, на наш взгляд, являются историческими, что засвидетельствовали способность народа, поддержанного частью прогрессивных деятелей госаппарата, свергнуть прогнившие режимы фашизма и неофашизма. Так, крах салазаровского «порядка» произошел тогда, когда он вверг нацию в глубочайший затяжной политический кризис и показал полную неспособность разрешить его. Режим подрывал силы португальской нации в изнурительной и бесперспективной колониальной войне в Африке. А «черные полковники» довели Грецию до национального позора и породили кипрскую трагедию. Сейчас

мир является свидетелем успешной борьбы испанского народа с франкизмом, потерявшим своего каудильо.

Загнивающему монополистическому капитализму фашизм нужен не только для внутреннего, но и для внешнего употребления: территориальных захватов, шантажа и подавления революционных движений в других государствах. Фашизм — это война. Для многих народов мира данный тезис — аксиома, проверенная на собственном тяжелом опыте. Именно здесь кроется одна из важнейших причин того, что неофашизм в Западной Европе до сих пор не сумел сколотить массовую базу, несмотря на щедрые подачки и помощь монополистического капитала. В наши дни все грознее становится и оборотная сторона того же тезиса: война (конечно, империалистическая, несправедливая) — это фашизм. Перед нами двойники, которые могут быть то причиной, то следствием. Раньше мы сталкивались с тем, как фашизм вызывал войну, теперь же империализм с помощью войны пытается возродить фашизм.

Не будучи сейчас в состоянии развязать мировую войну, империалисты, скованные мощными силами социалистического содружества, рабочего движения в капиталистических странах и освободительными движениями в «третьем мире», не отказываются от теории и практики «локальных войн». Отнюдь не побочным продуктом малых войн стало возникновение неофашистских, милитаристских организаций и групп. Так, грязная война в Индокитае, а затем в Алжире породила такое отвратительное политическое явление, как ОАС, тлетворное влияние которого сказалось и на самой Франции. В еще больших размерах аналогичные процессы наблюдались в связи с агрессией США во Вьетнаме. Внутри американского общества эта агрессия вызвала заметное размежевание сил. И вполне естественно, что все реакционные (любых мастей) организации, все неофашистские группы, все антикоммунистические деятели оказались в одном лагере — сторонников войны.

Было бы неверно и опасно полагать, что в некоторых государствах Запада неофашизм уже никогда не сможет стать серьезной угрозой завоеваниям пролетариата и вообще трудящихся, будущему нации. Нельзя оставаться беспечным, думать, «что больше подобное

невозможно». Только совместные действия, объединение всех трудовых классов и их прослоек — вернейший залог сокрушения планов возрождения фашизма и военной угрозы, исходящей от монополистической буржуазии.

Значительные изменения в производительных силах (научно-техническая революция) и производственных отношениях (госмонополистический капитализм, военно-промышленный комплекс, сверхнациональные корпорации), происшедшие в капиталистических странах за последние три десятка лет, вызвали к жизни множество социологических и иных концепций и идеологических построений. В них отразилось осознание различными классовыми слоями своих интересов и своего отношения к явным или мнимым переменам в мире. «Революция управляющих», «общество потребления», «индустриальное (и послеиндустриальное) общество», «стадии роста» — лишь некоторые из наиболее модных теорий на Западе. В каждой из них так или иначе проступили оттенки новых и «древних» мелкобуржуазных взглядов промежуточных слоев.

Кратко остановимся только на одной теории, в которой, однако, использованы новейшие откровения буржуазных ученых и политиков. Речь идет о системе воззрений Герберта Маркузе. После издания в 1964 г. книги «Человек одного измерения (Исследования идеологии развитого индустриального общества)» к нему пришла известность, и он почитается как один из теоретиков «новолевого движения» (наряду с единомышленниками — Теодором Адорно и другими представителями так называемой франкфуртской школы). Эта теория, вобравшая в себя разные потоки современной западной и «третьемировой» буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, интересна и тем, что демонстрирует новые обличья «самостоятельной» мелкобуржуазности и ее эволюцию в странах госмонополистического капитала.

Капитализм не вызывает у Маркузе симпатий. Он против него. Однако внутри современного развитого капитализма (чаще он говорит об индустриальном обществе) произошли огромные сдвиги, прямо сказавшиеся на ходе революционной борьбы. Под влиянием научной и технической революции, заявляет Маркузе, в обществе потребления (используется и этот термин) рабочий класс превращается в рабочую аристократию,

интегрируется в капиталистическую систему. Пролетариат (и его организации соответственно) перестает быть революционным отрицанием капитализма, становится, как и буржуазия, заинтересованным в сохранении существующего порядка.

Из подобной идеологической схемы неизбежно вытекают вывод о внутреннем укреплении капитализма и глубоко пессимистические взгляды на будущее. Но остались ли вообще социальные силы, выступающие за революционное ниспровержение капитализма? Да, такие силы есть, утверждает Г. Маркузе. Наряду с ростом тоталитаризма и новой стабильной стратификацией классов наблюдается, на его взгляд, и другой феномен: «Под консервативным народным базисом располагается слой отверженных и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых представителей иных рас и национальностей, безработных и нетрудоспособных»⁹⁰.

В других работах он более определенно пишет, что оппозиция в центре развитого капитализма представлена: 1) неоднородным населением гетто и 2) интеллигенцией среднего класса, особенно студенчеством. Огромные силы, противостоящие капитализму (и утвердившимся социалистическим обществам, добавляет он), находятся в «третьем мире»⁹¹. Это социальные силы «отрицания» и «бунта».

Иными словами, свои классовые симпатии Г. Маркузе выражает довольно точно: он адресует их части мелкобуржуазных элементов (включая люмпенов) в индустриальных капиталистических государствах и многочисленным непролетарским и полупролетарским массам освободившихся стран. Беда теоретиков и практиков типа Маркузе, конечно, не в том, что они признают и подчеркивают революционные потенции упомянутых классовых сил. Такие потенции (и не только потенции) действительно имеются. Главнейший порок подобных ложных идеологических построений в другом — в том, что они противопоставляют промежуточные слои пролетариату, выступают против него самого и его организаций и тем делают «свою борьбу» против капитализма

⁹⁰ H. Marcuse. One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. 1968, c. 256.

⁹¹ H. Marcuse. Re-examination of the Concept of Revolution, c. 20.

бесперспективной и иллюзорной. Более того, малочисленные, но крикливые «сверхлевые» экстремистские группы любого пошиба наносят прямой вред всем видам антимонополистической борьбы.

Бурные события мая — июня 1968 г. во Франции, а затем и в ряде других капиталистических держав наглядно показали возросшие революционные возможности студенчества. Однако эти же политические события продемонстрировали ведущую роль пролетариата, поскольку именно его выступления направляли течение политических процессов. Где и когда достигался союз между участниками антимонополистической борьбы, там и тогда у них появлялись сильные позиции и намечался реальный успех. Наглядный тому пример — выборы 1976 г. в Италии.

Примечательно, что завершающие книгу Маркузе страницы пронизаны прямо библейским ожиданием страшного конца, наступления эпохи нового варварства, горечью из-за невозможности прогнозировать будущее и связать с ним настоящее⁹². Это психология слоя, потерявшего опору, но не видящего перспективы в подлинном социализме, ибо его основной строитель — пролетариат.

На исходе 60-х годов закончился определенный этап в идеологической и политической эволюции промежуточных классовых сил капиталистического общества в основных странах Запада. Показателем этого стало и внутреннее размежевание. Отдельные части изучаемых слоев решительно повернули к пролетариату и его организациям. Надежды «центристской» группы, представленной большей частью аморфного руководства «новой левой», на возрастание собственной мощи и превращение в прочную и даже ведущую силу в социальной жизни значительно поубавились. Отшумели ультралевые деятели типа Кон-Бендита. Часть промежуточных слоев по разным причинам начала отходить вправо. Наступил очередной период «разброда и шатаний».

Консервативным выражением новой «переоценки ценностей» стали, к примеру, «социальные откровения» Жака Франсуа Ревеля в книге с броско-рекламным заголовком: «Без Маркса и Христа (Новая Американская

⁹² Н. Marcuse. One-Dimensional Man, с. 257.

Революция уже началась)». Автор с первых же страниц ошеломляет читателя утверждениями, что социализма нет... ни в Советском Союзе, ни в странах Восточной Европы. Более того, он утверждает, что его победа ныне невозможна ни в Западной Европе, ни в «третьем мире»⁹³. Перечисляя пять условий «Второй Революции»⁹⁴, Ж. Ревель категорически заявляет, что для нее созрели только Соединенные Штаты, а остальные государства смогут подойти к ней лишь после победы американской революции. В своих писаниях он исходит из отрицания самостоятельной и ведущей роли пролетариата. Постепенно он совершает не очень ловкую подмену проблемы социальной революции проблемой формирования нового индивидуума с помощью «контркультуры». Что касается самой «Второй Революции», то ее важнейшей целью провозглашается образование мирового правительства⁹⁵. Недаром несколько лет спустя «светлое будущее» капитализма он узрел в господстве сверхнациональных корпораций (в книге «Искушение тоталитаризмом»).

Некоторые идеологи «новой левой», особенно американские, тоже пришли к выводу о необходимости переклестить внимание с политических акций на создание контркультуры. Однако в отличие от Ревеля они трактовали ее как главное средство борьбы с современным западным обществом. В этой связи можно упомянуть работы Теодора Розака и Чарлза Рейха. Не случайна даже близость названий их трудов: «Где кончается пустыня» — у первого и «Зеленеющая Америка» — у второго; оба они ищут для отчужденного человека «большой выход» из тупика буржуазной реальности. Пересмотр идейного багажа «новолевого» движения отражает его кризис — явление объективное, могущее привести и к классово правильным выводам. Однако когда устанавливаются жесткие рамки этих поисков, когда заранее утверждается, что все должно ограничиваться перестройкой сознания, то даже самые позитивные выводы не могут вывести движение из тупика. Недаром К. Маркс, отмечая во многом схожие идейные блуждания в XIX в., предельно четко высказал ту мысль, что новые идеи,

⁹³ J. F. Revel. *Without Marx or Jesus*. London, 1972, с. 20.

⁹⁴ Там же, с. 16.

⁹⁵ Там же, с. 71.

новое сознание очень нужны, но они не способны вывести человека и общество за пределы старого общественного устройства. Новые идеи способны вывести людей лишь за пределы старых идей и стать важным оружием в борьбе за политическое и иное радикальное преобразование, за перестройку отживших социальных структур.

«Сегодня,— читаем в коллективном труде советских авторов,— можно услышать немало разговоров о „конце“ „новых левых“, о бесперспективности леворадикального протеста. Однако если рассматривать последний не как преходящую политическую моду или проявление неких психических аномалий студенчества и молодой интеллигенции (а при этом сам „левый“ радикализм не сводить к левацкому экстремизму), если видеть его глубокую укорененность в кризисных процессах, характерных для современного капитализма, то, по-видимому, мы не найдем достаточных оснований для вывода, что движение „новых левых“ исчерпало себя»⁹⁶. С этим заключением можно согласиться.

Таким образом, в государствах госмонополистического капитализма между буржуазией и пролетариатом продолжается напряженная борьба за мелкую буржуазию и вообще за все промежуточные силы. Сегодняшние итоги этой борьбы неодинаковы в разных странах. Наряду с такими, в которых сохраняется значительное или преобладающее влияние буржуазных институтов на промежуточные классовые силы, имеются и такие (например, Италия, Франция и др.), где значительную часть крестьянства, городской мелкой буржуазии и примыкающих к ней средних слоев ведут рабочие партии. Относительно самостоятельные политические движения промежуточных классовых сил эволюционируют крайне неравномерно. Показательно также, что ряд нынешних сверхлевых западных идеологов свои идеалы и искомое будущее находят не в концепциях, бытующих на их родине, а в мелкобуржуазных концепциях и движениях освободившихся стран (Жан Поль Сартр).

⁹⁶ Борьба идей в современном мире. М., 1976, т. 2, с. 228.

III. МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ В ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАНАХ

Распад колониальной системы империализма и выход на арену самостоятельной международной активности большой группы молодых государств существенно влияют на обстановку в мире. В стане госмонополистического капитализма составляются и применяются различные рецепты борьбы за них. Они варьируют от преимущественного упора на расширение экономического проникновения и до беззастенчивого военного вмешательства во внутренние дела этих государств. На практике империалистическая политика обычно в разных пропорциях сочетает принцип кнута и пряника для удержания своих позиций в освободившихся странах.

Вокруг проблемы о сути происходящих в «третьем мире» сдвигов, его месте и роли в развитии современного человечества разгорелась ожесточенная полемика. Она отражает сложные столкновения и переплетения различных классовых интересов теперь в масштабе всего земного шара. Правящие классы Соединенных Штатов уже в начале 60-х годов считали «третий мир» одним из основных объектов борьбы между двумя мировыми системами. В редакционной статье «Нью-Йорк Таймс», например, давалась такая трактовка этой проблемы: «Факты текущей истории показывают, что самой могущественной державой на земле являются США, а самой революционной частью планеты — слаборазвитый „третий мир“». Последний, по мнению авторов передовой, жаждет как можно скорее изменить нынешнее свое положение, и его раздрают противоречия, вызванные разным отношением к другим «мирам». Каковы же эти противоречия? «„Третий мир“, — продолжают авторы, — привлекает технология США, Западной Европы и Японии, но лидеров и интеллигенцию многих стран столь же сильно манит идеология социалистических или коммунистических государств так называемого второго ми-

ра»¹. Иными словами, «материальное» влечет освободившиеся страны к капиталистическому Западу, а «духовное» — к социалистическому Востоку!

Возникает закономерный вопрос: а что, собственно, притягивает империалистические державы к возрождающимся государствам? Влиятельный американский журналист К. Л. Сулицбергер в книге под интригующим заглавием «Незаконченная революция: Америка и третий мир» предлагает следующий ответ: «Идеологически мы не сможем чувствовать себя в безопасности от динамического натиска коммунизма до тех пор, пока не будем в состоянии не допускать его в третий мир, не позволять ему подчинить большинство населения земли»². В противном случае, заявляет он далее, США стратегически будут отрезаны от районов их внешней экономической активности, изгнаны с важных военных баз, т. е. лишатся возможности осуществлять любые виды экспансии и, что самое важное, эксплуатацию молодых государств.

Однако находятся теоретики (иногда даже именующие себя марксистами), которые продолжают упорно не замечать или отрицать принципиальные изменения, все чаще ассоциирующиеся с самостоятельным бытием многих десятков молодых государств, которых объединяют собирательным термином «третий мир» (дело, конечно, не в названии, хотя оно, на наш взгляд, весьма удачно). К подобным теоретикам принадлежат, в частности, представители одного из наиболее «левых» течений троцкизма, примитивно *делящих* современное общество западно-капиталистических и развивающихся стран только на два класса (буржуазию и пролетариат), не видящих промежуточных классовых сил и не понимающих их значения. Вполне «последовательно» они категорически отвергают существование особой группы стран и на международной арене, твердя о наличии только буржуазного и пролетарского лагерей.

В статье, опубликованной в журнале «Четвертый интернационал», утверждалось, что концепция «третьего лагеря» или «возрождающегося мира» — это мистика, лежащая за пределами реально происходящей классово-

¹ «New York Times», 1.IX.1966.

² C. L. Sulzberger. Unfinished revolution: America and the Third World. New York, 1965, с. 274.

вой борьбы. «В действительности,—говорилось в статье,—отдельные части Африки, Латинской Америки, Азии и т. д. находятся в „западном блоке“ — это полуколониальные квислинговские слои, а полуколониальные труженики, население рабочих государств (так троцкисты именуют социалистические страны.—А. Л.) и (во всяком случае, потенциально) пролетариат империалистических государств входят в „восточный блок“. Подобная реальность сразу же делает идею „Запада“ и „Востока“ глупостью... и демонстрирует отсутствие „третьей силы“ или „третьего лагеря“ и наличие только двух социально значимых „лагерей“: империалистического и его противоположности и отрицания — лагеря полуколониальных тружеников, ведомых полуколониальным пролетариатом, рабочих государств и пролетариата империалистических государств. Такова подлинная международная расстановка и размежевка сил»³.

Если прежде усилия троцкистов и подобных им сверхлевых были объективно направлены на то, чтобы сеять раздоры в рядах пролетариата и толкать его действительных или потенциальных союзников в лагерь его противников, в лагерь реакции, то теперь их усилия концентрируются на том, чтобы нечто аналогичное совершить и на международной арене. Троцкисты дискредитируют молодые государства и толкают их в объятия империалистов. Категорическое отрицание «третьего мира» призвано «теоретически» опровергнуть возникновение новых социальных явлений, играющих большую роль в современной международной жизни и важных для дальнейшего разворачивания революционного движения. Как тут не вспомнить строки из ленинской статьи, озаглавленной «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“», в которой он еще в 1916 г. подчеркивал, что надо видеть разнородность единого мирового революционного процесса, осознать объективные принципы его дробности. «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-

³ Fourth International. Vol. 3, № 2, April 1966, с. 73.

освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях.

Почему? Потому что капитализм развивается неравномерно, и объективная действительность показывает нам, наряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых экономически»⁴.

Образование «третьего мира» — специфический показатель *отхода* от империалистических стран их бывших резервов и *приближения* их к социалистическому содружеству. Таково общее направление движения, которое, естественно, совершается не прямо, прерывается паузами или даже попятными шагами. Само существование «третьего мира» есть демонстрация его промежуточного переходного состояния и одновременно его относительной самостоятельности. Конечно, страны и континенты, охватываемые этим понятием, отличаются друг от друга (и зачастую сильно); здесь также наблюдается неравномерность развития в экономике, политике и других областях общественной жизни.

Мелкотоварное производство и мелкая буржуазия

Социальный характер освободившихся стран в конечном счете определяется существованием многоукладного базиса, хотя, естественно, никак не сводится к нему. Наличие разных укладов, т. е. принципиально неодинаковых социальных типов хозяйствования, — показатель столкновения самых противоположных тенденций в общественной эволюции. Причем речь идет не об остатках, вкраплениях отживших свой век способов производства в гранит определенной социально-экономической формации. Речь идет именно об одновременно существующих крупных (массовидных) «кусках» отличных друг от друга производственных отношений, противоборствующих, находящихся в сложнейших и меняющихся связях между собой. Тут еще нет ни абсолютных победителей, ни полностью побежденных. Это запутанная смесь относительно сильных и устойчивых укладов.

⁴ В. И. Ленин. — Т. 30, с. 112.

Это — стойкая *многоукладность*. Развивающиеся государства по своему социальному содержанию многоукладны.

Впервые, как известно, научный разбор укладов дал В. И. Ленин. Он же блестяще продемонстрировал политико-практическое использование полученных из него выводов. Объектом изучения была Советская Россия, особенно периода нэпа. Однако всю глубину ленинского анализа, огромное значение его для практики мы полнее начинаем осознавать сейчас, когда обнаруживается сходный феномен множественности укладов на колоссальных территориях «третьего мира».

Каждый уклад — это особый тип производственных отношений со своими специфическими законами развития. Есть уклады неантагонистические и антагонистические; отживающие свой век, находящиеся в состоянии стагнации, а также растущие. Более тщательное исследование проблемы приведет к пониманию и сравнению все новых их граней и свойств.

Многоукладность — явление не мимолетное, она устойчива, и всякие изменения в ней совершаются сложно и, как правило, небыстро. На VIII съезде партии В. И. Ленин специально несколько раз подчеркивал, что из многоукладной, мозаичной действительности просто так не выскочишь. «Эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя, как бы она неизящна ни была, ни грана отсюда выбросить нельзя»⁵.

Что выражает феномен многоукладности? Он наилучший показатель глубинных процессов, переходного (калейдоскопического) состояния производственных отношений. Исторически смена одной социально-экономической формации другой до сих пор была обязательно связана с одновременным сосуществованием элемента как той, так и другой в течение определенного срока. Но в данном случае нас занимает не проблема переходности вообще, а переход в конкретных условиях и в определенное время. Аналогичное следует сказать и о многоукладности, ибо есть *несколько* принципиально отличных ее типов, а внутри отдельного типа свои разновидности.

⁵ В. И. Ленин. VIII съезд РКП(б). Доклад о партийной программе 19 марта. — Т. 38, с. 155.

В освободившихся странах она демонстрирует свое особое качество, что обусловлено в первую очередь спецификой социально-экономического развития этих стран в последние века их эволюции. До появления европейских колонизаторов на территории Тропической Африки формировавшиеся там феодальные отношения сочетались с огромными пластами предшествующих форм производства (особенно первобытнообщинного). В основных районах Азии давно утвердившийся феодализм по-другому, чем в Европе, использовал более древние виды социально-экономических устройств, значимость и распространение которых были неизмеримо больше, чем при «европейских» видах феодализма, и сосуществовал с ними.

Для правильного анализа противоречивой эволюции многоукладного общества и изменения его классовой структуры обязателен точный учет влияния внешних и внутренних факторов. Длительное время доминирующее воздействие на зависимые страны оказывал такой внешний фактор, как колониализм западного капитализма (с конца XIX в. в монополистической его стадии). Все внутренние — социально-экономические, политические, идеологические и иные — факторы общественного развития под его влиянием серьезно модифицировались. Конечно, результаты грабительской активности колонизаторов в разных областях были неодинаковы и разновременны, но преобладали резко негативные, губительные. Позитивные же явились невольным объективным результатом действий иностранной буржуазии, стремящейся исключительно к собственному обогащению.

Особенно ярко эти процессы выразились в социально-экономической сфере. Подрывались основы ряда традиционных производственных отношений (община, рабовладение, феодальные институты и т. д.), а становление новых, более прогрессивных общественных отношений тормозилось. Как известно, следствием было длительное преобладание худшего и наиболее мучительного для масс пути общественной эволюции. Однако даже в период прямого колониального господства и торжества империализма внешний фактор не мог устранить действие внутренних факторов развития местного общества, хотя, повторяем, смог заметно трансформировать их.

Меняющееся единство тех и других непосредственно

сказывается в состоянии и движении многоукладности. Колониализм, к великому несчастью поработанных народов, долгое время выступал и как внешний и как внутренний фактор общественной эволюции. В его руках находились основные рычаги политической надстройки (государственный аппарат), а в эпоху империализма сложился уклад иностранного монополистического предпринимательства (в некоторых странах — среднего переселенческого капиталистического дела). Достижение государственной независимости позволило вырвать непосредственные рычаги власти у заморских властителей. И все же глубочайшее влияние внешних факторов на все области жизни этих стран продолжается. В базисной сфере подобная «привязанность» экономически объясняется уродливой структурой воспроизводства. В любой многоукладной стране сколько-нибудь длительное расширение воспроизводства просто невозможно без поставок иностранного оборудования, полуфабрикатов и сырья, без поступления новой технологии и т. д. Реальная схема воспроизводства в развивающейся стране не может не отражать бытие разных укладов и потому заметно отличается от такой же схемы при «чистой» общественной формации.

Каждый уклад имеет свою структуру социального и материального воспроизводства. Однако последнее не протекает и не может протекать в каждом из них параллельно и изолированно. Оно реализуется через сложнейшие взаимосвязи между отдельными укладами как в стоимостной, так и в натуральной форме. Здесь обнажается суть производственной и социальной переплетенности, конкуренции, известной, хотя и временной, взаимообусловленности укладов, проясняется хозяйственная причина стойкости многоукладности.

В результате убеждаемся, что, во-первых, существует определенное отношение всех местных укладов (а соответственно и классов) к основным типам производственных отношений, наличествующих за пределами страны; и, во-вторых, образуются различные комбинации, союзы отдельных укладов, в которых одна их группа противостоит другой. В этом коренится объективная социально-экономическая основа и для разбивки всех классов переходного общества на две большие классовые коалиции.

Особенности укладов «третьего мира» сопряжены еще с одним отличительным признаком — с *необычным* для истории самостоятельных государств Запада *сочетанием конкретных укладов*, удельным весом каждого из них в общей многоукладной смеси и даже числа компонентов-укладов. Конечно, у всякого государства есть, так сказать, вторичный ряд особенностей структуры многоукладности, проводящих водоразделы уже внутри самого «третьего мира». В этом многообразии сказываются неодинаковость исторического пути, а также то, на чем хотелось бы акцентировать внимание: неравномерность изменений (движения) укладов в отдельных странах. К рассматриваемой проблеме применимо известное положение о том, что пространственные различия зачастую отражают различия временные, т. е. некоторые стадии эволюции многоукладности сосуществуют в разных государствах. Однако само состояние многоукладности является результатом сложного взаимодействия различных факторов (в том числе связанных с действием надстроечных институтов), и потому изменения в ней нельзя выводить только из нее самой.

Различная степень созревания либо увядания того или иного уклада, а также продолжительность его исторического бытия непосредственно отражаются на уровне социальной зрелости и политическом лице соответствующего класса или классовой прослойки. Судьба угасающего уклада и связанных с ним классов или слоев хорошо прослеживается на примере феодально-земледельческого класса, базирующегося на феодальном укладе или на особом сочетании натурально-патриархального и отчасти мелкотоварного укладов.

Как уже отмечалось, на наш взгляд, многоукладность — главный социально-экономический показатель переходного периода от одной формации к другой. Протяженность перехода в зависимости от эпохи и страны, степень его завершенности были различны, но суть обычно оставалась неизменной. В молодых суверенных государствах положение сложнее. Многоукладность здесь обладает особенностью, которая, как правило, отсутствовала в других странах на перевальных этапах их истории.

В многоукладности «третьего мира», возникшей в результате необычного сочетания внешних и внутренних

факторов, заложена объективная возможность нескольких вариантов развития, утверждения не *одной*, а одной из двух конкурирующих *новых* для этих государств формаций. Причем в обоих случаях огромную роль играет госкапиталистический уклад.

Поскольку в многоукладном обществе существование любого класса или крупных частей его неразрывно связано с определенным укладом, постольку познание реального положения и социальных потенций конкретного класса необходимо увязывать с анализом конкретного уклада, объективного «фундамента» класса.

Классический вариант развития мелкой буржуазии — нормальные (привычные) этапы его и в целом известные результаты — есть частное отражение общих закономерностей становления и расцвета капиталистической формации в том более или менее «чистом» виде, который наблюдался на Западе. Это, как показано выше, проблема непростого бытия мелкой буржуазии в условиях победившего и нормально эволюционирующего капитализма.

Однако в «нечистых» условиях многоукладного, переходного общества отмечаются серьезные изменения в становлении и нынешней структуре мелкой буржуазии. Применительно к особенностям развития простого товарного производства и капитализма в современных многоукладных государствах это выражается во множестве «деформаций». В недрах восточных обществ ко времени вторжения европейского капитализма не успел сформироваться достаточно широкий и плотный слой однородного простого товарного производства — наилучшая предпосылка для всестороннего и максимально «нормального» роста местного капитализма. Более того, там, где этот слой появлялся, он под воздействием иностранного капитализма (выступавшего в сложном и меняющемся единстве экономического и политического колониализма) частично насильственно уничтожался («долины Индии белеют от костей ткачей»), частично же мучительно приспособлялся к нуждам колонизаторов.

Первоначальное накопление, идущее на потребу заморскому капиталу, долгое время сужало базу для становления национального капитализма, а затем во многом обусловило развитие его преимущественно по реакцион-

но-консервативному пути в особенно губительных для народа формах.

В результате простое товарное производство и национальный капитализм в определенном смысле развиваются не стадийно, когда первое подготавливает социальную почву для второго и затем постепенно поглощается им, а почти синхронно. Тот и другой растут (разумеется, в разное время неравномерно) на «костях» иных видов производственных отношений. Иными словами, местные капиталистические уклады в огромной мере возникают непосредственно из докапиталистических видов хозяйствования, поднимаются и крепнут исторически более или менее одновременно с мелкотоварным укладом (внутри которого была своя неравномерность развития).

Не удивительно, что в условиях необычного по сравнению с «классическим» западным вариантом теснейшего переплетения этих двух неоднозначных по социально-классовому содержанию процессов наличие того из них, который связан с эволюцией мелкотоварного уклада, объективно скрывалось, а субъективно в лучшем случае замечалось как одна из важнейших особенностей развития капитализма в странах «третьего мира» (тем более что до какой-то степени, но только до какой-то, последнее правильно).

Если на Западе мелкотоварный уклад к эпохе промышленного капитализма в целом был уже на излете (чем ближе к первоначальным очагам капиталистического производства, тем точнее это положение), то в основной части мира происходило иное: почти одновременный, хотя и неравномерный подъем капиталистических и мелкотоварных производственных отношений. Подобное обстоятельство серьезно влияло на эволюцию и первых и вторых, создавало необычные факторы в их взаимодействии. Однако ограничиться лишь констатацией относительного хронологического смещения (в известной мере совпадения) этапности — значит совершить крупную методологическую ошибку. В многоукладном обществе капитализм «не собран», разбит, представлен разными капиталистическими укладами. Связи каждого из них с мелкотоварным укладом будут далеко не одинаковыми.

В первый массовый контакт с капитализмом мелко-

товарное производство (отнюдь не всегда простое) Востока вступило тогда, когда европейские колонизаторы начали вторгаться в азиатские и африканские страны. Политические и военные методы прорыва, в частности на восточные рынки, долгое время доминировали над чисто экономическими. Дискриминационная конкуренция капиталистической фабрики дополнялась подрывом ряда традиционных рыночных связей из-за изменения (как правило, обнищания) в положении массы трудящихся и имущих слоев местного общества.

Современный мелкотоварный уклад в освободившихся странах пережил страшный период бытия и эволюции под тяжелым прессом иностранного капитализма, который в эпоху империализма пополнился укладом иностранного предпринимательства. Приспособление к этому капиталистически наиболее развитому и одновременно чужеродному укладу и борьба с ним продлилась для мелкотоварного уклада в подавляющем большинстве молодых государств до настоящего времени.

Обычно слой мелких городских товаропроизводителей формировался из традиционных ремесленных средневековых гильдий, терявших прежние внерыночные и рыночные связи по мере разложения старых видов общественного производства. Часть ремесленной промышленности гибла, не выдержав конкуренции иностранных фабричных изделий и подрыва старых видов общественного разделения труда. Оставшиеся отряды традиционных ремесленников при внешнем сохранении средневековых форм цеховой организации переживали внутреннее разложение, мучительно пытаясь наладить новые связи в меняющемся социально-экономическом организме.

Становление и развитие разношерстного мелкотоварного производства на новом этапе сопровождалось возникновением низших форм капиталистического предпринимательства. Мелкокапиталистический уклад очень трудно и медленно вызревал в недрах простого товарного производства. Даже ныне он полностью не отделился от него, теснейшим образом переплелся с ним, и они сообща противостоят другим укладам. В этой нечистой смеси двух низших городских укладов тоже проявляется специфика многоукладного общества.

Количественно границы мелкотоварного уклада очер-

чиваются приблизительно по числу занятых — от одного до пяти работников на одну единицу хозяйствования. Как правило, в этом случае личный труд самостоятельного товаропроизводителя и членов его семьи — источник главной части его доходов. Конечно, здесь нередко используется и труд учеников и подмастерьев. Заведения с числом работающих от пяти до десяти обычно составляют переходную категорию, когда главный доход получается либо от личного труда, либо от эксплуатации наемной силы. Но во всех случаях ощутимо наличествуют элементы того и другого. Техническая оснащенность при определении границ мелкотоварного уклада не играет решающего значения.

Мелкокапиталистический уклад начинается с того рубежа, на котором прибавочная стоимость служит основным источником дохода собственника заведения. Если не принимать во внимание возможные аномалии, то «дело» с десятью рабочими и более относится к этому укладу. Однако техническая база и организация труда в данном случае играют существенную роль при определении фактических пределов уклада. В значительной мере состояние его технико-производственной базы таково, что следует говорить о преобладании (или очень заметном влиянии) формального подчинения труда капиталу. Впрочем, стопроцентной классической мануфактуры в современном мире уже нет. Поэтому чем ближе к верхнему рубежу уклада, тем явственнее становится технико-энергетическая вооруженность предприятий, тем больше удельный вес реального подчинения труда капиталу. Вот почему так важно группировку по числу занятых дополнять сведениями о технической вооруженности заведения. Едва лишь перед нами появляется небольшая фабрика, тотчас же обозначается и верхний барьер мелкокапиталистического уклада.

Найти количественные показатели для этого барьера весьма сложно: в каждом конкретном случае они весьма зыбки. По этой причине верхний рубеж мелкокапиталистического уклада трудноопределим.

Имеющийся статистический материал, к сожалению, не позволяет дать точную количественную характеристику укладов развивающихся стран. Более того, приводимые цифры обычно искажают истинную картину. Так, удельный вес мелкотоварного и мелкокапиталисти-

ческого укладов (по числу занятых) в обрабатывающей промышленности, согласно авторитетной публикации ООН (сведения первой половины 60-х годов), колеблется от 35,8% в Индии до 84,2% в Саудовской Аравии⁶.

Еще большие сложности возникают на пути исследователя, пытающегося определить границы отдельных общественных укладов в сельском хозяйстве. Эти сложности обусловлены не только скудостью, разрозненностью и общей недостаточностью статистического материала (хотя неадекватность последнего нуждам научного поиска серьезнейшим образом утяжеляет его), но и особенно сильной «загрязненностью», «нечистотой» различных видов производственных отношений, связанных с их незавершившимся размежеванием, смешанно-переходным (друг к другу) состоянием. Не удивительно, что дискуссии ведутся по самым коренным аспектам аграрного строя и его эволюции. Для освещения вопросов, рассматривающихся в нашей работе, приведем лишь одну сводную таблицу, демонстрирующую социально-экономическое положение азиатской деревни в начале 60-х годов.

Конечно, эти сведения дают самую общую, схематическую картину социально-экономической структуры деревни. Однако, несмотря на многие неизвестные (собственная земля или арендуемая и на каких условиях; орошаемая или нет; каков набор применяемых орудий; используются улучшенные семена, удобрения или нет), можно с уверенностью сказать, что основная масса представителей мелкотоварного уклада (или, по привычному классовому определению, середняков) скрывается в группах, охватываемых количественными рамками 1—2 и 2—5 га. Естественно, при детальном анализе определенная часть этих хозяйств будет отнесена к натурально-патриархальному укладу, другая — к капиталистическому предпринимательству, где уже преобла-

⁶ Small-Scale Industries in Arab Countries of the Middle East. New York, 1970; с. 81. Более подробные фактические сведения о городской мелкой буржуазии в афро-азиатских странах см., например, в работах: Мелкое производство города стран Азии и Африки (мелкотоварный и мелкокапиталистический уклады и примыкающие к ним классы). М., 1975; Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975.

ЧИСЛО СЕЛЬСКИХ ХОЗЯЙСТВ И ЗАНИМАЕМАЯ ИМИ
ПЛОЩАДЬ В АЗИИ*

Размер хозяйства, га	Число хозяйств		Занимаемая площадь	
	тыс.	%	тыс. га	%
Менее 1	45 123	46,4	21 592	8,6
1—2	20 776	21,4	30 795	12,3
2—5	19 845	20,4	62 529	24,9
5—10	7 401	7,6	51 556	20,5
10—20	3 022	3,1	40 676	16,2
20—50	834	0,9	22 897	9,1
50—100	102	0,1	7 108	2,8
100—200	17	0,02	2 817	1,1
200—500	8	0,01	2 791	1,1
500—1000	3	—	1 989	0,8
Свыше 1000	2	—	6 206	2,5

* Economic and Social Survey of Asia and Pacific, 1975, Bangkok, 7.II.1976, с. 111.

Включаются: Бруней, Индия, Индонезия, Иран, Ирак, Япония, Ливан, Малайзия, Пакистан, Филиппины, Южная Корея, Южный Вьетнам, Шри Ланка, Таиланд и Турция.

дает наемный труд. Повторяем, однако, что большинство самостоятельных товаропроизводителей, хотя и с разной степенью товарности, зависимости от торгового капитала и т. д., находится среди означенных 40,6 млн. хозяйств.

Впрочем, сколь ни важны количественные параметры укладов, они должны дополняться качественной характеристикой, социально-экономической и политической. А ее нельзя составить без учета особенностей развития укладов и того общества, в котором они существуют.

Принципиальные отличия в движении капиталистического и многоукладного обществ отчетливо проступают в неодинаковости эволюции мелкотоварного производства и низших форм капиталистического предпринимательства. В достаточно развитой буржуазной стране сами законы расширенного воспроизводства создают условия, при которых относительные пределы сферы действия мелкотоварного и мелкокапиталистического хозяйствования по отношению к крупному бизнесу неуклонно сокращаются. Разорение массы мелких предпринимате-

лей, особенно в годы экономических потрясений, как правило, не компенсируется появлением новых мелких хозяйчиков (преимущественно в новых отраслях обслуживания и примыкающего к нему производства). Даже когда в период очень благоприятной конъюнктуры верх временно берет вторая тенденция, все равно позиции монополий крепнут относительно и абсолютно быстрее. И в любом случае монополистический капитализм интегрирует, подчиняет своим интересам и нуждам все прочие виды отечественного товарного производства.

Эволюция многоукладного общества порождает иные закономерности движения, в данном случае мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов. Под влиянием внешних (воздействие мирового капиталистического хозяйства) и внутренних социально-экономических и политических факторов здесь непрестанно идет процесс «перемалывания» докапиталистических производственных отношений. Но результаты межукладных столкновений и «перемалывания» таковы, что в течение долгого времени колоссальный слой исковерканных хозяйств усиливал общее переходное состояние, создавал весьма благоприятные предпосылки для расцвета докапиталистических форм эксплуатации (в том числе ростовщичества) в целях извлечения доходов в денежной форме.

Возникновение и затем численный рост постоянной армии не имеющих занятий, неимущих и полуголодных людей вызвали далеко идущие последствия для всех сторон общественной жизни поработенных государств. В социально-экономической области наличие подобной вышибленной из одной производственной колеи и не вошедшей в другую массы людей порождало условия для воспроизводства наихудших докапиталистических форм эксплуатации, надолго задерживая их гниение и окончательный распад. Вместе с тем какая-то часть этой «армии» пыталась найти выход в создании, где только возможно, «самостоятельного дела». Предельно низкая «стоимость рабочей силы», т. е. затрат на поддержание существования, являлась одним из важнейших факторов «конкурентоспособности» мучительно складывавшихся мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов.

Они предпринимали все возможное, чтобы приспособиться и к импорту дешевых фабричных товаров. Ис-

пользование более дешевого иностранного сырья или полуфабрикатов повышало конкурентоспособность отдельных видов мелкотоварного производства нередко за счет ухудшения положения других. Так, применение заморских металлов практически подорвало крупнейшие центры их выплавки в зависимых странах. К тем же последствиям вело и использование в местном ручном ткачестве привозной фабричной пряжи. Таким образом, выделение и даже определенный рост каких-то участков мелкой промышленности (или соответствующего участка сферы обращения) означал и серьезные изменения и даже разрывы в ее внутренней структуре.

Отношения с местным развитым частнокапиталистическим укладом складывались уже иначе. Этот уклад в отличие от иностранного предпринимательства не был привнесен, «насажден» извне. Однако в условиях колониального порабощения местное развитое капиталистическое предпринимательство долгое время представляло собой своеобразное «отпочкование» (по источникам накопления денежного капитала, применению иностранной техники и привлечению специалистов, по организации и другим признакам) от иностранного капитала. Поэтому зарождение и эволюция (на определенном хронологическом отрезке) местного развитого капиталистического уклада, хотя он и возник вследствие общего внутреннего социально-экономического развития страны, не были результатом естественного перерастания достаточно созревших низших форм национального капитализма.

В итоге низшие уклады в мелкой промышленности также долгое время воспринимали местный «крупный» бизнес как порождение внешних факторов. Однако в отличие от иностранных фирм он ориентировался на местные рынки, и чем дальше, тем больше.

Объективно местный развитый капиталистический уклад во многом приспособливался к эволюции низших укладов и угнетал их. Его расширение длительное время скорее подтачивало устои старого общественного устройства, чем создавало новые. Неизбежным следствием было еще большее численное пополнение отрядов деклассированных, безработных или полубезработных людей, возрастающее давление на рынки труда. Это усиливало стремление части безработных пробиваться в

ряды мелких товаропроизводителей или рабочих мелких капиталистических заведений.

Местные фабрики (или аналогичные заведения) должны были приспособливаться к внутреннему рынку, а по сути дела и к разным видам мелкого товарного производства. Текстильные фабрики, например, обычно длительный период выпускали преимущественно пряжу. Мелкое ткачество в этом случае становилось «внешним отделением» уже национальной фабрики, изготавливая конечный продукт — ткань. В результате устанавливалась «смычка» с мелкими товаропроизводителями (точнее, с их отдельными отрядами) при усилении конкурентной борьбы с продукцией заморских фабрик. Конечно, по мере расширения местных фабрик и их внутренней перестройки (скажем, открытие ткацких цехов) появлялись все новые объекты конкуренции между ними и мелкой промышленностью.

Однако до достижения государственной независимости, в обстановке политического господства колонизаторов, всячески способствовавших свободному доступу широчайшего ассортимента «своих» фабричных товаров, конкуренция между различными местными товаропроизводящими укладами отступала на второй план перед экономической и политической борьбой за национальное освобождение. Не стоит также абсолютизировать меру разрушения фабрикой (иностранной и местной) традиционного и производного от него общественного разделения труда. Даже в 60-е годы XX в. от $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ населения азиатских стран практически не приобретало фабричные товары⁷.

Иначе говоря, низшие уклады, т. е. уклады, выделяемые по признаку относительно низкой производительности труда, выступают в экономике своих стран как гигантские карлики. Они характеризуются огромной производственной и иной раздробленностью, клочкообразностью, имеют тенденцию к «роению» вокруг центров экономически более развитых укладов, к «обволакиванию» их. Отдельные части низших укладов очень важно классифицировать и в зависимости от того, как и к каким укладам они тяготеют, почему группируются вокруг них.

⁷ U. N. Small Industry Bulletin for Asia and the Far East. New York, № 7, с. 134.

Многоукладное, переходное общество, следовательно, характеризуется серьезной экономической, социальной и иной разнородностью, разношерстностью. В последнее время ряд исследователей и политических деятелей, как правило, с разной степенью сверхлевых примесей в их идеологии настойчиво выделяют дезинтеграцию общественного строя освободившихся стран в качестве основного фактора их внутреннего и внешнего бытия. Это, в частности, один из краеугольных камней концепции Самира Амина о периферийной экономике, о периферийном капитализме и его месте в мировой капиталистической системе, концепции, которую он изложил в книге «Накопление в мировом масштабе. Критика теории слаборазвитости». Та же идея для Хамзы Алави, индийского обществоведа, становится важной посылкой для выдвижения концепции об особом «колониальном способе производства»⁸.

Вопрос о том, как понимать дезинтеграцию, приобретает ныне важное значение при анализе специфики многоукладного общества. На наш взгляд, если под дезинтеграцией подразумевается наличие множественности производственных отношений, многослойности производительных сил, то такой подход несет позитивный научный заряд, правильно отражающий объективную реальность переходного общества. Однако если эту дезинтеграцию преувеличивать, тем более возводить в абсолют (а это обнаруживается, когда отрицаются внутренние связи между разными частями разноукладной экономики, особенно в процессе воспроизводства), то данное понимание дезинтеграции научно необъективно несет уже иную социальную, классовую нагрузку. С подобным искаженным пониманием одного из проявлений многоукладности никак нельзя согласиться, ибо оно ведет к серьезным научным и политическим ошибкам, в частности мешает увидеть мелкую буржуазию, ее специфику, развитие и роль, затемняет эволюцию мелкоукладного общества.

Уже неоднократно подчеркивалось, что мелкая буржуазия является наименее чистым классом даже капиталистического общества, всегда сильно оплетена самы-

⁸ Economic and Political Weekly. Special Number 1975. August 1975, vol. V, № 33—35.

ми причудливыми пережитками старины. В восточных государствах этот класс характеризуется, помимо всего прочего, и неизмеримо большей степенью «загрязненности», связью с другими, мелкобуржуазными, институтами (экономическими, социальными, политическими, культурными и т. д.). Поэтому в разных странах или в разные периоды у отдельных отрядов непосредственных производителей можно обнаружить разную меру мелкобуржуазных признаков, которые, однако, не создают цельного качества мелкобуржуазного класса. Одновременно у уже сформировавшейся мелкой буржуазии можно найти огромное число инородных для нее черт, не ликвидирующих ее классового качества, но придающих ему большое своеобразие.

Процессы массового обнищания, протекавшие и протекающие на тех или иных этапах развития многоукладного общества, чрезвычайно показательны. Но ни в каком случае нельзя не замечать, игнорировать и другие процессы общественной эволюции. Последнюю, как хорошо известно, следует рассматривать в комплексе, в меняющемся и взаимопроницаемом единстве. Оттого, например, утверждения, что в освободившихся странах такая эволюция не приводит к формированию класса мелкой буржуазии, что сразу появляются только пауперы, что эта эволюция полностью «проскакивает» промежуточное звено (мелкую буржуазию), по меньшей мере односторонни и схоластичны. Действительно, в определенные периоды подобная тенденция *преобладала*, но она никогда не была абсолютной. На деле формирование мелкой буржуазии принципиально подчиняется тем общим закономерностям, которые определяют образование других современных (для многоукладных стран) классов: буржуазии и пролетариата и их прослойки. Анализ становления этих классовых сил наглядно продемонстрировал, что, например, первоначально возникшие слои крупной фабричной (промышленной) буржуазии чаще всего выходили непосредственно из торгово-посреднических ростовщических кругов и как бы перескакивали стадию мануфактурного капитала (еще отчетливее этот процесс наблюдался при экспорте капитала, при создании иностранного капиталистического предпринимательства). Налицо был «перескок» через мануфактуру, наличие двучленной формулы эволюции (без

мануфактуры). Однако дальнейшее развитие капитализма и снизу и сверху привело к возникновению все более широкого слоя мелкокапиталистического бизнеса, базирующегося на полумануфактурной основе. Возник мелкокапиталистический уклад, с которым связаны особенно многочисленные слои (низшие) национальной буржуазии. Начинается и перерастание отдельных ее представителей в фабричную буржуазию. Появляется трехчленная формула эволюции.

Аналогичные процессы прослеживаются и при формировании рабочего класса. На первом этапе часть разоряющихся тружеников (преимущественно ремесленники) образует и пополняет ряды фабричного пролетариата. Потом с ростом мелкокапиталистического уклада численность дофабричных отрядов начинает резко преобладать. А затем на определенном этапе мануфактурный пролетариат становится важным источником пополнения фабричного рабочего класса.

Значит, социальное развитие многоукладного общества не дает возможности даже для краткой характеристики классовообразования применять такие дефиниции, как «двучленное» или «трехчленное» развитие. В реальной жизни неравномерное сочетание обоих этих процессов (и некоторых других, не подпадающих под подобные определения) обуславливает огромное своеобразие формирования класса мелкой буржуазии. Абсолютизация одной из названных дефиниций ведет к искажению путей формирования и нынешнего состояния этого класса.

Большая дробность мелкотоварного уклада выражается и в наличии в нем традиционных и современных отраслей промышленности. Производительные силы, составляющие технико-экономическую основу его бытия, характеризуются значительным перепадом: от примитивной прялки до современных электроинструментов и даже станков. Именно такими орудиями производства оперируют достаточно высоко подготовленные самостоятельные работники, которых как-то даже неудобно называть привычным словом «ремесленник». Как правило, эти новые представители мелкой буржуазии (или мелкие предприниматели-капиталисты) вышли из рядов инженерно-технического персонала либо хорошо оплачиваемой квалифицированной части фабричного проле-

тариата. Можно было бы отметить также значительные социальные различия в пределах мелкотоварного уклада.

Внутренняя разорванность мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов, их клочковатость внешне проявляются в пестроте и «сгущении» их по отдельным городам многоукладной страны. В огромной степени сам город, его тип, определяется удельным весом этих укладов, состоянием каждого и, конечно, взаимодействием с другими присутствующими в данном городском пункте укладами. При таком ракурсе исследования урбанизация в «третьем мире» предстает не только как процесс втягивания в городскую жизнь лиц, выбитых из определенных деревенских укладов, но и как процесс роста нескольких видов (или подвидов) этих производственных отношений в городе.

Отсюда возникают объективные возможности для выделения городов по «укладному» признаку, в частности по значимости низших укладов в хозяйственной жизни конкретного города. Образ городка Окурова, созданный А. М. Горьким, применим и ко многим городам освободившихся стран. Естественно, речь в первую очередь идет о сходстве массовой базы, порождающей сходную бытовую и культурно-идеологическую атмосферу. Патриархальный традиционализм в данном случае экономически прорастает на классовом положении горожан, связанных с мелким товарным производством или с низшими формами капиталистического предпринимательства в старых сферах хозяйственной деятельности. Это обычно небольшие города со значительным процентом населения, занятого на побочных сельскохозяйственных работах, заметным удельным весом ремесленников, с буржуазией, у которой сильны элементы торгового посредничества и ростовщичества.

Мелкое производство в городской промышленности в социальном плане включает в основном два низших уклада: мелкотоварный и мелкокапиталистический. Однако в большинстве городов «третьего мира» главная сфера деятельности этих укладов — сфера обслуживания и торговли. Это бросается в глаза на любой городской улице Востока. Если посмотреть на социально-профессиональный состав толпы, то в ней, несмотря на пестроту, отчетливо выделяется «рой» мелких торговцев, разносчи-

ков, мастеров по мелкому ремонту и по оказанию различных услуг в области быта.

Одной из важных, хотя и подспудных, причин обострения социальных перемен, происходящих в последнее время во многих развивающихся странах, является увеличение объективной потребности низших укладов «распрямиться». Реализация этой потребности в различной экономической и политической обстановке приводит в движение огромные классовые силы и обуславливает серьезные сдвиги и в надстроечных институтах многоукладного общества.

Завоевание государственной независимости кардинально изменило общий политический климат, сделало его благоприятным для эволюции основных местных укладов, но, естественно, не устранило неравномерности движения производственных отношений и даже в чем-то усилило и ускорило ее.

Местный развитой капиталистический уклад установил более равноправные связи с иностранным капиталом, добился в ряде случаев значительной поддержки от своего государства. В результате возможности его укрепления неизмеримо возросли. Мелкотоварный и мелкокапиталистический уклады в новой обстановке обнаружили стремление к существенным изменениям. Темпы последних также убыстряются. Меняются соотношения коалиций укладов, движение их городской и деревенской частей.

Сложность эволюции отдельных укладов и ее неравномерность относительно друг друга не поддаются однозначным оценкам. Подобные оценки практически не ухватывают неодинаковость качественного движения, что объективно ведет к неправильным выводам. Успехи современного частного бизнеса, например, особенно отчетливо проступают в таких важных показателях, как рост его доли в выпуске определенных промышленных изделий, в товарообороте и т. д. Аналогичное можно сказать и о данных по производительности труда. Но если для доказательства привычного (по западнокапиталистическим стандартам) оттеснения мелкой промышленности приводить, скажем, только цифры повышения удельного веса фабричных товаров в общем производстве их, то возникают серьезные неточности.

В многоукладном обществе подобный подход, если

его не дополнять комплексом иных показателей, вводит в заблуждение по следующим причинам: во-первых, абсолютная величина выпускаемой мелкотоварным и мелкокапиталистическим укладами продукции, как правило, *возрастает*; во-вторых, что главное, сфера их деятельности, пусть крайне противоречиво и не во всех отраслях экономики, *расширяется*. Это обнаруживается в таких количественных показателях, как динамика численности занятых, числа мелких заведений и их доля во всех заведениях. В результате сопоставления нескольких показателей возникает типичная для многоукладного общества картина — между ними не только нет тождества при оценке одного явления, но, наоборот, налицо явные противоречия.

Разрыв между экономической и социальной оценками места и роли низших укладов и связанных с ними классов может быть еще большим. Применительно к нашему случаю это сказывается в неравномерном увеличении *социальной* значимости низших укладов по сравнению с их экономическим весом. Рост местного развитого частнокапиталистического уклада на определенном этапе и в определенной степени, как уже упоминалось выше, в чем-то способствовал расширению низших городских укладов. Этот фактор усилил стремление национальной буржуазии возглавить большие классовые коалиции, резко повысить свою политическую и социальную значимость за счет снижения значимости других классов. Такие явления наблюдались почти во всех развивающихся государствах на этапе борьбы за независимость и некоторое время спустя, уже после ее достижения. Социально-политическая роль национальной буржуазии в результате приобретала в сознании ее представителей и части исследователей гипертрофированные размеры. Подобная объективная фетишизация значимости национальной буржуазии мешала различать иные классовые силы, которые в целом шли за ней (или вместе с ней).

Завоевание независимости ускорило развитие всех местных частнособственнических укладов страны. Но оно не протекало параллельно и все менее характеризовалось спокойной хозяйственной стыковкой укладов; наоборот, начали обнаруживаться экономические противоречия, нарастала конкурентная борьба. Новый этап со-

циально-экономической жизни приводил и к «расползанию» коалиции, возглавляемой национальной буржуазией. Естественно, этот процесс проходил (проходит в ряде стран и сейчас) негладко и не вдруг. Одна из основных социальных задач, вызвавших усилившееся вмешательство государства в хозяйственную жизнь и появление госкапиталистического уклада, заключалась в необходимости как-то регулировать и смягчать стихийное нарастание столкновений укладов и стоящих за ними классовых сил. Таким образом, социальная роль национальной буржуазии стала уменьшаться как раз тогда, когда начал крепнуть развитой частнокапиталистический уклад.

Социальная значимость и политическая мощь трех классовых сил, представляющих низшие уклады города, в последнее время возрастает вовсе не соразмерно их нынешнему росту. Это обратная сторона того же политического парадокса, который вызвал «усыхание» мощи верхних слоев национальной буржуазии. Высвобождение из-под ее доминирующего влияния мелкобуржуазных слоев сопровождается одновременно их консолидацией и определенным осознанием противоположности «своих» интересов интересам крупного капитала.

Процесс отмежевания низших укладов от развитого частного капиталистического предпринимательства и усиление враждебного к нему отношения был объективно неизбежным. Представители классовых сил, связанных с низшими укладами, стали не только активнее защищать их интересы в различных политических организациях и в отдельных звеньях государственного аппарата, но и заявлять об антинациональном характере крупного бизнеса или по крайней мере отмечать тот очевидный факт, что он не в состоянии обеспечить подъем и перестройку экономики. Короче, классовый антагонизм охватывает важные участки политической надстройки и обостряет все социальные конфликты в стране.

Основным объектом классовой борьбы перегруппировавшихся и потому новых классовых коалиций становится государство и государственный сектор. Здесь нет нужды говорить об общих проблемах госкапиталистического уклада и об особенностях его эволюции. В данном случае хотелось бы обратить внимание на следую-

щее кардинальное явление: низшие уклады в обострившейся конкурентной борьбе с крупным бизнесом в чисто экономическом плане заведомо обречены на поражение. Однако в многоукладном обществе для них как бы имеется выход. Он содержится в политике, в государственной власти, с помощью которой можно согнуть конкурента, а в качестве максимальной меры его предприятия включить в состав госсектора. Потому проблема подчинения своим интересам государства, захват власти становится на каком-то этапе определяющей задачей для всех укладов.

Если в экономической жизни стран, сбросивших цепи колониального угнетения, преобладает в деревне крестьянство, а в городе мелкая буржуазия и примыкающие к ней трудовые слои, то в политической жизни зачастую доминирует такой специфический отряд мелкой бжууазии, как интеллигенция. Численность последней относительно невелика (по сравнению с современным Западом), а ее структура и положение приближаются к тем, которые существовали в Западной Европе XVIII—XIX вв. и дореволюционной России. Местная интеллигенция в «третьем мире» складывается еще в основном из двух больших групп: представителей гражданских свободных профессий (преимущественно гуманитарных) — учителей, юристов, врачей и т. п. — и чиновников госаппарата, в том числе офицерского корпуса. Только в наиболее экономически развитых из освободившихся стран — Индии и АРЕ — появилась уже заметная, но еще очень тонкая прослойка научно-технической интеллигенции, сходная со средними слоями Запада.

Будучи по своему положению в значительной мере мелкобуржуазной, интеллигенция в то же время раскола и участвует в политических течениях всевозможных оттенков, а представители ее нередко перекочевывают, «мигрируют» из лагеря в лагерь. «Мятежная» душа мелкого буржуа живет в интеллигенте и умирает долго и трудно. Интеллигенция в молодых государствах обладает гораздо большей относительной самостоятельностью, чем в капиталистически развитых государствах. Она составляет руководящее ядро практически почти всех партий и общественных организаций. И всем придется в той или иной степени налет мелкобуржуазности. Одновременно относительная самостоятельность этой

прослойки — один из важнейших субъективных факторов, делающих возможным переход общества на некапиталистический путь развития.

История последних двух десятилетий показывает, как неуклонно обостряющиеся противоречия между укладами приводят к обострению классовой борьбы и реализуются через нее. В итоге на определенном этапе наступает серьезное нарушение былого временного равновесия укладов, разражается политический кризис. Последствия его могут быть неоднозначными. Там, где прогрессивно-демократическим силам не удастся захватить государственную власть или удержать ее, часть имущих классов вынуждена идти на серьезные уступки, очищать новые «пространства» для низших укладов, не препятствовать некоторому улучшению положения трудящихся классов. В этом случае государство призвано закрепить в «новых берегах» изменившееся соотношение укладов и классов в интересах верхушки имущих классов. Такова, на наш взгляд, социальная сущность важных перемен в базе и надстройке Ирана, получивших наименование «белая революция».

Однако чаще наблюдается другой исход социально-экономического и политического кризиса. Наглядный пример тому — события в большинстве арабских стран и ряде государств Южной и Юго-Восточной Азии.

В этом случае у власти оказываются (обычно в результате военного переворота) представители в первую очередь низших укладов. Выражая объективно волю широкой классовой коалиции, чьи цели совпадают в общем с задачами национального и социального возрождения, власти сразу или постепенно ограничивают, а затем в значительной мере или полностью национализировать крупную и среднюю частнокапиталистическую (и феодальную) собственность.

Национализация коммерческих банков создает благоприятные возможности для предоставления более дешевого и значительного кредита мелкому предпринимательству. Переход в руки государства фабрик и внешней торговли способствует возникновению условий для лучшего снабжения инструментарием, сырьем и полуфабрикатами. Аналогичное следует сказать и о ситуации, складывающейся при сбыте изделий мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов. К сожалению,

все благоприятные возможности практически реализуются не сразу и далеко не полностью. Причин тому несколько, но в основном — субъективно-бюрократическо-го плана.

Однако, несмотря на трудности, порождаемые новыми отношениями неизмеримо хозяйственно расширившегося и классово изменившегося госсектора с океаном мелких частных хозяйств, положение последних улучшается. Создание специальных «промышленных поселений» способствует совершенствованию и появлению современных отраслей мелкой промышленности и ее лучшей привязке к фабрике.

На помощь ремесленникам направлены и такие меры, как создание государственных организаций по снабжению их дефицитными материалами и по закупке их готовой продукции. Особое место в дальнейшей эволюции низших укладов принадлежит проблеме развития кооперирования мелких городских промыслов, которое начинается обычно с создания сети кредитных, сбытовых, многоцелевых и тому подобных кооперативных обществ.

До сих пор, говоря о низших укладах, мы преимущественно подчеркивали моменты объединения, сплочения их, особенно перед лицом внешних враждебных сил. Подобный акцент исследования позволяет выделить главное в положении мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов на огромном временном протяжении их бытия. Это объясняет также тесную социально-психологическую связь, коалиционность классовых сил, представляющих эти уклады.

Имеется и обратная сторона медали: интересующие нас социальные силы раздираемы множеством самых различных противоречий и разногласий. Внутри этого классового конгломерата всегда шла и идет глухая, подспудная борьба, которая иногда бурно прорывается наружу. Внешние силы в лице колонизаторов, феодалов, крупной местной буржуазии, как правило, использовали отмеченную неоднородность, чтобы разделять, ослаблять многомиллионное население, властвовать над ним.

Между мелкотоварным и мелкокапиталистическим укладами существуют объективные противоречия. Социально они выражаются в трениях и борьбе между

простыми товаропроизводителями (мелкой буржуазией) и мелкими капиталистами-предпринимателями (низшие слои национальной буржуазии). Последние, вырастая из рядов мелкой буржуазии или из торгово-ростовщической посреднической буржуазии, «прижимают», эксплуатируют значительные слои мелких товаропроизводителей.

Внутри мелкокапиталистического уклада пролегал классовой водораздел между наемным мануфактурным рабочим и капиталистом. Это деление еще очень сильно опутано патриархальными отношениями, но оно также все больше ощущается, в первую очередь когда речь заходит об экономических требованиях. Фигура капиталистического предпринимателя в этом укладе социально обычно многозначна. Он, как правило, совмещает несколько функций: предпринимателя, ростовщика, торговца и, конечно, домовладельца (авторитет недвижимой собственности). Множественность источников дохода (у классовой группы в целом) обуславливает и множественность противоречий с разными слоями трудового населения. Ждет исследования мощный слой нефабричного пролетариата. Внутри каждой из указанных трех самостоятельных классовых сил (во всяком случае, потенциально) проходят свои разломы, определяемые экономическими, социальными и политическими причинами.

После того как иностранные монополии и развитой капиталистический уклад были экономически серьезно потеснены или поглощены (полностью или в значительной мере) госсектором, а их ставленники потеряли основные позиции в госаппарате, картина отношений внутри низших укладов начинает меняться. Требования мелкой буржуазии, низших слоев национальной буржуазии и нефабричного городского пролетариата к госсектору, к экономической политике, к общему курсу все в большей степени не совпадают. На передний план постепенно выступают внутренние противоречия, не стесняемые прежними оковами.

Переход всей или основной части современных предприятий (в производстве, в сфере банковского дела и торговле) в госсектор неизбежно породил потребность в планомерном их развитии и увязке эволюции госсектора с эволюцией других укладов. Планы отражают и общенациональную потребность в достижении экономи-

ческой самостоятельности. Государственная собственность и хозяйствование требуют очень тщательного учета, контроля, дисциплины. Жизнь множества самостоятельных хозяйчиков, входящих в мелкотоварный и мелкокапиталистический уклады, протекает предельно стихийно и порождает великую анархичность в экономике.

Столкновение плановости и неуправляемости вынуждает государство вводить все новые элементы контроля над мелкотоварной и мелкокапиталистической стихией. Последняя болезненно реагирует на регулирование, даже если оно крайне благоприятно для нее. Начинаются нарушения новых форм и методов хозяйствования, политики цен, стремление к подкупу должностных лиц и т. д. Крайне отрицательно сказываются действия иной стороны и влияние коррумпированных чиновников госсектора, которые в значительной мере растаскивают по дороге и не доводят до мелких производителей предназначенную им помощь. Губительно проявление субъективизма и волюнтаризма по отношению к низшим укладам.

Это вызывает уже во многом оправданное недовольство их представителей. В результате взаимодействия различных экономических и политических факторов на новом этапе возникает новое отчуждение между низшими укладами и госсектором. Наличествует не только сотрудничество, но и борьба. Появляются новые объекты классовых боев, и складывается новая расстановка классовых сил.

Пауперизм и люмпенство

Многие экономические и социальные трудности и беды, словно цепи, опутывают освободившиеся страны, тормозят общее прогрессивное развитие, обрекают массы на тяжкие страдания. В настоящее время на первый план выходят проблемы занятости и нищеты огромных масс населения.

По имеющимся данным, в несоциалистической Азии в 1969 г. насчитывалось 415 млн. человек, лишенных даже самого низкого прожиточного минимума. Эти обездоленные составляли 40⁹/₁₀ всего населения: в деревне —

355 млн., в городах — 60 млн. Четыре азиатские страны (Бангладеш, Индия, Индонезия, Пакистан) сконцентрировали почти $\frac{2}{3}$ лиц (населения всех развивающихся стран), проживающих в абсолютной нищете. В указанных четырех государствах на доход менее 50 долл. жили в сельской местности 295 млн., в городской — 55 млн. человек. По общим сведениям, размеры бедности показывают явную тенденцию к возрастанию⁹.

В проблемах занятости и нищеты ныне, так сказать, сфокусировались те трудности, которые переживают молодые государства. Однако эти проблемы имеют и социальный аспект. В данном случае речь идет о том слое населения — пауперах и люмпенах, которых мы ранее упоминали, а сейчас настало время охарактеризовать подробнее. Прежде всего необходимо выяснить, что *порождает* пауперизм и люмпенство в странах «третьего мира». Представляется, что перед нами особое социально-экономическое явление, вызванное также особым переходным состоянием общества. Это не феномен сложившегося капиталистического общества, которому сопутствует резервная армия труда, обеспечивающая «гладкое» воспроизводство капитала и понижающая цену рабочей силы, а органический элемент эволюции общества переходного (многоукладного) типа, сложившегося и эволюционирующего на территории бывшей колониальной периферии империализма. Здесь пауперизм и люмпенство вызваны взаимодействием нескольких видов производственных отношений, в том числе и капиталистических. Последние до настоящего времени в огромной мере представлены иностранным капиталом.

Как уже говорилось, этот капитал в недалеком прошлом с помощью военных, экономических, идеологических и иных рычагов эксплуатировал покоренные страны, прервав и изуродовав их внутренний «нормально-естественный» путь социально-экономического развития. Результаты труда поработенных народов, что также хорошо известно, долгое время были одним из основных источников первоначального накопления капитала для имущих классов Западной Европы и Северной Америки. Эти разбойничьи деяния западной буржуазии ярко описаны К. Марксом в знаменитой 24-й главе первого тома

⁹ Economic and Social Survey of Asia and Pacific. 1975, с. 90.

«Капитала». Выкачиваемые из колоний богатства в руках заморской буржуазии превращались в капитал, на колониальной периферии же скапливалась и росла нищета. Социальное «расщепление», вызываемое первоначальным накоплением, получило и территориальное выражение.

В результате общества, стоящие на различных стадиях докапиталистической эволюции, постепенно оказывались втянутыми в новый процесс воспроизводства, для них по своей сути крайне отрицательный. Докапиталистические производственные отношения подрывались и одновременно воспроизводились в хиреющем состоянии. Одним из важнейших условий существования подобного необычного переходного общества стали нарастающая нищета и деклассированность (скрытая и открытая) значительных слоев населения. Именно в те времена обозначались черты пауперизма и люмпенства, которые, развившись, дали такой пышный цвет в наши дни. Эти явления во многом сравнимы с теми, которые наблюдались на заре капитализма на Западе, когда непосредственные производители выбрасывались из старых видов производства и, перед тем как попасть в капиталистический «рай», переживали подготовительные муки его чистилища.

Но Запад никогда не знал такого колоссального и затяжного разрыва между разложением традиционных, добуржуазных отношений и становлением новых, капиталистических. Первая сторона процесса первоначального накопления, прежде всего появление массы выбитых из привычных общественных связей и обнищавших людей, была налицо. Вторая — втягивание этих людей в новые связи капиталистического производства — почти отсутствовала, а затем долгое время была крайне неадекватна (количественно и качественно) первой стороне процесса. В результате возникла проблема *деклассирования в многоукладном обществе*. Здесь практически почти все уклады выделяют пауперов, наличие которых становится одной из важных предпосылок дальнейшего существования или развития и «старых» и «новых» укладов. Для низших и традиционных укладов в деревне это — условие их воспроизводства в хиреющем и тяжелом (для крестьянства) виде, что, в частности, наглядно прослеживается, например, на ухудшении ус-

ловий аренды. Для мелкотоварного и мелкокапиталистического производства существование подобной резервной армии — одна из важнейших экономических предпосылок их развития.

Своеобразие переходного периода, выраженное в многоукладности социально-экономической структуры, проступает и в особом социальном качестве пауперизма и люмпенства. Они не только результат частичного разложения большинства укладов, но и определенная среда, смазка (и масса) для эволюции всех укладов.

Почему пауперизм и люмпенство привлекают такое огромное внимание именно в наши дни? Главное, вероятно, заключается в том, что социальная значимость этих прослоек и их численность за последние годы резко возросли. В обстановке государственной независимости экономические процессы, в целом ускорившие распад наиболее отживших «кусков» укладов, привели к отторжению все новых масс людей от привычных занятий. Это сказывается в увеличении числа безработных, в усиливающейся миграции в города, в уродливой урбанизации, в обостряющейся проблеме занятости и в углубляющейся нищете. В целом, как уже говорилось, речь идет о судьбе десятков и даже сотен миллионов людей, причем число их не уменьшается, а растет. По приблизительным оценкам, от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{5}$ городского населения афро-азиатского региона страдает от хронической безработицы (полной или частичной), т. е. принадлежит к пауперизированным слоям.

Как почти все общественные явления в освободившихся странах, проблема безработицы, занятости и деклассированности имеет два аспекта: деревенский и городской. Каждый из этих двух видов безработицы обладает своими, только ему присущими чертами. Для сельских районов характерна консервативно-застойная полужанятость огромных слоев беднейшего крестьянства. Деревня превратилась в колоссальный отстойник различного рода полудеклассированного населения. Эта деклассированность незавершенная, незаконченная, потому разнородных представителей сельской «избыточной или резервной армии труда» приходится характеризовать при помощи префикса *полу*. В первую очередь к ним относятся полужанятые, причем процент их все больше начинает переходить за 50. Кроме того, к ним

принадлежат полунищие, живущие на грани самого низкого жизненного уровня.

Органическая взаимосвязь нищеты и безработицы очевидна. Одно есть выражение и свидетельство другого. Так, данные о том, что у 40—50% 440-миллионного сельского населения Индии доходы меньше минимального прожиточного уровня, говорят о степени незанятости (прямой или косвенной) в деревне.

В классовом аспекте рост незанятости и (или) численности нищающего люда в деревне демонстрирует интенсификацию процессов деклассирования. Последние охватывают разные социальные пласты крестьянства и создают диковинный (с европейской точки зрения) спектр переходных слоев сельских жителей. Эти слои представляют различные стадии разложения почти всех классовых прослоек крестьянства. В результате возникает новый набор, теперь уже социальный, новых «полу». Дезинтеграция основных классовых групп крестьянства выражается не столько в возникновении иных чистых классовых образований, сколько в умножении новых переходных его слоев.

Возрастание численности обездоленного, выбитого из привычной колеи люда совершается не только под воздействием чисто экономических причин. В том же направлении действуют другие столь многочисленные в многоукладных странах факторы: религиозная, этническая рознь и даже межгосударственные конфликты. Всем памятно, например, трагедия миллионов беженцев при разделе Британской Индии на Индию и Пакистан, муки миллионов обездоленных во время борьбы за образование Бангладеш. Более миллиона арабов вынуждены были покинуть родные места из-за израильской агрессии; многие до сих пор живут в лагерях для беженцев. Военные действия в Нигерии привели к перемещению многих тысяч людей.

Таким образом, по вопросу о том, из каких классовых групп выходят пауперы и почему процесс их формирования продолжается и в наши дни, можно сказать следующее: в большинстве случаев активизирующееся развитие многоукладного общества до сей поры приводит скорее к разрушению устаревших видов хозяйствования, чем к созданию новых, хотя становление последних по сравнению с недавним прошлым неизмеримо

убыстряется. Основная часть пауперов, как и раньше, «выходит» из традиционных укладов и из постоянно меняющегося мелкотоварного уклада. От других укладов также отрываются частицы. Поэтому в молодых суверенных государствах деклассированность, исходя из классовых, социальных признаков и происхождения, приобретает новые социальные оттенки, отражающие, хотя и искаженно, бытие почти всех основных классов и классовых прослоек. Здесь нетрудно обнаружить и люмпен-пролетария, и люмпен-буржуа, и люмпен-интеллигента, и люмпен-ремесленника и т. д.

Деклассированность в условиях многоукладного общества того типа, который существует на бывшей колониальной периферии, не только принимает невиданные количественные масштабы. Вероятно, еще более важной специфической чертой ее является настолько затяжной характер, что в результате складывается постоянный (хотя по идее и переходный) слой населения переходного общества. В данной связи возникает необходимость *дифференцировать* отдельные части деклассированного населения, выделить отдельные группы. На наш взгляд, следует провести деление на пауперов и люмпенов. Пауперизм — первая стадия деклассированности, когда потеряно привычное занятие, когда наступила нищета, нет приличного, а нередко никакого жилья, когда обрушиваются и иные беды. Тем не менее подобное положение кажется временным, преходящим кошмаром. Люмпенство — «высшая» стадия деклассированности, когда она обычное состояние, это прочное ядро деклассированности.

Люмпенство выработало свою идеологию, и именно его представители выступают создателями и костяком ряда весьма мощных люмпенских организаций, часть которых по структуре и характеру функционирования напоминает тайные общества со своим «кодексом поведения и чести». Во многом это воровские и бандитские организации, но нередко участвующие (пусть незримо) и в политической жизни.

На дно пауперизма опускаются представители многих социальных слоев и классов. Однако традиционные связи (племенные, религиозные, кастовые, этнические) продолжают сохраняться и играть важную роль. Без них значительное число пауперов временами просто не

смогло бы поддерживать элементарное существование, не погибнуть от голода. Более того, довольно часто (особенно в африканском городе) они ведут иждивенческо-паразитический образ жизни за счет общины (родственников, соплеменников и т. п.).

В условиях, когда традиционные связи служат ощутимой страховкой в борьбе за существование, они отмирают крайне медленно. Они видоизменяются или нередко возрождаются в иных формах. Так, в Индии даже в городах до сих пор продолжается процесс кастообразования. Некоторые аспекты этого явления разбирает А. А. Куценков, солидаризирующийся с индийским социологом Н. Босом. Последний пришел к следующему выводу: «Поскольку работы не хватает, каждый тянется к занятию, с которым идентифицируется его этническая группа, ищет экономической поддержки у людей, говорящих на его языке, у братьев по религии, касте, у мигрантов, вышедших из той же деревни или дистрикта»¹⁰.

Социальный облик пауперизма и люмпенства в отдельных регионах и странах «третьего мира» имеет свои неповторимые черты. Одна из важнейших причин этого — «традиционное» наложение на данный слой всех тех бед и социальных предрассудков, от которых многие века страдали трудовые низы. В Индии, например, проблеме пауперизма и люмпенства нельзя анализировать, не затрагивая прямо перекрещивающуюся с ней проблему низших каст, проблему неприкасаемых (или хариджанов). Уже самим фактом принадлежности к «презираемым» кастам или, того хуже, внекастовым состоянием они были обречены на положение париев, на нищету и бесправие всякого рода. Их уделом было выполнение особо черной работы. По данным переписи 1971 г., к низшим кастам относилось 80 млн. человек (всего в стране насчитывалось 548 млн. жителей), т. е. 14,6% населения. В деревне удельный вес членов таких каст был больше — 16%, в городе меньше — 8,8%. В ряде крупных штатов эти показатели гораздо выше: в Пенджабе — соответственно 27,7 и 15,3%, в Западной

¹⁰ Цит. по: А. А. Куценков. Кастовая община соседства в индийском городе. — «Народы Азии и Африки». 1972, № 1, с. 39.

Бенгалии — 24,3 и 6,6, в Уттар-Прадеше — 22,6 и 11,3, в Тамилнаде — 21,1 и 10,1% ¹¹.

Конечно, далеко не все члены этих каст входили в рассматриваемую социальную прослойку. Среди них ныне можно найти представителей практически всех общественных классов и групп. Однако основную их часть и в абсолютном и в относительном выражении составляли те самые угнетенные и бесправные слои населения, которые фактически являются пауперами или теснейшим образом примыкают к ним.

Вместе с тем индийские неприкасаемые напоминают о необходимости учитывать и старые, традиционные «пауперизм и люмпенство», оставшиеся от прежних социально-экономических и политических устройств и выработавших свою чрезвычайно устойчивую и даже четко очерченную форму. Как известно, низшие касты живут в изолированных поселениях. Естественно, что деклассированность интересующего нас типа, поскольку она все больше затрагивала касты париев, получила в наследство и многие омерзительные атрибуты кастовой системы. В той мере, в какой деклассированность и пауперизация захватывали низшие касты, последние становились *традиционной* формой бытия *нового* социального существа пауперов и люмпенов. Это новое как бы внеклассовое социальное содержание определяет существо увеличивающегося слоя представителей «угнетенных каст», которые особенно часто теряют работу и кров.

В известной степени и на определенный (весьма долгий) срок традиционные качества и обычаи переходят и к новым пауперам. В Индии низшим кастам были свойственны забитость, апатия, приниженность, примиренность со своей участью. В других странах в толщах деревенских и городских низов, из которых формируются деклассированные, имелись и иные традиции (например, «боевитость» тайных обществ Китая).

В целом отношение пауперов к окружающему их миру все более определяется особенностями их собственного положения. В результате возникает специфическая двойственность этого слоя: приверженность к тем социальным группам, из которых они были выбиты, и

¹¹ «Mainstream Annual». New Delhi, 1973, с. 71.

отстаивание интересов своего слоя. Коллизии всякого рода при таком состоянии неизбежны. Их острота, однако, резко смягчается тем, что подавляющее большинство пауперов не только выходит из трудящихся классов, но и долгое время сосуществует с ними, границы здесь подвижны и возможен частичный, временный (или постоянный) переход в прежнее социальное качество. Это наиболее обездоленная часть трудящихся классов (положение которых также в общем ухудшалось). По сути дела, это составной элемент трудовых низов, которые включают также мелкую буржуазию, нефабричный пролетариат и т. д.¹²

Относительная социальная «самостоятельность» полу- или полностью деклассированных и обнищавших людей в колониальном прошлом отчетливо сказывалась в период стихийных бедствий, эпидемий, неурожаев и т. п. Именно данный слой населения становился главной жертвой, именно его представители массами погибали от голода и болезней. Именно так сказывалась его самостоятельность, ибо других «радикальных» выходов практически не было. После достижения независимости и ускорения социальной ломки демографический взрыв и другие причины привели к переполнению и прорыву обычных «отстойников» деклассированности, в первую очередь в деревне и небольших городах.

В новой обстановке относительная самостоятельность стала не только очевидной, но и чуть ли не абсолютной, когда все более разбухающие потоки нищих и безработных хлынули в крупные городские центры. Нынешние проблемы свехурбанизации в освободившихся странах во многом являются отражением вышедшей на поверхность проблемы пауперизма, его крепнущей самостоятельности и одновременно смыкания этой проблемы с еще более общей проблемой бытия городских низов.

Каковы место и роль люмпенского ядра в современных условиях при быстром росте численности деклассированных и увеличении общественной значимости этой прослойки? Сразу же приходится признать, что бурный

¹² Отдельные стороны этого комплекса проблем в целом и применительно к отдельным странам Востока рассматриваются в работах: В. Г. Р а с т я н н и к о в. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. М., 1973; Мелкое производство города в Азии и Африке. М., 1974.

прилив пауперов серьезно поколебал традиционные формы влияния постоянного люмпенского ядра и его организаций. Это явление стало одной из серьезных причин большей социальной активности городских низов вообще и самих пауперов в частности.

Традиционный люмпен консервативен, а верхушка его организаций была, да и сейчас весьма тесно связана с имущими классами, особенно находящимися у власти. Именно привлечение этих слоев люмпенства являлось долгое время для господствующих классов (в том числе и для колонизаторов) важным средством удержания в определенных рамках и использования в своих политических интересах массы деклассированных элементов и вообще городских низов. Схема действий выработалась довольно трафаретная: на первый план подобные организации выдвигают социально-бытовые, религиозно-обрядовые и сходные проблемы, крайне существенные для повседневной жизни больших групп деклассированных, и заявляют, что именно ради решения этих проблем необходимо поддерживать имущие классы по актуальнейшим на данный момент политическим вопросам. Однако такие организации на определенном этапе приходят или к кризису, или к радикальному перерождению (как правило, в известной мере свержлевому) на следующей стадии общественной борьбы.

Даже предварительный анализ деклассированной социальной прослойки позволяет сделать вывод о неоднородности, неодинаковости политических и иных потенций ее отдельных частей. Ответ на вопрос о месте и роли интересующего нас слоя в освободительной и классовой борьбе таков: до настоящего времени почти во всех освободившихся странах в большинстве случаев в позиции пауперизованных и люмпенских слоев преобладало антипрогрессивное, консервативное начало, что культивировали и использовали имущие классы. Однако в последние годы политические позиции значительной части этого растущего слоя радикализуются и больше совпадают с позициями других трудовых слоев. Нередко данный слой становится питательной средой и для свержлевого экстремизма. В какой-то степени это отразил видный участник алжирской революции и африканского освободительного движения Ф. Фанон. Ныне поэтому особенно существенно выделение и аргументированная

оценка как негативных, так и позитивных потенциалов де-классированных масс.

Даже самая общая попытка разобраться в возможных политических выходах особой двойственности пауперизованного населения в ближайшем или в более отдаленном будущем заставляет коснуться некоторых идеологических аспектов проблемы. К сожалению, они очень мало затронуты исследованием, а без их раскрытия нельзя полностью осознать значение пауперизма и люмпенства для развития многоукладных государств.

Конечно, основным, базисным проявлением процессов распада старых форм производства в ходе эволюции многоукладного общества являются массовое деклассирование, материальное обнищание и безработица миллионов людей. Но отмеченные процессы распространяются на все стороны общественного бытия, в том числе на идеологию и классовую психологию. В данном случае мы сталкиваемся с проблемами социально-психологического деклассирования, а оно *шире*, чем «материальное», ибо захватывает умы части представителей «нераспавшихся» классов или классовых слоев.

Деклассированность, тем паче продолжительная, а еще более устойчивое люмпенство крайне разрушительны для социально-психологического и культурно-идеологического облика этой «внеклассовой» и вместе с тем важной социальной прослойки многоукладного общества. Деклассированность вызывает крах привычных представлений и норм общественного бытия. Все лежит в развалинах, все, в прошлом незыблемое и великое, перевернуто и представляется ничтожным, непрочным и мелким. Цинизм, вседозволенность, жестокость, равнодушие, безразличие, злобная отрешенность и враждебность, инстинктивное отвращение к идеалам как к ловушке для простофиля — вот некоторые из антисоциальных качеств, постепенно вырабатываемых деклассированностью. У люмпенства эти качества расцветают пышным цветом, формируя принципы групповой антиобщественной морали.

Социальный протест изучаемой прослойки порождает только энергию разрушения. Она у них в целом долго социально слепа, а в эмоциональном отношении крайне нестойка. Эксплуататорским классам подобные свойства длительное время предоставляли прекрасную

возможность для нейтрализации антиэксплуататорских потенций пауперства и использования его в борьбе со своими классовыми противниками. Ныне эта энергия начинает все чаще сливаться с натиском других классовых сил, выступающих с прогрессивной программой, и в подобной ситуации объективно получает позитивную направленность.

В ряде государств эта сторона деклассированности выявилась уже на последних стадиях антиколониальной борьбы за национальное освобождение. Позитивные позиции отверженных были отмечены в работах Франца Фанона. В его теории освободительной революции пауперам, однако, придается гипертрофированная роль и они противопоставляются другим слоям трудового населения города, в первую очередь рабочему классу. В своей широкоизвестной книге «Отверженные планеты» Ф. Фанон следующим образом описывал развертывание вооруженной борьбы: «...восстание, начавшееся в сельских районах, затем проникнет в города через ту часть крестьянского населения, которая сгрудилась на дальних окраинах городских центров и которая еще не преуспела в попытках приспособиться к колониальной системе. Люди, выброшенные из деревни в связи с ростом населения в сельских районах и колониальной экспроприацией, без устали кружат вокруг городов в надежде, что однажды их пустят внутрь. Именно в этой человеческой массе, в жителях городских лачуг, в ядре люмпен-пролетариата восстание обретает свою ударную силу в городах. Последнее не случайно, ибо люмпен-пролетариат — орда голодающих людей, оторванных от своего племени и клана, — составляет одну из наиболее самовозгорающихся и радикальных революционных сил колонизованного народа»¹³.

Предельное преувеличение роли деклассированных слоев в революционном движении неизбежно ведет к политически опасным перекосам, чревато расколом рядов трудящихся.

Утопические оценки радикальных потенций деклассированных масс встречались и встречаются сегодня в программах различных общественных организаций в

¹³ F. Fanon. The Wretched of the Earth. Penguin Books. 1967, с. 103.

молодых государствах. В Индии, например, подобные оценки содержатся в документах некоторых организаций угнетенных каст. Б. Шам Сундер, глава одной из организаций неприкасаемых, «Бхаратиа бхим сена», в публикации под знаменательным заголовком «Могут ли неприкасаемые возглавить пролетарскую революцию?» выдвинул ряд положений, своеобразно отражающих новый этап эволюции лидеров традиционно униженных слоев индийского народа. Во-первых, утверждает он, индуисты (особенно из высших каст) захватили руководство всеми политическими партиями и свои кастовые интересы скрывают под различными масками. Во-вторых, «из 150 млн. неприкасаемых 97,5% принадлежит к рабочему классу. Они составляют сельскохозяйственный и фабричный пролетариат, эксплуатируемый как капиталистами, так и помещиками. Это безземельные и бездомные люди, живущие в большинстве случаев в лачугах в ужасных гигиенических условиях»¹⁴.

На его взгляд, в такой обстановке «классовая борьба не имеет смысла. В Индии, где социальная структура насквозь пропитана кастеизмом, классовая битва неизбежно следует за кастовой борьбой. Она не может предшествовать ей. Цели — бесклассового общества — нельзя достигнуть, пока не уничтожены касты, прежде всего высшие. Представители последних — капиталисты, кулаки и деревенские ростовщики, контролирующие всю экономику и средства производства. Это имущие. Мы же истинно неимущие»¹⁵. Для сплочения неприкасаемых, для привлечения пролетарского элемента из других меньшинств и общин и изъятия власти из рук представителей высших каст Б. Ш. Сундер, по его словам, и создал свою организацию. В этих высказываниях наиболее резко проступают утопичность идей и одновременно смешение самых различных представлений и требований деклассированного слоя.

Перед нами образцы эклектичного, содержащего разные идеологические элементы левого или чаще сверхлевого радикализма. В таком радикализме таятся не только позитивные, но и негативные для прогрессивных движений потенции. Кроме того, нельзя забывать, что

¹⁴ B. S. S u n d e r. Can the Untouchables lead a Proletarian Revolution? A Note. Hyderabad, 1969, с. 3.

¹⁵ Там же.

во многих странах значительные массы деклассированных идут за правыми, полуфашистскими организациями, прямо используются для борьбы с демократическими институтами и левыми партиями. В той же Индии действовала, например, коммуналистская «Шив сена», вербовавшая в свои ряды в первую очередь пауперов и люмпенов Бомбея. Можно было бы назвать десятки других, особенно региональных, организаций аналогичного типа, функционирующих в различных странах.

Проблема деклассированности создает колоссальные трудности не только на этапе борьбы за устранение от власти реакционных сил. Пожалуй, еще большие трудности возникают после победы национально-демократических революций, при проведении и, главное, при закреплении радикальных преобразований во всех сферах жизни.

Когда на первый план выступает созидательная работа, кропотливая и будничная, деклассированность сознания становится силой резко отрицательной. Она расшатывает все те общественные институты, куда проникают (а проникают довольно широко) ее носители. Объективно и субъективно это неизбежное «растекание» пауперизма неизмеримо усложняет строительство нового общества, чем непременно стремятся воспользоваться свергнутые имущие классы.

Задача преодоления деклассированности во всех областях общественного бытия надолго становится одной из важнейших в процессе кардинальной перестройки социальной структуры освободившихся стран. Решение этой задачи, видимо, потребует долгих и систематических усилий и немалых жертв: деклассированность, вероятно, самое тяжелое наследие старого общества в «третьем мире» и наверняка социально самое трудноустранимое.

Разбухание пауперизма, помимо всего прочего, демонстрирует здесь и иные особенности формирования, развития и распада класса мелкой буржуазии. На всех стадиях эволюции последней в самом факте наличия огромной массы окружающих ее пауперов и люмпенов выявляются важные отличия от западнокапиталистических моделей, в частности такое, как «проскакивание» значительной частью непосредственных производителей фазы мелкого буржуа. Конечно, при рассмотрении и

классических (первичных) вариантов перехода к капитализму, и ранних этапов его существования чистое общество мелких свободных собственников, порождающих двухполюсное антагонистическое деление на капиталистов и наемных рабочих, являлось теоретической абстракцией, примененной К. Марксом при изучении генезиса капитализма в идеальном нормальных условиях. Однако этот научный допуск имел глубокое социальное и классовое основание. За подобное начало капиталистической эволюции выступали широчайшие трудящиеся классы докапиталистических систем, ибо это был наиболее радикальный из возможных тогда исходов антифеодальной борьбы в интересах труженика. Не случайно В. И. Ленин предпочитал «американский путь» развития капитализма: на определенном этапе общественной эволюции и нарастания революции этот путь отвечал коренным интересам пролетариата и его основного классового союзника.

Политически подобный вариант капиталистического развития воплощался в задачах буржуазно-демократической революции, в отстаивании политических свобод и демократических институтов. Именно поэтому все прогрессивные элементы общества, и особенно коммунисты, решительно поддерживали и поддерживают такое, например, требование, как «земля тем, кто ее обрабатывает», реализация которого ведет, пусть временно или частично, к усилению класса мелкой буржуазии и расширению ее рядов.

В молодых государствах значительная часть непосредственных тружеников либо не достигала или еще не достигла качества класса мелкой буржуазии, либо вопреки своим интересам не пережила его. Однако этот исторический «недоскок» или «перескок» демонстрировал одно и то же: отсталость, уродливую, «неклассическую» эволюцию многоукладного общества. В результате в данной части планеты процессы формирования и дальнейшей эволюции мелкой буржуазии как класса не только не разделились, но, напротив, теснейшим образом надолго переплелись. В подавляющем большинстве многоукладных стран по сей день продолжают как формирование (экономически и политически) мелкой буржуазии, так и изменения в ее структуре. Произошло в отличие от «классического» варианта эволюции на

капиталистическом Западе смешение и хронологическое совмещение привычных этапов, стадий этой эволюции. В современных многоукладных обществах Азии, Африки и Латинской Америки наблюдаются одновременно такие превращения мелкой буржуазии, которые на Западе были отделены многими десятилетиями. Уже по одной этой причине приложение общих законов развития данного класса к освободившимся странам не может быть механическим, должно обязательно предусматривать анализ и учет его особенностей в специфическом переходном обществе.

*Относительная самостоятельность
мелкой буржуазии в многоукладных странах*

После того как в самых общих чертах охарактеризована специфика классов, базирующихся на «городских» и «деревенских» укладах, следует затронуть еще один связанный с проблемой мелкой буржуазии и часто дебатруемый вопрос: кто кого ведет за собой в многоукладных странах — город деревню или деревня город. Известно, что для капиталистического государства данная дилемма решалась В. И. Лениным так: «Деревня неизбежно идет за городом. Вопрос только в том, какой класс, из „городских“ классов, сумеет вести за собой деревню, осилит эту задачу и какие формы это *руководство города* примет»¹⁶. Новая и новейшая история Запада и России показала и показывает правоту ленинского положения.

Но применимо ли это положение к многоукладным странам? На наш взгляд, применимо, но применять его надо не механически. Если говорить о классах, основывающихся на капиталистических укладах, — о буржуазии и пролетариате, то, действительно, в большинстве освободившихся государств (прежде всего в наиболее крупных по численности населения) самые активные и, так сказать, социально-экономически и политически развитые классовые слои концентрируются в городах. Естественно, что руководящие «ядра» организаций (в частно-

¹⁶ В. И. Ленин. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. — Т. 40, с. 5.

сти, партии) этих классов тоже сосредоточиваются в городских центрах. Поэтому лидерство таких классов (или их основных прослоек) в определенной классовой коалиции почти всегда означает, что город ведет за собой деревню, что горожане стоят во главе крестьянства.

Важнейшие различия во взаимоотношениях города и деревни в освободившихся государствах по сравнению с капиталистическими обусловлены преимущественно необычным положением наиболее многочисленного и крайне разношерстного класса мелкой буржуазии и полупролетарских масс трудящегося населения. В многоукладном обществе этот класс, точнее, его представители особенно рьяно рвутся к гегемонии, стремятся вести за собой весь народ, а не просто идти за буржуазией или пролетариатом. Конечно, традиционные (знакомые нам) пути политического следования мелкой буржуазии — либо за буржуазией, либо за пролетариатом — отмечены и здесь, они представлены соответствующими движениями (и массовыми организациями), в которых участвуют определенные части мелкой буржуазии¹⁷. Но есть и третья тенденция — к лидерству (в разных странах и в разные периоды выражаемая разными частями этого класса). В последние годы она все чаще пробиывает себе дорогу. Одновременно обнаруживается сильная неоднородность конкретных путей и форм ее реализации в той или иной стране или в тот или иной период.

Именно эта тенденция, четко обозначившаяся во многих молодых государствах и потому в целом уже не отвергаемая, а признаваемая рядом исследователей, придает особую (по западным стандартам) необычность проблеме взаимодействия города и деревни и одновременно в значительной мере затемняется ею. Остановимся на этом несколько подробнее. Действительно, когда мы говорим, что город в капиталистическом обществе ведет за собой деревню, это означает что либо буржуазия, либо пролетариат концентрирует вокруг себя основные массы крестьянства. Иными словами, последнее выступает союзником одного из главных городских классов.

¹⁷ На эту сторону проблемы справедливо обращает внимание К. Н. Брутенц (см. *Современные национально-освободительные революции*. М., 1974, с. 333, 334).

Что означает лидерство мелкой буржуазии? Вероятно, сразу же нужно уточнить, что период, связанный с ее гегемонией, является не случайным, а закономерным этапом в развитии многоукладного общества. Проявление его и трактовка могут быть, естественно, неодинаковыми и нести разную социально-классовую нагрузку.

Ф. Фанон, например, резко противопоставлял город, затронутый, по его словам, тлетворным влиянием Запада, деревне, сохранившей национальное самосознание и выступающей исходной базой освобождения и возрождения поработанного общества. Он дает этому такое объяснение: горожане (приказчики, промышленные рабочие, интеллигенция, лавочники и т. д., не говоря уже о состоятельных слоях) охвачены влиянием технического прогресса и зажиточного класса. Здесь царят «современные идеи», и в целом эти слои занимают «привилегированное положение в колониальной системе и составляют „буржуазную“ часть колонизованного народа». Отсюда известный вывод его о позиции пролетариата, к которому он относит кондукторов трамваев, таксистов, шахтеров, докеров, переводчиков, медицинских сестер и др. «В капиталистических странах,— пишет Ф. Фанон,— рабочему классу нечего терять и именно он в конечном счете приобретает все. В колониальных странах ему есть что терять. Фактически он представляет ту незаменимую часть колонизованного народа, которая необходима для того, чтобы колониальный механизм работал без осечки»¹⁸.

Конечно, по своему положению (состоянию) пролетариат в многоукладной стране, да еще в условиях колониального господства, существенно отличается от рабочего класса в капиталистическом государстве. Правда и то, что отдельные городские отряды его, как правило немногочисленные, иногда находятся в относительно лучшем (материально) положении, чем основные трудящиеся массы. Однако численно доминирующие отряды наемной армии труда (структура ее здесь очень сложна) подвергаются жесточайшей эксплуатации, и жизненный уровень их обычно ниже «средненационального». Главное, с чем нельзя согласиться в приведенном

¹⁸ F. F a n o n. The Wretched of the Earth, с. 86.

высказывании Ф. Фанона, это с тем, что рабочий класс якобы интегрирован в колониальную систему. Из факта признания специфичности положения некоторых его групп на тех или иных этапах национально-освободительного движения крайне ошибочно делать подобное заключение: оно чревато серьезными политическими искажениями. Связанный с разными капиталистическими укладами, заинтересованный в уничтожении всякой эксплуатации, пролетариат составляет неразрывную и наиболее прогрессивную, динамичную и перспективную силу также и в национально-освободительном движении.

Вернемся, однако, к теме «город и деревня». Ф. Фанон писал, что горожане, подвергшиеся западному влиянию, «испытывают к крестьянству чувства, напоминающие те, которые испытывали городские рабочие промышленных государств. История буржуазных и рабочих революций показала, что основная часть крестьянства нередко являлась тормозом революции. В индустриальных странах крестьянство в целом — наименее сознательный, хуже всего организованный и в то же время наиболее анархический элемент. Оно демонстрирует такой набор качеств, как индивидуализм, отсутствие дисциплины, жажда денег, склонность к вспышкам неконтролируемой ярости и глубокой апатии. Это определяло линию поведения, которая объективно реакционна»¹⁹.

Справедливо критикуя крестьянство западных стран за мелкобуржуазные качества, Ф. Фанон придал им абсолютное значение, не отметив трудового, «пролетарского» начала в этом классе. По его мнению, крестьянство колониальной страны характеризуют совершенно иные свойства: «Подавляющая часть сельского населения... продолжает жить в рамках жесткой структуры, и лишние рты, чтобы существовать, не имеют альтернативы, кроме ухода в город. Остающийся в деревне крестьянин упорно защищает свои традиции и в колонизованном обществе стоит за организующее начало, ибо заинтересован в поддержании данной социальной структуры. Естественно, что этот неизменный образ жизни, витающий как призрак неумолимой смерти над жесткими социальными структурами, может в определенных случаях порождать движения, базирующиеся на религиоз-

¹⁹ Там же, с. 88.

ном фанатизме или племенных распрях. Но в спонтанных движениях сельский люд как целое остается дисциплинированным и альтруистическим. Интересы отдельной личности перед интересами коллектива отступают на второй план»²⁰.

Подметив некоторые негативные черты определенных слоев колониального города, Ф. Фанон абсолютизировал их пространственно (т. е. распространил на весь «третий мир») и хронологически (т. е. на разные этапы развития). Он хорошо почувствовал специфику деревни и во многом по-народнически (и по-ткачевски) идеализировал сельского жителя (хотя немало писал о его недостатках), но не разглядел, вероятно, неоднородности и особой внутренней противоречивости последнего. Бесспорно, патриархальность крестьянства в освободившихся странах неизмеримо большая, чем в капиталистических, однако и в первых мелкотоварный уклад давно пробивает себе дорогу и преобразует соответствующие части класса. Поэтому крестьянские движения давно вызываются уже не только привязанностью к старине, интересами натурально-патриархального уклада, но и материальными интересами, порожденными расширением мелкотоварного и в какой-то мере мелкокапиталистического укладов. Появление в крестьянском обличье сельской мелкой буржуазии со всей ее двойственностью было крайне существенно для хода социально-экономического и политического развития многоукладной страны как на стадии борьбы за государственную независимость, так и на последующих этапах эволюции многоукладности.

Абсолютизирование революционных, антиколониальных потенций деревенского населения и принижение (и даже отрицание) их у городских трудящихся слоев критиковать достаточно просто, и в нашей литературе это сделано в значительном числе публикаций. Тем не менее было бы большим упущением не заметить в подобной абсолютизации отражения, пусть искаженного, реальной противоречивости определенного типа национально-освободительной борьбы, связанного с лидерством мелкобуржуазных трудящихся масс. Общеизвестно,

²⁰ Там же, с. 88, 89.

что количественно подавляющая часть населения обитает в деревнях. И все же даже при ведущей роли мелкобуржуазных масс и их организаций нельзя утверждать, тем более категорично, что внешне такого рода ситуация выражается в том, что деревня ведет за собой город. В данном случае возникает потребность в анализе конкретной ситуации в конкретной стране в определенное время, поскольку это, помимо всего прочего, и проблема взаимодействия различных частей одного и того же класса — городской и сельской мелкой буржуазии. Ф. Фанон намечал общую стратегию антиколониального подъема, основываясь в значительной мере на алжирской практике. И он достаточно отчетливо показал, как горожане — националисты-патриоты, недовольные положением в городах, — бежали в сельские районы и вливались в крестьянскую борьбу, соединялись с ней. (Да и сам Ф. Фанон был горожанином.)

Итак, в молодых государствах Востока, а в какой-то мере и в более «пожилых» государствах Южной Америки мелкая буржуазия (и примыкающие во многом к ней нефабричный пролетариат и пауперы) весьма многочисленна и самостоятельна в своих действиях. Однако и здесь эта самостоятельность не абсолютна. Мелкая буржуазия, ее идеология, ее общественные организации и даже государственная власть при всей их самостоятельности в специфических условиях названных стран не могут избежать двойственности самого класса, что делает эту самостоятельность в конечном счете относительной. Во взглядах, политике и организациях мелкой буржуазии всегда, но в разном сочетании и неодинаковых соотношениях наличествуют также элементы пролетарского и буржуазного начал. Последние социально антагонистичны, что не исключает серьезных и продолжительных совместных действий пролетариата и национальной буржуазии (не говоря уже о мелкой буржуазии) против общих противников, в первую очередь империализма и феодализма.

Национальная буржуазия и рабочий класс давно влияют (степень, формы и результаты, конечно, варьируют от страны к стране) на мелкую буржуазию. Но и сами они, в свою очередь, не освободились от ее значительного влияния. Этим, в частности, объясняется тот кажущийся парадокс, что зачастую как бы в одина-

ковой или схожей по форме идеологии проступает принципиально различное классовое содержание.

Правильно ли, например, говорить, что гандизм — идеология национальной буржуазии Индии, со всеми ее противоречиями и двойственностью? В какой-то мере, конечно, правильно. Но вся ли это правда? Наверное, нет, ибо определенная форма гандизма была и в огромной мере остается и сейчас идеологией крестьянских и других мелкобуржуазных слоев населения. Еще большие трудности возникают при характеристике взглядов Джавахарлала Неру. Он возглавил первое правительство независимой Индии, был неоспоримым лидером в то время правящей партии — Национальный конгресс. В воззрениях Неру имелось нечто от воззрений еще далеко не разделившегося третьего сословия, нечто, что в небольшой степени отражало интересы и иллюзии мелкой буржуазии и даже мечтания и неформившиеся устремления предпролетариата и полупролетариата. Он был ярким представителем сражающейся Индии в переломный период ее истории. Не удивительно, что идеологическая борьба между представителями разных классов за «наследство Неру» имеет глубокую объективную основу. Прогрессивные силы страны, разумеется, с полным на то правом берут лучшее из богатого наследия Неру для борьбы не только непосредственно против империализма и феодализма, но и за преодоление всякой эксплуатации.

Классовые коалиции и созревание отдельных классов

Коренная социальная специфика многоукладного, переходного общества и его внутренних противоречий, как уже говорилось, порождает классовые коалиции и их противоборствование. Часто коалиционность проявляется себя в совместных, пусть стихийных, выступлениях разных слоев населения примерно с общим кругом требований. В этом случае преобладают формы, соответствующие индивидуальному бытию определенных классовых групп — рабочих, ремесленников, торговцев, интеллигенции, бизнесменов — города и разных социальных слоев деревни.

Без четкого понимания своеобразия классовых коалиций, отражающих реальные пути и стадию складывания конкретных классов в переходном обществе, невозможно через всю «нечистоту» увидеть особенности развития и бытия мелкой буржуазии, ее теснейшую связанность, переплетенность со всеми трудовыми (плебейскими) низами и в то же время ее собственное социальное лицо. На проблеме классовых коалиций нужно остановиться несколько подробнее, ибо она показывает естественный процесс перестройки (ломки) старой классовой структуры и становление новой.

Объективная необходимость в общем решении ряда центральных задач конкретного этапа общественной эволюции соединяет группы классов и их прослойки в первую очередь идеологически. Однако классовая коалиция непременно стремится выразить себя и политически. Не случайно поэтому серьезнейшая проблема общественной жизни многоукладных стран — проблема партии. Неравномерность и разная стадия зрелости отдельных крупных классовых сил, тяга к коалиционному действию неизбежно проявляются в необычном «облике» большинства политических организаций. Речь идет о возможности двойного социального функционирования общественной организации как политического выразителя интересов а) определенного классового слоя, б) коалиции классов. Известны многочисленные случаи взаимопереходов отдельных политических организаций из одной группы в другую.

В целом совместные политические действия и особенно наличие коалиционных политических организаций дают данной классовой коалиции то главное орудие, с помощью которого можно отстаивать повседневные требования и достигнутые позиции, а также пытаться добиться главного — захвата или сохранения власти. Каждая из коалиций стремится максимально ослабить единство другой и помешать любому, особенно организационному, ее сплочению. Напряженная борьба ведется за промежуточные, колеблющиеся социальные силы. Понятно, что решающим фактором в этих схватках становится фактор политический, в первую очередь обладание государственной властью. В таких условиях последняя выступает не только как цель, но и как важнейшее средство наилучшего, наиэффективнейшего бытия

коалиции. Обладание государственной властью позволяет правящей коалиции создавать нужные ей политические организации, свободно и широко проповедовать (и навязывать) свои взгляды и т. д.

Одновременно власть обеспечивает возможность не допускать создания политических и иных организаций враждебной коалиции (или ограничивать их деятельность), запрещать или затруднять распространение ее идеологии и т. п. Естественно, что господствующая классовая коалиция обычно оформлена и политические действия ее достаточно четки и целенаправленны, атакующая же коалиция долгое время отличается противоположными признаками. Социально-экономическая необходимость и классовая возможность ее создания в политической (в первую очередь организационной) сфере реализуются с великим трудом, с перепадами и часто неполностью. Эта коалиция долгое время политически (главным образом политически-организационно) аморфна, что чрезвычайно затрудняет успешность ее действий и делает крайне специфичными их конкретные формы.

В результате данный фактор, как правило, выводит схватку далеко за пределы относительного равновесия сил сражающихся классовых коалиций, за границы объективно достигнутого рубежа перестройки классовой структуры в конкретной стране. Господствующая коалиция под неуклонным воздействием экономических законов и классовой борьбы социально дряхлеет, атакующая же набирает силы, ее классовые компоненты усиливаются, особенно количественно. Нередко, однако, возникают «застойные» политические ситуации, когда старый режим прогнил и не может править по-старому, а враждебные ему силы разобщены, неорганизованны, не могут его столкнуть. Поэтому последним внешне незначительным толчком, резко меняющим всю политическую и даже социальную обстановку, нередко служат выступления военных подразделений или аналогичные политические акции²¹.

В таком случае «молодые офицеры» объективно являются выразителями интересов атакующей (или, точнее, жаждущей перемен) классовой коалиции, ее поли-

²¹ Подробнее о роли армии см.: Г. И. Мирский. «Третий мир». Общество, власть, армия. М., 1976.

тическим орудием. Однако взаимное сближение, слияние этого «неожиданного политического орудия» с классовыми слоями победившей коалиции происходит постепенно и не безболезненно для обеих сторон. Новая власть, так сказать, нащупывает свою социальную базу, а определенные классовые силы начинают понимать, что это их власть.

Трудности процесса превращения захваченной государственной надстройки в составную часть политического механизма той или иной классовой коалиции преодолеваются не очень просто, ибо вклинивается новый важный фактор. Победа атакующей классовой коалиции обычно означает и ее трансформацию, а в ряде случаев даже расслоение, откол от нее отдельных социальных слоев. Поэтому государственная надстройка, особенно когда ею овладевают «неожиданные» политические агенты коалиции, должна приспосабливаться к *меняющемуся* составу коалиции. В этом смысле (смычка надстройки и победившей классовой коалиции) наступает свой переходный период, нередко насыщенный перемещениями отдельных видных лиц и иногда цепью переворотов дворцового типа.

Процесс адаптации объективен, и с ним следует считаться при изучении политических аспектов перевальных этапов истории многоукладных стран. В Египте, например, этот процесс, на наш взгляд, занял почти все 50-е годы. В Ираке он был еще более затяжным и драматичным. В странах, где к власти мирным или военным путем приходят признанные и сложившиеся политические организации, адаптация, хотя и в иной форме, также наблюдается. События первых лет независимости Индии — наглядное тому свидетельство.

Объективное распределение множества классов и их крупных прослоек между двумя основными лагерями становится не только осью политической жизни, но и *фактором развития самих классов*. Действительно, большинство их задолго до того, как завершается их созревание, в социально-экономическом и политическом отношениях входят в состав определенной классовой коалиции. Поэтому их формирование протекает не изолированно, а, как правило, в разношерстной союзной классовой среде. Это обуславливает необычность обстановки их созревания, поскольку появляется новая двойствен-

ность: *класс для себя* и *класс — часть коалиции*. Наличие последней сложно трансформирует и в чем-то даже определяет ход и политическую форму созревания, отпочкования отдельных классов, в первую очередь мелкой буржуазии.

Реальное течение классовой борьбы в многоукладном обществе, кроме того, требует сплочения нескольких социальных сил для решения важнейших, коренных проблем. Сепаратное бытие одной какой-либо социальной прослойки становится пагубным и для общего дела, и для нее самой. В годы борьбы за национально-государственную независимость, например, схватка с колониализмом требовала максимально возможного объединения участников антиимпериалистической коалиции. Аналогичное наблюдается и на последующих этапах, хотя объекты схватки (в том числе или главным образом с империализмом) меняются.

В результате у каждой классовой группы в качестве еще одного показателя общей социальной переходности вырабатывается «коалиционное» и классовое сознание. Они теснейшим образом связаны между собой, в чем-то взаимообусловлены, но не тождественны. Их развитие не является параллельным. Напротив, обычно эти два вида социального сознания зреют неравномерно и могут угнетать, тормозить рост друг друга. Последнее наблюдается довольно часто и в известной мере есть следствие как объективно-стихийных процессов, так и субъективно-осознанных действий ведущей классовой силы конкретной коалиции.

Отмеченная двойственность пронизывает почти все политические и идеологические институты многоукладного общества, придает политической и идеологической борьбе огромное своеобразие.

Остановимся на этих проблемах, важных и практически почти не изученных, несколько подробнее. Наиболее распространенной и «знаемой» формой коалиционного сознания, выкристаллизовавшегося в период борьбы за национальную независимость, был национализм. Его антиколониальная направленность соответствовала интересам угнетенного народа, подавляющей части его трудовых и имущих классов. Ни один из них не мог стать «классом для себя», игнорируя коренную проблему колониализма. И естественно, развитие

национальной антиколониальной общности было непременным условием созреваания конкретной социальной группы, определенного класса.

Национализм, следовательно, был тем общим, что цементировало устремления многих социальных сил и одновременно выводилось за скобки их специфических индивидуальных интересов. Поскольку в большинстве случаев социально-экономические корни этого явления таились в росте капиталистических укладов, постольку оно приобретало буржуазную окраску. Однако это, на наш взгляд, верно только в смысле существа решаемых общественных задач, и то не до конца.

Понятно, что подобная форма коалиционного (антиколониалистского) сознания пригодна и для классового сознания, особенно двух классов (и их отдельных групп) — национальной буржуазии и мелкой буржуазии. При всем несходстве внутренней двойственности этих двух классов они легче, чем остальные социальные группы, абсорбируют национализм в качестве важного элемента своего классового самоутверждения. Конечно, различные слои местной буржуазии в неодинаковой степени смогли приспособить к собственным нуждам идеи национализма. Торгово-ростовщические круги делали упор на его общеобразовательные культуртрегерские аспекты. Верхние и средние слои местных предпринимателей долго проповедовали умеренный, реформистский национализм. Предпринимательские слои, связанные с мелкокапиталистическим укладом, и особенно значительная часть мелкой буржуазии, наполняли это понятие радикальным антиимпериалистическим содержанием.

И хотя экономические, политические и культурные аспекты национализма понимались отдельными частями буржуазии на разных этапах неодинаково, в целом он выступает как проявление и их собственного классового сознания. Существенно, что экономическая сторона национализма с самого его зарождения непосредственно способствовала развитию местного предпринимательства путем стимулирования местного бизнеса, потребления местных товаров и т. д. В этом проявляются движение многоукладного базиса и сдвиги в состоянии переходного общества в целом. При руководящей роли мелкой буржуазии в классовой коалиции национализм несет

иную, чем при лидерстве национальной буржуазии, социально-экономическую и политическую нагрузку.

Коалиционное сознание ряда социальных слоев многоукладного общества, прежде всего в националистической форме, серьезно тормозило их собственное классовое становление и рост. В первую очередь это относится к отдельным группам пролетариата. Как известно, развитие его отрядов совершается предельно неравномерно. Многие факторы и производственного и социального характера обуславливают относительно сепаратное бытие мануфактурных, фабричных, торговых и сельскохозяйственных рабочих, которые к тому же еще делятся на постоянных и временных, местных и пришлых, на последователей той или иной веры, членов той или иной общины и т. д. Велико также влияние традиционных институтов на основные (по численности) слои пролетариата.

Как бы ни менялся состав антиимпериалистических коалиций, какие бы изменения они ни претерпевали, в них всегда входили пролетарские отряды. Общенациональные задачи освободительной борьбы — кровное дело рабочего класса.

Представители различных слоев, в первую очередь национальной буржуазии и мелкой буржуазии, пытались и пытаются естественную для них националистическую форму коалиционной освободительной борьбы выдать не только за наилучшую, но и за единственно возможную. Поэтому развитие пролетариата одновременно означает выдвижение и отстаивание им идей пролетарского интернационализма, истинной его идеологии. Эта идеология позволяет успешнее решать задачи национального возрождения и сплочения всех трудовых слоев народа.

Однако достижение пролетариатом (сперва, конечно, его передовыми отрядами) идеологической самостоятельности и распространение его идейного влияния на другие трудящиеся классы и прослойки проходят в напряженной идеологической схватке, через преодоление нарастающих реакционно-консервативных аспектов национализма, а в конце концов и его целиком. Огромная сложность подобной борьбы и ее длительность, думается, не нуждаются в специальном доказательстве. Велика в процессе этого и опасность временных отступлений

и неудач, причины которых также кроются в классовой структуре многоукладного общества.

Отношения союза и борьбы между различными укладами не остаются постоянными, через какое-то время они меняются. Это неизбежный результат сдвигов в состоянии производительных сил и следствие классовых сражений между теми социальными силами, которые порождены мозаичной структурой меняющегося многоукладного общества. По своей сути оно переходно, нестатично и неустойчиво. Но эта нестатичность весьма неодинаково проявляется на разных его уровнях. В конечном счете неравномерность в развитии многослойного переходного общества выражается через ряд промежуточных «ступеней», реализуется в политических битвах двух классовых коалиций, демонстрирующих и выражающих процесс классообразования.

Железная хватка политических институтов, созданных колонизаторами, которые монополизировали государственную надстройку, долгие годы мешала радикальному проявлению нестабильности в сфере высших политических организаций (государство). Однако под ними, в области технико-экономической, социально-экономической, классово-политической структуры местных институтов, она проявлялась временами достаточно бурно. Сдвиги на этих этажах при неизменности государственно-политического устройства приводили к накоплению потенций общей нестабильности, к усилению накала национально-освободительного движения.

Когда в обстановке ослабления мировой капиталистической системы оно добивается победы, возникает новая ситуация. Колониальное многоукладное общество перестает быть колониальным, и тем самым рушится и основная преграда, мешающая обнаружиться нестабильности и распространиться на всю область политической жизни. В результате движение переходного общества ускоряется или приобретает явно выраженную тенденцию к ускорению. Не удивительно поэтому, что за два последних десятилетия в молодых государствах свершалось столь много немыслимых ранее политических событий и перемен, образовывались и разные классовые коалиции. Более того, именно политика становится главной сферой проявления нестабильности социального развития. Иначе говоря, *нестабильность* всякого

рода есть одно из важнейших качеств переходного многоукладного общества и одновременно предпосылка, условие и следствие его движения на определенных стадиях эволюции.

*Соединение научного социализма
с борьбой пролетариата
и восприятие его мелкобуржуазными движениями*

Внутреннее брожение в любых базисных и надстроечных институтах, в которых доминирует мелкая буржуазия, с объективной неизбежностью порождает в них более или менее чисто пролетарские и буржуазные тенденции. Подобный «раскол» в разное время и в разной обстановке осуществляется в различных формах и приводит к неодинаковым результатам.

Религиозность мелкой буржуазии, особенно крестьянства, неизбежно накладывает сильный отпечаток на идеологию ведущих общественных движений и национальных лидеров в молодых государствах. Религия здесь — форма идеологии многих имущих классов. Она обычно служит формой мировоззрения национальной, а также мелкой буржуазии. В этом случае на первый план выдвигаются иные стороны данной религии, поэтому и вопрос отношения к ней становится гораздо более сложным и деликатным.

Нет ничего удивительного в том, что элементы верования прочно входят в официальную идеологию ряда молодых государств, а варианты «национальных социализмов» даже облачаются в религиозные одежды и получают теистическую аргументацию.

Огромная двойственность мелкой буржуазии порождает в освободившихся странах самые причудливые образы ее идеологического обоснования. Возникли такие сложные общественно-политические и идеологические явления, как панафриканизм и т. п. Здесь перед нами оболочка антиимпериалистического и антифеодално-племенного сплочения масс на «территориальной» и этнической основе. Естественная борьба негров за утверждение своего достоинства вызвала к жизни такую противоречивую концепцию, как негритюд.

Еще в годы национально-освободительного движе-

ния против колониального ига многие руководители, даже далекие от научного социализма, начали заявлять, что они против капиталистического пути развития для своих стран.

После второй мировой войны, и особенно в 50-е годы, о социализме теперь уже в независимых странах Азии и Африки фактически заговорили все. Что вкладывается в это понятие, каково его содержание? Как строить социализм в невиданных прежде условиях? Ответы давались различные. Одним из следствий искаженного проникновения идей социализма в мелкобуржуазную среду было стремление найти идеал социализма в прошлом, но не видеть в нем определенное явление, связанное с научным объяснением развития общества и его революционным преобразованием, явление, возможное на базе высокоразвитых экономики и культуры народа.

В производственных отношениях многоукладных стран сдвиги происходят не сами по себе, а через напряженную классовую борьбу, важной частью и средством ведения которой выступают государство и государственная политика. Вопрос о государственной власти для реализации тех или иных возможностей взаимодействия укладов и определенного направления движения многоукладности при выборе пути социального развития имеет в конечном счете решающее значение. Если многоукладность обуславливает специфику классовой борьбы и надстроечных преобразований, то последние, в свою очередь, создают необходимые условия для ее эволюции в определенном направлении. Конечно, только государственная власть трудящихся в состоянии обеспечить социалистическую ориентацию.

Общие для освободившихся стран признаки можно обнаружить и в специфике идеологических течений, в деятельности и структуре ряда политических организаций, но в области государственной надстройки такие признаки «раскрылись» далеко не полностью. Здесь особенно сильна неравномерность их созревания и внешней реализации. Для многих многоукладных государств некоторые общие черты в надстроечной сфере в значительной мере еще потенция. Нахождение у власти ставленников местных имущих классов (крупных землевладельцев, торгово-ростовщической и национальной буржуазии), хотя и в разной мере (в зависимости от того,

какой имущий класс доминирует в политической жизни), препятствует вызреванию однородных признаков и в важнейших надстроечных институтах.

Для основной группы многоукладных государств характерно явное противоречие между более или менее четким, полным проявлением общих признаков в экономической и социально-экономической областях и частичным — в политико-надстроечной. Подобное противоречие, как показывает опыт, устраняется тогда, когда у кормила правления вместо эксплуататорских становятся трудящиеся классы. С данного момента влияние классовых сил, в известной степени подпадающих под широкое понятие «мелкая буржуазия» (и многочисленных переходных к ней или от нее к рабочему классу групп трудящихся), на все институты общественной жизни начинает выражаться наиболее отчетливо.

Однако усиление влияния класса мелкой буржуазии в его широком понимании в идеологической, общественной и политической жизни уже сейчас обнаруживается как ведущая тенденция в большинстве многоукладных государств. Захват власти в некоторых освободившихся странах представителями непролетарских или полупролетарских слоев меняет характер государства и его политики. Конечно, подобное государство (и его классовая база) характеризуется огромной внутренней двойственностью и по природе своей переходно.

Страны Запада дали немало примеров проявления тенденции к «лидированию» мелкой буржуазии в управлении государством. Но эти страны не дали и не могли дать возможности для ее реализации, во всяком случае более или менее устойчивой, долговременной, в обстановке классовой борьбы между двумя сильными и антагонистическими классами: буржуазией и пролетариатом. Впрочем, и там подобные тенденции при относительном равновесии сил при резко обострявшейся классовой борьбе приводили к установлению на короткий срок различного рода бонапартистских режимов, опиравшихся в значительной мере на мелкую буржуазию и люмпен-пролетариат, но выражавших и охранявших в конечном счете интересы имущих классов. При капитализме на Западе никогда не складывалось такого сочетания классовых сил, при котором бонапартизм не только опирался бы на мелкобуржуазную массу, но

и выражал бы преимущественно ее интересы. В ряде многоукладных государств подобная ситуация с разной степенью «чистоты» возникла.

Мелкая буржуазия всегда мечтала заполучить побольше доходных мест в госаппарате, обслуживавшем чужие классовые интересы. «Через все буржуазные революции,— писал В. И. Ленин,— которых видела Европа многое множество со времени падения феодализма, идет развитие, усовершенствование, укрепление этого чиновничьего и военного аппарата. В частности, именно мелкая буржуазия привлекается на сторону крупной и подчиняется ей в значительной степени посредством этого аппарата, дающего верхним слоям крестьянства, мелких ремесленников, торговцев и проч. сравнительно удобные, спокойные и почетные местечки, ставящие обладателей их *над* народом. Возьмите то, что произошло в России за полгода после 27 февраля 1917 г.: чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров»²².

Не только государственная власть, но и государственный аппарат (а их нельзя абсолютно отождествлять) являются объектом классовой борьбы. В Европе бывали случаи, когда мелкая буржуазия широко проникала в аппарат, почти захватывала его, но власть оставалась в руках буржуазии или монополистической буржуазии. В ряде азиатских и африканских стран произошло относительное (неполное) совмещение того и другого — власти и госаппарата в руках мелкой буржуазии.

Каковы же основные признаки власти коалиции во главе с мелкой буржуазией? Само собой разумеется, что ответ на этот сложный вопрос не может быть однозначным, ибо охватывает и общие цели власти и пути их достижения. У государства данного типа в многоукладном обществе можно отметить некоторые общие «внешние» признаки в области государственно-административного устройства, например такие: 1) «однопартийная» или «беспартийная» форма правления; 2) преобладание исполнительной власти над законодательной; 3) большая роль карательных органов — армии, полиции, сил безопасности — и их огромное влияние на гражданские

²² В. И. Ленин. Государство и революция.—Т. 33, с. 30.

части госаппарата; 4) наличие привилегированного слоя чиновничества; 5) появление авторитетного лидера, харизматической личности, как правило обладающей колоссальной властью. В области идеологии также прослеживается специфика. Условия объективной жизни заставляют передовые слои и общественные организации непролетарских масс трудящихся все сильнее тяготеть к научному социализму, все больше «черпать» из него. Одновременно сама доминирующая классовая среда порождает условия для формирования и длительного существования крайне стойких буржуазных взглядов, в том числе и на социализм, на пути его достижения и конкретное бытие.

В результате борьба между научным социализмом и мелкобуржуазной пародией на него выходит на первый план и продолжается долгое время. Но тут возникает новая проблема: *восприятие научного социализма революционным движением непролетарских и полупролетарских масс*. Почти 60 лет назад, в декабре 1919 г., В. И. Ленин, обращаясь к коммунистам угнетенной части планеты, выдвинул совершенно неожиданную для тогдашних сектантов, догматиков и реформистов задачу: «Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»²³. Другая социально-экономическая и политическая обстановка определила другой состав и соотношение классовых сил и иные задачи в области преобразований многоукладного общества. Социально-классовая среда для восприятия идей марксизма-ленинизма, идей научного социализма в эпоху общего кризиса капитализма резко расширилась и теперь не ограничивается пределами движения рабочего класса в капиталистически развитых государствах. Создалась не просто возможность восприятия научного социализма движениями непролетар-

²³ В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций Востока 22 ноября 1919 г.— Т. 39, с. 329.

ских и полупролетарских масс (ядро которых составляла мелкая буржуазия); в ряде стран оно стало осуществляться на практике.

Это предполагало, помимо всего прочего, длительную подготовку в ходе экономического и политического развития самого мелкобуржуазного класса, а также наличие организаций, которые в той или иной мере реализовали бы такое восприятие. Конечно, неравномерность здесь огромна. Возникают и грандиозной значимости вопросы: как «ведут себя» движения непролетарских и полупролетарских масс после принятия научного социализма? Что происходит с самим научным социализмом при их восприятии? Каковы *партии* или *другие* организации, воспринимающие его? Ответить на эти вопросы попытаемся ниже, пока же необходимо ответить на другие, предшествующие перечисленным исторически и логически.

Как совершается процесс «приобщения» движений, среди участников которых преобладает мелкая буржуазия, к научному социализму? И вообще, правомерна ли сама постановка подобной проблемы? «Маркс,— указывал В. И. Ленин,— признает мелкобуржуазное движение за своеобразную первоначальную форму пролетарского, коммунистического движения»²⁴. Дальнейшее обособление пролетариата в капиталистических странах вело к неизбежному выделению и самостоятельному развитию пролетарской идеологии. В общем, как тенденция, но уже вторичная (после пролетариата и вслед за ним) в том же направлении эволюционировало мировоззрение мелкой буржуазии или ее части.

В отдельные эпохи и в отдельных странах этапы этого восхождения различны. Каждый шаг был не только труден, но и весьма противоречив. Оппортунисты замечали и абсолютизировали лишь одну сторону — продвижение вперед; сектанты — вторую, негативную — половинчатость, цеплянье за старое — и на таком основании все отвергали. В. И. Ленин подчеркивал, что нужно видеть не просто двойственность идеологии мелкой буржуазии, но и эволюцию ее. Он показал, как следует понимать частное и общее в этом движении, как

²⁴ В. И. Ленин. Маркс об американском «черном переделе». — Т. 10, с. 59.

использовать усиливающуюся двойственность класса для проведения прогрессивных социальных преобразований. В этой связи уместно привести его характеристику мировоззрения народников, дающую и методологическую базу для понимания самой динамики двойственности мелкобуржуазной идеологии и отдельных этапов ее эволюции. «Утопия народников (тезис о возможности уравниения и равноправия при сохранении власти капитала, денег, товарного производства.— А. Л.), развращая их (масс.— А. Л.) *социалистическое сознание*, является спутником, симптомом, отчасти даже *выразителем* (курсив наш.— А. Л.) их демократического подъема... Ложный в формально-экономическом смысле, народнический *демократизм* есть истина в *историческом* смысле; ложный в качестве социалистической утопии, *этот демократизм* есть *истина* той своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы»²⁵.

На той территории земного шара, где теперь проживает две трети человечества, за последние полстолетия сменилось несчетное число классовых союзов (разных оттенков) и комбинаций главных социальных сил. Но в этом калейдоскопе просматриваются несколько основных слагаемых и некоторые общие тенденции. Многие события прошлой истории Европы как бы ожили и стали разыгрываться на иных подмостках. Сейчас в другой части света можно найти и новую жакерию, и новую реформацию, и нового Кромвеля, и нового генерала Монка. Негрудно отыскать «живых» декабристов и народников, якобинцев и жирондистов, прудонистов и лассальянцев, гарибальдийцев и мадзинистов и т. д.

Внешних аналогий такого рода изрядное количество, но, взглядевшись, легко заметить в них и что-то необычное, незнакомое. Действительно, современная жакерия завершается нередко уже не поражением крестьян, а *победой*; современные декабристы, опираясь на армию, не терпят неудачу, а осуществляют дворцовые (и аналогичные им) перевороты. Сегодняшний Гарибальди не только высаживается на остров и освобождает страну,

²⁵ В. И. Ленин. Две утопии.— Т. 22, с. 119—120.

но становится главой государства, а не уходит в политическую «тень», и т. п. Разумеется, можно говорить лишь о некотором сходстве, о совпадении, не о точном повторении ситуаций, а о *новых вариантах их разрешения*. Следовательно, и сравнения эти не буквальные, в определенной мере условны, ибо демонстрируют реализацию иной возможности, заложенной примерно в той же ситуации, но не реализовавшейся ранее.

Важнейшим фактором нового явилось то, что теперь на все подобные движения и их участников и на их идеологию пал свет социализма. Раньше мелкобуржуазные движения происходили в мире, в котором поднимался, рос капитализм. Для него высшей политической точкой была Великая французская буржуазная революция. Ее влияние распространялось на все политические и идеологические течения XIX в. Но в XX в. такие движения протекают в мире, в котором растет социализм, в котором свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, и ныне именно она влияет на все политические и идеологические течения, под ее сенью эволюционируют они.

Как хорошо известно, соединение научного социализма с массовым движением трудящихся не совершается и не может совершиться стихийно, автоматически, что не исключает, однако, первоначально «стихийного» влечения к социалистическим идеям. Для соединения идей (а точнее, выводов) научного социализма с движением трудящихся необходим, как показал исторический опыт, некий передаточный механизм. Задача этого механизма двоякая: а) творчески приспособить научные и методологические положения марксизма к конкретной обстановке данной эпохи и страны; б) связать эти идеи с борьбой угнетенной части населения. Первый аспект задачи, так сказать теоретический, предполагает творческое (а это означает нелегкое, научное) нахождение новых ответов и решений. Научный социализм, зародившийся в середине XIX в. в Западной Европе, раскрывал объективные законы эволюции капитализма в домонополистическую эпоху. Но в империалистическую эпоху применение марксизма к борьбе русского и мирового пролетариата потребовало дальнейшего углубления и развития научного социализма, что и было сделано марксистами во главе с В. И. Лениным.

Чтобы применить научный социализм к принципиально иным условиям многоукладных стран (идеи В. И. Ленина здесь неоценимы), когда существует иное основное противоречие, иное классовое деление общества, необходимо творческое развитие научного социализма. Реализация этой потребности оказалась делом крайне сложным, ибо, помимо всего прочего, в революционном движении и вообще в этих странах насчитывалось крайне мало людей, подготовленных к научно-теоретической разработке общественных проблем. Не удивительно, что эмпиризм здесь был крайне велик. Не удивительно и другое: настойчивые и долгие попытки ряда прогрессивных деятелей и организаций приложить конкретные выводы марксистско-ленинской теории, полученные при анализе преимущественно развитого капитализма, к действительности своих стран. Марксизм-ленинизм давал правильную методологию разбора общественных процессов, ряд общих положений и конкретных решений. Но чтобы проникнуть в толщу освободительной борьбы трудящихся, стать ее компасом, он должен был быть выстрадан самой общественной мыслью той или иной страны, ее передовыми демократическими элементами.

Появление научного социализма в одной части планеты, а затем крупнейшие победы, одержанные под его знаменем, способствовали распространению его влияния на все государства и создали тем самым важную предпосылку для его восприятия и развития в этих государствах. Научный социализм — в первую очередь объективная наука о законах развития человеческого общества, и как подлинная наука он не имеет национальных границ, хотя первоначально может возникнуть в резко ограниченном числе стран. Но затем он может быть применен только творчески, везде и тем трансформировать привычные, «фатальные» пути эволюции любого общества в иных частях света.

Таким образом, влияние извне идей научного социализма, с каждым десятилетием возрастающее, делает возможным их приложение к многоукладным обществам. Но осуществлять это, т. е. реализовать его приспособление или творческое развитие и слияние с лучшей, прогрессивной, демократической частью исторического наследия народа, способны лишь определенные общественные силы конкретной страны. Механическое пе-

ренесение этих идей означало их извращение и потому не давало и не могло дать положительных результатов.

В период национально-освободительной борьбы высказывания большинства местных общественных и политических деятелей в поддержку социализма носили в основном общий антикапиталистический характер. После достижения политической независимости возникла необходимость сделать уже позитивные и практические шаги к социализму. Но тут неизбежно вставал вопрос, какой идеологией руководствоваться и какие формы организации использовать.

Условия появления «национальных социализмов» в многоукладных странах в известной степени (но только в известной) напоминают обстановку в Западной Европе в середине XIX в. с ее множеством мелкобуржуазных школ домарковского социализма. «Революционные демократы,— пишет Н. А. Симония,— это чаще всего люди, не непосредственно вышедшие из народа и прямо, адекватно отражающие его устремления, а мелкобуржуазная по своей идеологии часть интеллигенции, которая по-своему пришла к народу, по-своему (т. е. в основном не выходя за рамки мелкобуржуазного кругозора) понимает его нужды и способы их удовлетворения. Все они *начинают* обычно с того, что хотят строить ненаучный, субъективно трактуемый социализм, понимаемый как всеобщее равенство и благоденствие»²⁶.

Первый Интернационал сумел извлечь все рациональные элементы из домарковского социализма. Ныне этих элементов в разнообразных «национальных социализмах» даже больше, ибо на формирование их идеологических основ влиял и влияет марксизм-ленинизм. Однако вторичное применение научного социализма к специфическим условиям «третьего мира» по объективным и субъективным причинам не может осуществляться быстро, легко и равномерно и не может не сопровождаться решительным преодолением всего враждебно-негативного и в «национальных социализмах». Именно здесь проходит столбовой путь развития научного социализма в конкретной социально-экономической и об-

²⁶ Н. А. Симония. Страны Востока: пути развития. М., 1975, с. 311.

щественно-политической обстановке освободившихся стран и применительно к ней. Практически все более или менее крупные общественные деятели их испытали влияние марксизма. Однако степень этого влияния и отношение к нему радикальных и реформистских деятелей была различной, что обнаруживало тенденцию к размежеванию, к преобладанию в их мировоззрении элементов либо пролетарской, либо буржуазной идеологии. Радикальные деятели больше склоняются к первой, реформистские — ко второй.

Предоставим слово некоторым видным руководителям молодых стран или общественных движений. Кваме Нкрума, например, писал в «Автобиографии»: «Я старался найти путь, при помощи которого можно разрешить колониальный вопрос в целом, а также проблему империализма. Я читал Гегеля, Маркса, Энгельса, Ленина и Мадзини. Их труды во многом повлияли на мои революционные взгляды и деятельность. В особенности на меня произвели впечатление Маркс и Ленин, поскольку я был уверен, что их философия может разрешить эти проблемы. Но я полагаю, что из всех книг, которые я изучил, больше всего способствовало тому, чтобы разжечь мой энтузиазм, книга Гарвея „Философия и взгляды Маркуса Гарвея“, опубликованная в 1923 году. Гарвей своей идеей „Африка для африканцев“ и начатым им движением „Назад в Африку“ много сделал в 20-х годах, чтобы воодушевить негров Америки»²⁷.

Леопольд С. Сенгор, президент Сенегала и общественный деятель другого типа, чем К. Нкрума, свое отношение к идеям марксизма-ленинизма выражает иначе: «...мы не исключаем ни Маркса, ни Энгельса из наших источников, мы начнем с их трудов, как и с трудов „утопических социалистов“, и мы добавим к этим источникам работы их преемников и толкователей. Однако мы сохраним только метод и идеи: метод, который может нам помочь анализировать наше положение, идеи, которые могут нам помочь решить наши проблемы. Мы начнем с Маркса и Энгельса. Каковы бы ни были пределы их возможностей, недостатки и ошибки, они больше, чем все другие, революционизировали политическую и экономическую мысль XIX в.».

²⁷ К в а м е Н к р у м а. Автобиография. М., 1961, с. 49.

Показательно, что Л. С. Сенгор по-своему, классово логично «познав» марксизм, все же тяготел к предшествующей стадии развития науки об обществе, искал «синтез». «Мы за средний путь, за *демократический социализм*, который стремится объединить духовные ценности, за социализм, который связан со старым нравственным течением французских социалистов. Исторически и культурно мы принадлежим к этому течению. Кроме того, французские социалисты — от Сен-Симона до Леона Блюма... не такие уж утописты, какими их считают. Поскольку они идеалисты, они отвечают требованиям негро-африканской души, требованиям людей всех рас и стран»²⁸.

Президент Индонезии Сукарно предлагал и в идеологии занимать срединную позицию: быть практичным, брать все хорошее из идей Томаса Джефферсона и из идей Карла Маркса, а не становиться на чью-либо сторону²⁹.

Огромное влияние марксистско-ленинских идей на передовую общественность Индии отмечал Джавахарлал Неру: «Данный Марксом общий анализ общественного развития представляется замечательно правильным, и все же впоследствии произошли многочисленные события, не согласующиеся с его представлением о ближайшем будущем. Ленин успешно развил положение марксистской теории в применении к некоторым из этих позднейших событий, но с тех пор произошли новые поразительные перемены — возникновение фашизма и нацизма со всем тем, что стояло над ними. Весьма быстрое развитие техники и осуществление на практике огромных достижений науки с удивительной быстротой меняют картину мира, вызывая к жизни новые проблемы»³⁰.

Видный буржуазный деятель Перу Айя де ла Торре в книге «Тридцать лет Априсмо» (1956) резко отделяет идеологию Априсмо от марксизма. При этом он прибегает к недостойному приему, утверждая, что марксистская концепция ограничена особыми условиями пространства и времени, поэтому ее нельзя применить к дей-

²⁸ L. S. Senghor. Nation et voie africaine du socialisme. 1961, с. 67—68.

²⁹ См.: А. Сукарно. Индонезия обвиняет. М., 1961, с. 376.

³⁰ Джавахарлал Неру. Открытие Индии. М., 1955, с. 24.

ствительности, отличной от европейской. Недаром сегодня его последователи в Перу составляют ударный отряд реакции. Впрочем, руководители этого государства придерживались иных взглядов. По словам генерального секретаря ЦК Перуанской коммунистической партии Хорхе дель Прадо, «в области идеологии президент Моралес Бермудес и его ближайшие соратники исходят из достигнутого уровня антиимпериалистических и антиолигархических преобразований в стране и из необходимости перейти отныне к решению более ответственных задач строительства нового перуанского общества. Они подтвердили, что их цель — построение социалистического общества, хотя они отнюдь не стали еще на позиции научного социализма, а выступают за создание некоего „христианского и гуманистического социализма“, признавая, правда, марксиста Хосе Карлоса Мариатеги вдохновителем перуанского социализма»³¹.

Ответом Торре может служить также заявление главы государства, впервые в Латинской Америке начавшего реально создавать общество на основах социализма. «...Мы находимся, — сказал Фидель Кастро 1 декабря 1961 г., — на стадии построения социализма. Каков этот наш социализм? Не утопический ли? Безусловно, мы должны идти путем научного социализма. Здесь я должен со всей откровенностью сказать, что мы верим в марксизм, что, по нашему мнению, он наиболее правильная, наиболее научная теория, единственно верная теория, единственно верная революционная теория»³².

В чем же проявляется общее и специфическое а) при соединении идей научного социализма с движением пролетариата, б) при восприятии этих идей движениями с преобладанием мелкой буржуазии в многоукладном обществе? Отметим сперва общее:

1. Научный социализм, именно как *научный* социализм, не *зарождается* ни в одном, ни в другом движении, а *соединяется* с первым или воспринимается вторым. Сам же он есть высшее выражение многовекового развития науки и становления научного объяснения изменений общества, открытие путей осмысленного классового преобразования последнего. На каком-то этапе —

³¹ «Коммунист». № 8, май 1976, с. 77.

³² Фидель Кастро. Речи и выступления 1961—1963 гг. М., 1963, с. 485.

это одно из условий дальнейшего развития самого общества.

2. Рабочее, а также непролетарские и полупролетарские движения вызывались к жизни объективной классовой борьбой, определявшейся основным противоречием данного общества.

3. «Смычка» научного социализма и с рабочим и с мелкобуржуазными движениями требует создания и эффективного функционирования организаций, осуществляющих подобное соединение или восприятие, которые реализуются в борьбе и через борьбу, но отнюдь не сразу.

Отличия содержатся уже в самих моментах общего.

1. Научный социализм впервые возникает в достаточно зрелом капиталистическом обществе как результат и отрицание буржуазной науки, уже миновавшей свой прогрессивно-восходящий этап. Французский утопический социализм, английская политэкономия и немецкая классическая философия — три источника и составные части марксизма — были конкретным проявлением высшего взлета буржуазной науки и одновременно ее отрицанием при дальнейшем движении научной мысли. Марксизм явился духовным отрицанием капитализма, «телесным» же отрицанием стала классовая борьба пролетариата. Естественно, что *первично* идеи научного социализма соединились именно с массовой борьбой рабочих. Частичное, а затем и более полное восприятие этих идей массовыми движениями с преобладанием участников из мелкобуржуазных слоев происходит значительно *позднее*, после того как соединение марксизма с рабочим движением привело к крупным успехам и победам. Это уже *вторичное* явление, могущее возникнуть только при наличии первичного соединения и его далекого зашедшего развития.

2. Цели, специфика, формы, методы и т. д. классовой борьбы пролетариата той или иной страны в конкретную эпоху определяются конкретным состоянием основного противоречия капитализма — между общественным характером производства и частным характером присвоения, главным классовым антагонизмом — между буржуазией и пролетариатом. Именно в обстановке достаточно развитого капитализма зародился марксизм, ответивший на вопрос, как решать противоречия капи-

талистического общества и как *от него* переходить к социализму. В бывших колониальных и полуколониальных странах, а ныне многоукладных суверенных государствах основное противоречие (до и после независимости) и главные классовые антагонизмы иные, чем на Западе. Поэтому содержание, объекты, формы, методы классовой борьбы здесь также не могут не быть резко отличными.

Процесс взаимного нащупывания марксизма и массового движения с преобладанием непролетарских и полупролетарских слоев протекает не так, как протекало соединение первого с революционной борьбой пролетариата. Нельзя упускать и кардинальное различие, связанное с временем прохождения этого процесса. До достижения политической независимости основная задача — ниспровержение колониального гнета и завоевание государственной власти. Успех на этом этапе был достигнут, по сути дела, пока лишь в Монголии, Вьетнаме и т. д. После достижения политической независимости основной задачей становится завоевание экономической самостоятельности, и в борьбе за нее совершается размежевание и политических сил. Однако довольно распространенными становятся случаи, которые можно охарактеризовать как переходные от первого ко второму. Возьмем, к примеру, ряд африканских государств. В них соединение отдельных элементов научного социализма с массовым народным движением трудящихся началось на последнем этапе борьбы за национальное освобождение и продолжается после завоевания независимости.

Значительны отличия и между организациями, реализующими, осуществляющими а) творческое соединение научного социализма с рабочим движением в странах развитого капитализма, б) его восприятие движениями мелкобуржуазных масс в многоукладных обществах. На Западе до общего кризиса капитализма идеи научного социализма соединялись с рабочим движением в первую очередь через социал-демократические партии, после — через коммунистические партии. На Востоке наблюдается иное. Практически распространение марксизма-ленинизма в угнетенных империализмом странах начинается в период общего кризиса капитализма. Организации, осуществляющие соединение научного

социализма с массовым движением, можно разбить на две большие группы: 1) молодые компартии, формировавшиеся в процессе развития рабочего и освободительного движения этих стран; 2) другие общественные институты, родившиеся в ходе массовой борьбы трудящегося народа. Затем, возглавив борьбу или даже завоевав государственную власть, эти организации начинают через свои руководящие звенья «приобщаться» к научному социализму. Типы и формы последних многообразны, и число их возрастает.

В чем принципиальное отличие политики ряда мелкобуржуазных партий, организаций и деятелей современного Востока от практики, скажем, эсеров и меньшевиков в России? В том, что русские мелкобуржуазные организации и деятели в конце XIX — начале XX в. в целом или в большинстве своем тянули мелкую буржуазию к буржуазии, в ее стан. Внешняя и внутренняя обстановка, условия экономической и политической жизни мелкой буржуазии и смежных с ней классовых сил в многоукладных странах теперь другие, а мелкобуржуазные партии и деятели этих стран стали опытнее и не желают отрываться от своей классовой базы, «переуступать» ее. Значительная часть, практически большинство подобных организаций и их лидеров стремятся «тянуть» в первую очередь к своему классу. На практике при нынешней расстановке сил это означает колебательное, нерешительное, противоречивое, но тяготение к социалистическому лагерю на мировой арене и в конечном счете к социалистической ориентации для своих стран. Естественно, этот процесс идет через размежевание радикальных (тяготеющих к пролетариату) и реформистских элементов (идущих к буржуазии, к имущим классам) и лидеров.

Непролетарские и полупролетарские массы трудящихся, в первую очередь крестьянство, составляет основную часть населения и массовую базу революции в большинстве многоукладных стран. Это поняли и даже во многом творчески объяснили, используя в какой-то мере идеи научного социализма, ведущие общественные организации и руководители данных стран.

У многих общественных, в том числе весьма радикальных, деятелей молодых государств, однако, наметилась также тенденция преувеличивать и абсолютизи-

ровать революционность мелкой буржуазии, не замечать ее двойственности и даже отрицать революционные потенции пролетариата как своего, так и других государств.

В противопоставлении рабочего класса иным основным слоям трудящихся, безусловно, проявляются мелкобуржуазные черточки во взглядах ряда политических деятелей. Известным объяснением подобных взглядов, но никак не оправданием, служит тот факт, что отдельные слои рабочего класса находились в относительно лучшем материальном положении по сравнению с другими трудящимися. Это особенно характерно для стран, где был относительно высок удельный вес высокооплачиваемых иностранных рабочих (в первую очередь Алжир) или где промышленный квалифицированный пролетариат малочислен. Но критерий материальной бедности (а не место в общественном производстве и общественных отношениях) в качестве признака революционности никогда не был марксистским, хотя таково его вульгарное понимание в среде разоряющейся и угнетенной мелкой буржуазии и полупролетарских слоев населения.

Движения мелкобуржуазных масс все больше нуждаются в самой передовой общественной науке, научном социализме и его творческом применении. Это одно из важнейших условий и причин побед, одержанных подобными движениями. Но довольно быстро при определенном восприятии идей марксизма-ленинизма непролетарскими и полупролетарскими массами обнаруживаются и серьезные трудности и противоречия. В мелкобуржуазной среде крайне велика сила торможения, сила инерции. Выводы творческого научного социализма в такой обстановке могут закостеневать, превращаясь в собрание непогрешимых догматических откровений, в светское Евангелие. Научный социализм, все неустойчивее проникающий в мелкобуржуазные движения, приводящий к достижению невозможных ранее для них результатов, затем как бы начинает задыхаться в этой обстановке. Проникать в движения непролетарских трудящихся классов он может весьма успешно, но «жить» и особенно развиваться здесь ему чрезвычайно трудно. Теоретически не исключена и угроза его «гибели», хотя внешние условия неизбежно вызовут его новое рождение.

В революционных массовых движениях, в которых удельный вес рабочих невелик, на определенном этапе и в определенных пределах сравнительно легко идет распространение идей научного социализма вширь, но не вглубь. Поэтому-то здесь при переходе к новому этапу социально-экономического и общественно-политического развития движение научного социализма вширь и вглубь расщепляется и сопровождается зачастую очень болезненными, острыми столкновениями между творческим его продвижением дальше вглубь (что отвечает задачам следующего этапа эволюции общества) и окостенением, появлением окаменевших догм, выведенных из его распространения вширь на предшествующем этапе. Колоссальные трудности подобного положения (научно-теоретического, идеологического аспекта борьбы) связаны еще и с иными факторами.

Восприятие научного социализма массовым движением непролетарских и полупролетарских масс вызывает к жизни разные виды общественных организаций (партий и т. д.), что становится важным условием победы вплоть до завоевания государственной власти. Этот источник мощи движения может под влиянием мелкобуржуазного окружения стать ареной грызни из-за личных или групповых интересов, имеющих мало общего с интересами народа. Опасность перерождения средств борьбы за его нужды в цель борьбы между отдельными мелкобуржуазными деятелями в подобной обстановке колоссальна. Она особенно грозна и ощутима тогда, когда назревает необходимость перехода к новому этапу развития, а слияние мелкобуржуазной инерции и догматизма в идеологии с бюрократизмом в государственном аппарате создает крайне серьезные препятствия для движения вперед, резко тормозя его, а иногда даже заводя в тупик.

Марксизм-ленинизм уже убедительно продемонстрировал свою способность давать наилучшие решения и для успешного развития движения, в котором преобладают мелкобуржуазные массы. Но практика показала также, что социальная почва для роста научного социализма — это не мелкая буржуазия, а пролетариат. Поэтому и в нынешних многоукладных странах все более полное развитие и эффективное применение научного социализма обуславливает (и обуславливается)

расширение демократического участия пролетариата и интеллигенции, стоящей на его позициях, в управлении государством на всех уровнях.

Сегодняшнее состояние этих стран — результат взаимодействия двух разнородных социальных факторов: внутренних и внешних. Возрождение «третьего мира» тоже может происходить под совместным влиянием тех же факторов, но качественно иных по своему содержанию. Долгая ночь колониального рабства явилась неизбежным следствием унии заморских поработителей, представлявших крепнувший капитализм на Западе, с продажной верхушкой местных консервативных имущих классов, связанных с дряхлевшими докапиталистическими формами производства. Подъем становится следствием союза радикально-демократических классов и слоев многоукладных стран с социалистическими странами и рабочим классом капиталистических держав.

Все три потока мирового революционного движения, каждый в своей области, бьют по империализму. В. И. Ленин стоял у истоков объединения всемирной борьбы всех антиимпериалистических сил. Обращаясь к коммунистам Востока, вождь мирового пролетариата настойчиво привлекал их внимание к этому аспекту революционного движения в их странах, к необходимости установления нерасторжимого союза с пролетариатом. «Вы должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими часто в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока»³³. Развитие союза, формы его и, что не менее важно, конкретные участники претерпели и претерпевают сложные изменения.

Тяга массовых движений, в которых преобладают непролетарские и полупролетарские массы, к социализму объективна. Она вытекает из глубинных нужд коренной перестройки отставшего многоукладного общества на принципах социальной справедливости, в интересах трудящихся, что может происходить только в обстановке укрепления социалистической системы и сил прогресса во всем мире. В социализме свое будущее видит уже не только рабочий класс, но и его многочислен-

³³ В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. — Т. 39, с. 329.

ные трудовые собраты и союзники из мелкобуржуазных слоев.

Однако представление последних о социализме (а значит, о путях и методах его достижения) далеко не совпадает с пролетарским. Именно здесь возникает возможность — и ее пытаются реализовать всякого рода контрреволюционеры и авантюристы — противопоставить мелкобуржуазные и научные воззрения на социализм, чтобы столкнуть мелкую буржуазию с пролетариатом, разъединить их. Наиболее опасным извращением коммунистического идеала, источником оголтелого антисоветизма, мракобесия и военного психоза в «третьем мире» ныне стал «левый» экстремизм.

Этот наиновейший комплекс мелкобуржуазных и буржуазных искажений научного социализма на этапах борьбы за национальную независимость, и особенно на начальных этапах социалистических преобразований, наносит огромный ущерб теории и практике всяких демократических и социалистических движений. Он направлен на раскол трудящихся классов как внутри отдельных стран, так и на международной арене. Опасность «левого» экстремизма, помимо всего прочего, заключается в том, что он вносит дезорганизацию, раскол в ряды революционеров под «благородным» предлогом борьбы за «истинный» (на деле мелкобуржуазный утопический) коммунизм. Не удивительно, что подобную приманку заглатывают именно мелкобуржуазные деятели и движения, у которых «детская болезнь левизны» протекает в очень острой форме.

Возникновение «третьего мира», как уже говорилось, — специфический показатель *отхода* от империалистического лагеря его бывших союзников или резервов и *приближения* их к лагерю социалистическому. Имеются два вида искаженного толкования данной проблемы: более или менее расчетливая, буржуазная — на капиталистическом Западе и утопично-экстремистская, мелкобуржуазная — в освободившихся странах. По форме они нередко совпадают. Все же о «гипотезе», согласно которой к концу нынешнего столетия водораздел в мире будет проходить не по идеологическому, а по расовому признаку, больше говорят на Западе. Иногда ее выражают и иначе: главным противоречием в ближайшем будущем станет не конфликт «капиталистического За-

пада» и «социалистического Востока», а конфликт между бедными, аграрными, небелыми, неразвитыми нациями Юга планеты с богатыми промышленными сверхразвитыми нациями Севера. Порой на первый план выдвигается технологическая общность экономически развитых государств, якобы спланирующая их и противопоставляющая их всем другим. Именно такую точку зрения усиленно пропагандировал З. Бржежинский. Остановимся подробнее на некоторых мелкобуржуазных вариантах подобных теорий, ибо они, к сожалению, находят сторонников среди прогрессивных и демократически мыслящих людей, искренне стремящихся к социализму.

*Нации «богатые» и «бедные».
Критика мелкобуржуазного подхода*

Для мелкобуржуазного сознания давно привычен потребительский критерий при объяснении и решении общественных явлений. Различные «философы нищеты» до и после Прудона проповедовали эти взгляды, а в эпоху империализма стали все чаще применять их для «объяснения» международных процессов. Недаром одним из активных сторонников деления наций на богатые и бедные был Гитлер, использовавший эту «теорию» для разжигания шовинизма и милитаризма, для подготовки войны, ограбления и уничтожения других народов.

После разгрома фашистских государств «оси», развала колониальной системы империализма, образования и укрепления мировой системы социализма и усиления всех потоков революционного движения буржуазные и мелкобуржуазные идеологи все чаще обращаются к указанной идее. Она пропагандируется в книгах Б. Уорд («Пять дней, которые изменяют мир» и «Богатые нации и бедные нации»), П. Муссы («Пролетарские нации») и многих других. В подобных публикациях нередко применяется марксистская терминология, псевдомарксизм используется для протаскивания антимарксистских положений. Опять обнаружилась тенденция отождествлять нации бедные с нациями пролетарскими и богатые страны со странами буржуазными и таким образом затушевать реальные классовые сражения, идущие внутри

отдельных стран и на мировой арене. Чтобы лучше увидеть, куда ведет такой подход при оценке взаимодействия мировых систем, и понять его теоретические корни, остановимся на взглядах новозеландского профессора К. Бьюкенена, активно выступающего в левых и особенно «сверхлевых» журналах Запада³⁴. Идеи профессора в весьма выпуклой и концентрированной форме отражают мысли и настроения некоторых лидеров и определенного слоя интеллигенции «третьего мира», сектантских элементов, подвизавшихся в так называемом новолевом движении в развитых капиталистических странах, а также взгляды части руководства ряда социал-демократических партий.

К. Бьюкенен, якобы признавая существование государств социалистических и империалистических, утверждает, однако, что для «третьего мира» это деление не имеет смысла, поскольку теперь все богатые нации противостоят бедным. Он считает возможным выделить в качестве особенно критической «проблему быстро растущего жизненного уровня „европейских“ социалистических стран и одновременно стремление к достижению хотя бы минимально примитивного уровня (в виде свободы от эксплуатации, от болезней и голода) в развивающихся странах, особенно в развивающихся странах с социалистическим режимом». Чтобы различие между социалистическими и капиталистическими странами стало реальным, провозглашает К. Бьюкенен, первые должны отказаться от задачи повышения благосостояния своего населения, а все силы бросить на подъем жизненного уровня развивающихся наций. Иными словами, выдвигается «гениально простой», а фактически примитивно-утопический принцип распределения богатства в глобальном масштабе. Речь идет о какой-то грандиозной мировой потребительской уравниловке.

Разумеется, вполне допустимо рассматривать взаимоотношения трех мировых революционных процессов с точки зрения задач одного из них, в данном случае революционно-прогрессивного движения в «третьем мире». Понятно, что при таком подходе могут возникнуть свои, специфические оттенки и даже несколько иной ракурс

³⁴ К. Buchanan. The Third World — Its Emergence and Contours. — «New Left Review». London, I—II, 1963, № 18.

«видения» одних и тех же проблем. Все это так. Однако и здесь есть свой рубикон, который нельзя перейти, не исказив общей картины и не открыв огонь по союзникам. Сверхреволюционный радикализм легко оборачивается злобной контрреволюционностью. Примеров тому сейчас немало.

С момента возникновения марксистского учения его основоположники настоятельно подчеркивали, что интернациональный долг рабочего класса — поддерживать борьбу всех эксплуатируемых и обездоленных. Пролетариат оказал и оказывает помощь народам освободившихся стран не вообще и не голословно. Опыт десятилетий продемонстрировал *многие* направления и формы этой помощи на разных этапах национально-освободительной борьбы. Без мощных ударов мирового пролетариата по мировому империализму, без великих побед (в том числе и военных) социалистических стран, и в первую очередь Советского Союза, были бы невозможны ниспровержение колониального гнета и независимое существование десятков молодых государств. Именно это создало необходимые предпосылки для появления новой формы поддержки — прямой экономической помощи многоукладным странам. Как известно, социалистические государства предоставили ее на миллиарды рублей, что принципиально изменило внешние и внутренние условия экономического развития ряда стран «третьего мира». Это происходит не в идиллической обстановке, а при существовании жесткого и далеко не слабого империалистического блока. Огромные средства, которые социалистические государства вынуждены тратить на оборону, создают надежный заслон, объективно прикрывающий и другие страны. Уж очень явно профессор игнорирует жизненно важные аспекты комплексной проблемы создания и поддержания всех условий для всестороннего и прочного возрождения обездоленных наций.

Примитивно-потребительский подход, демонстрируемый К. Бьюкененом, прекрасно используется теми, кто хочет противопоставить тружеников «третьего мира» пролетариату капиталистического Запада. Автор, обнаружив, что Англия выделила развивающимся странам всего 0,71 % национального дохода, делает весьма «оригинальный» классовый вывод: «В отсутствии какой-либо

эффективной помощи нельзя винить только крупные монополии или алчную кучку капиталистов. Рабочий класс заставил их повысить его жизненный уровень в очень большой мере за счет собратьев — тружеников в колониальном мире». К. Бьюкенен полностью солидаризируется со своим единомышленником П. Муссой, согласно которому «усилия западных рабочих по подъему своего уровня жизни значительно больше способствовали ухудшению позиций неразвитых стран, чем погоня за прибылью индустриальных и коммерческих лидеров».

Отчетливый отзвук тех же идей обнаруживается в некоторых документах западных социал-демократов. «Сегодня,— говорилось, например, в ежегодном отчете генерального секретаря Международного союза социалистической молодежи, организации, примыкающей к Социалистическому Интернационалу,— растет недоверие к европейскому пролетариату, который недавно порвал (?) цепи, чтобы захватить свою долю богатства. Возникает вопрос, действительно ли его чувства основывались на принципах солидарности, или это благородная маска. Солидарность не сводится к тому, чтобы делиться (?) с теми, кто имеет больше (т. е. с капиталистами.— А. Л.), она означает также необходимость делиться с теми, кто обладает меньшим. До сих пор европейское рабочее движение не выразило такого рода искреннюю и настоящую солидарность»³⁵. Коль скоро подобная критика направлена против внешней политики правительств, возглавляемых социал-демократическими партиями, по отношению к освободившимся странам, в ней есть доля истины, но, обращенная к рабочему классу, она звучит как неправда, используемая для приобретения симпатий людей, партий и государственных деятелей «третьего мира», которые якобы должны принять эти высказывания за образец бескорыстия, объективности и истинной солидарности.

Но К. Бьюкенен явно не желает уступить пальму первенства в «смелых» наскоках на европейских рабочих. Он заявляет, что у них, «вкусивших прелести изобилия, появилась тенденция стать еще более „буржуазными“, еще более европоцентристскими и провинциальными по своим позициям», чем монополисты, и что ев-

³⁵ «Socialist International Information» (London), 5.XII.1964, с. 302.

ропейский пролетариат не замечает страданий народов «третьего мира» «среди безумства нового и восхитительного изобилия». Какую смысловую нагрузку несут такого рода идеи? Объективно они должны внушать трудящимся массам многоукладных стран, что западный пролетариат предал их и сейчас является для них еще большим врагом, чем монополии. Тогда от пролетариата и его движения лучше отмежеваться. Политическое существо означенного тезиса и доказательства сводятся к следующему: «Нищий труженик „третьего мира“, западный пролетарий не твой союзник, а твой враг, ибо он богат». Значит, пока дерись в одиночку. Но ведь без союза победить нельзя! Эту очевидную истину признают и цитируемые нами авторы, однако предлагаемые ими решения как раз и исключают укрепление единства революционно-демократического движения в многоукладных странах с рабочим движением в государствах монополистического капитализма. По их логике рабочий на Западе во имя единства должен перестать бороться за повышение своего жизненного уровня и даже согласиться на его снижение ради обездоленных в «третьем мире». Внешне очень благородно, а на деле?

На деле при сохранении госмонополистического капитализма любое снижение заработной платы привело бы немедленно к повышению прибылей монополистов, а не к росту экономической помощи государствам Азии, Африки и Латинской Америки. Утверждение, что заработная плата западного пролетариата выросла за счет ограбления бывших колоний, в научном отношении не выдерживает критики. Подобное могло бы произойти, если бы стоимость рабочей силы превысила производимую рабочим стоимость. Объективные исследования показывают прямо противоположное — быстро возрастающее уменьшение доли рабочего в производимой им стоимости и увеличение степени (нормы) эксплуатации западного пролетариата монополиями. Он получает *уменьшающуюся долю результатов собственного труда*. Выжимаемые из западных рабочих и тружеников освободившихся стран прибавочная стоимость или прибавочный (иногда и необходимый) продукт действительно попадает в один котел, но черпают из него только имущие классы, и в первую очередь финансовая олигархия.

Конечно, в послевоенный период многочисленным слоям пролетариата ряда капиталистических держав удалось добиться повышения, хотя и в разной мере, реальной заработной платы. Решающими факторами в достижении этого явились: а) изменения в расстановке сил в мире в результате великих побед социализма, б) упорная классовая борьба самого пролетариата. Этот важный плацдарм, отвоеванный в битвах с монополистическим капиталом, надо не отдавать (а именно такое слышится в совете «нищайте до самого низкого уровня»), а расширять, ибо это соответствует подлинным и коренным интересам всех трех революционных потоков современности, так как в конечном счете подорывает мощь монополий, их партий и государственной машины.

Представим на мгновение, что реально означало бы обращение к рабочим с призывом о снижении заработной платы. Они сразу же и справедливо назвали бы людей, выступающих с подобными идеями, прямыми прислужниками империализма. В наши дни, когда каждый миллион долларов, вырванный на мирные цели, означает соответствующее сокращение ассигнований на военные и другие аналогичные цели, кричать о снижении заработной платы — значит самым сверхреакционным образом поддерживать монополистический капитал в его борьбе не только против пролетариата, но и против всех прогрессивных движений в «третьем мире».

Итак, предложение различных рецептов потребительско-уравнительного решения сложнейшей проблемы взаимоотношения трех революционных потоков вытекает: а) либо из незнания или игнорирования объективных законов общественного развития (и тогда это утопизм или авантюризм); б) либо из идеологических и иных интересов классового врага (и тогда это демагогия или провокация).

Невозможно и механическое перераспределение уже наличествующих производительных сил, ибо оно наталкивается на существование качественно неоднородных экономических общественных организмов. В каждый данный момент в зависимости от совокупности внешних и внутренних факторов имеется определенный *предел* того, что одна страна может «отдать», а другая «брать». Корень проблемы — создание условий (особенно соци-

альных), позволяющих максимально *поднимать* этот предел для реального преодоления противоречий между «богатыми» и «бедными» нациями, в интересах трудящихся масс всех стран, а не к выгоде паразитических классов или прослоек.

Мы остановились на одной из попыток оторвать и противопоставить «третий мир» социалистическому лагерю и рабочему движению на Западе. Научный анализ таких попыток становится сегодня особенно актуальным в связи со стремлением империалистов шире использовать рецепты, составленные на кухне «левого» и правого ревизионизма.

В настоящее время многие «сверхлевые» на словах признают существование государств социалистических и империалистических, однако утверждают, что для «третьего мира» такое деление не имеет смысла. Вместо этого используются теории антагонизма «богатых» и «бедных» наций.

Несомненно, отдельные государства (или группы их) отличаются друг от друга по многим признакам, в том числе и по величине «состоятельности». Самое общее представление о количественном выражении экономических различий между развивающимися и развитыми странами дают следующие основные показатели хозяйственной жизни. В среднем валовой национальный доход на душу населения в первых составляет 140 долл., во вторых — 1500 долл. На общественное и личное потребление идет соответственно около 118 и 1200 долл. Следовательно, средний уровень потребления в экономически отставших странах в 10 раз меньше, чем в индустриальных. На экономическое развитие и социально-культурные нужды шло 22 и 300 долл., т. е. на статьи, связанные с процессом накопления и поддержанием расширенного воспроизводства, в освободившихся странах приходилась почти в 14 раз меньшая сумма; новые ежегодные вложения в промышленность, в отрасли экономики, обеспечивающие (во всяком случае, в конечном счете) подъем всего народного хозяйства, в абсолютном выражении в 25 раз уступают аналогичным показателям в промышленно передовых государствах — 4 и 100 долл. на человека в год³⁶.

³⁶ Development of Industrial Export. New York, 1970, с. 16.

Имеются и другие показатели, демонстрирующие с той или иной степенью точности разные грани реального бытия экономически развитых и экономически отставших стран. Впрочем, это *не новый феномен*, не порождение только сегодняшнего дня. Это резко обнажившаяся теперь язва, вызванная веками колонизаторской деятельности западного капитализма в жесточайше эксплуатируемых странах, где поддерживалось все консервативно-реакционное и душилось все новое, прогрессивное. Поэтому нынешнее хозяйственное размежевание на «богатые» и «бедные» нации есть неизбежное следствие мирового капиталистического развития, т. е. действия определенных исторических социальных факторов.

В широком общественном смысле (социально-экономическом, идеологическом и политическом) борьба за преодоление экономического разрыва есть тяжелое и глобальное сражение со старыми социальными завалами колониализма и с живущим еще неоколониализмом госмонополистического капитализма. Это также объективная задача, решаемая (пусть по-разному) всеми многоукладными государствами. Поиск наилучших форм, методов и средств ее возможно скорейшей реализации требует ясного понимания принципиальной, кардинально-классовой размежевки развитых стран на капиталистические и социалистические. На многочисленных международных экономических и иных форумах (например, сессии ЮНКТАД, VI—VII специальные сессии ООН, конференции ЮНИДО в Перу, конференции ОПЕК и т. д.) различия подхода двух мировых систем к нуждам освободившихся стран выявились чрезвычайной четко.

В речи на Пленуме ЦК КПСС 25 октября 1976 г. Л. И. Брежнев особо выделил это явление: «Активные шаги предпринимаются с нашей стороны в поддержку справедливых требований развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки о перестройке на началах равноправия *международных* экономических отношений, об устранении всех форм эксплуатации капиталистическими государствами более слабых партнеров в „третьем мире“». В этой области, как и во многих других, интересы социалистических и развивающихся стран сходятся»³⁷.

³⁷ «Коммунист». № 16, ноябрь 1976, с. 20.

Как уже говорилось, деление на «богатые» и «бедные» нации имеет определенную объективную основу. Но подобное деление есть лишь первое приближение к познанию подлинного положения дел, ибо «богатые» государства принципиально разнятся по социальному устройству, а внутренняя классовая структура самих «бедных» государств крайне неоднородна и пестра. Здесь обнаруживаются различные слои буржуазии, мозаичный класс землевладельцев, несколько массовидных классовых пластов крестьянства, городская мелкая буржуазия, нефабричные и фабричные отряды пролетариата, многочисленные группы деклассированного, люмпенского населения. Интересы и идеология всех этих классов и даже их отдельных частей не просто не совпадают, но по многим вопросам антагонистичны.

Из-за особенностей общественного развития многоукладных стран в них также существуют общие по форме с капиталистическим Западом взгляды и теории. К таковым относится и «теория» «богатых» и «бедных» наций. Имущие классы, особенно некоторые слои буржуазии развивающихся стран, используют ее для того, чтобы собственно классовые интересы представлять как общенациональные, чтобы направить в нужную сторону настроения промежуточных классовых сил, прививая им антикоммунизм.

Противостояние стран экономически развитых (по современным стандартам) странам, стремящимся к хозяйственному подъему, лежит в особой социологической плоскости. Оно в определенном смысле завершает противоречие между трудом физическим и интеллектуальным (или неквалифицированным и квалифицированным), между деревней и городом, проявляется как бы на самом высшем уровне, в противостоянии различных государств в масштабе всей планеты. Перед нами, следовательно, новый тип этого специфического социологического противоречия, порождаемого общественной эволюцией, выходящей за пределы одной формации. Подобные категории общественного контраста нельзя прямо связывать (по происхождению) с определенной расстановкой классовых сил, но в каждый данный момент эти категории тоже несут вполне конкретную классовую нагрузку. Так, хотя различие между городом и деревней характеризуется рядом важных черт, создающих основу

для реального существования этих понятий, все же город и деревня всегда конкретны. Мы говорим о рабовладельческом, феодальном, капиталистическом и социалистическом городе или антагонизме феодальной деревни и капиталистического города и т. д. Подобный подход демонстрирует свою правильность и при анализе сегодняшнего положения хозяйственно передовых и отставших наций. Первых иногда уподобляют «мировому городу». Однако всем, кто смотрит объективно, видны два принципиально разных вида «города» — капиталистический и социалистический.

В противопоставлении городу деревни вообще содержится серьезный элемент антинаучности (или преднамеренного искажения). Абстрактной деревни в реальной жизни не бывает, как не бывает и абстрактного города. Левореволюционные фразеры особенно тщательно замазывают эту сторону проблемы. Оно и не удивительно. Обнажить классовое нутро деревни «третьего мира» — значит показать и собственную классовую природу (как правило, мелкобуржуазную), сильно разнящуюся от декларируемой. Деревня в этой части земли также имеет свою специфику, отделяющую ее от деревни капиталистических и социалистических государств. Не останавливаясь на вопросах о колоссальной отсталости производительных сил, невиданной живучести всевозможных предрассудков и мертвящей хватке анахроничных социальных институтов, отметим преобладание натурально-патриархального и мелкотоварного укладов.

Таким образом, есть город и город и есть деревня и деревня. Реальное сочетание общесоциологического и классового содержания в этих общественных категориях всегда конкретно в зависимости от места и времени. Аналогичное следует сказать и о преодолении противоречий между определенным городом и определенной деревней. Поэтому положения о противопоставлении экономически передовых и экономически отставших стран в общей форме неизбежно ведут к серьезным научным и политическим искажениям и ошибкам. В частности, в зависимости от того, какое хозяйственно развитое государство перед нами, будет меняться и характер отношений с развивающейся страной. Если это капиталистическая держава, то они носят антагонистический характер, если социалистическая — то неантагонистиче-

ский. Поэтому цели и методы взаимоотношений между капиталистическими и многоукладными и между социалистическими и многоукладными странами принципиально разнятся, хотя в обоих случаях речь идет о взаимоотношениях индустриальных и хозяйственно отстающих государств.

Стихийность экономического развития, которая была свойственна всем досоциалистическим формациям и проявлялась как внутри отдельных стран, так и в их внешних связях, теперь уже явный тормоз при решении сложнейших проблем хозяйственного подъема освободившихся стран. И в этой области нужны планомерные, сознательные действия, опирающиеся на научное понимание функционирующих здесь объективных законов. Ныне потребность в согласованных программах внешнеэкономических отношений в планетарном масштабе вытекает не только из усилившегося общественного характера производства в капиталистических государствах Запада и (особенно) из существования социалистического строя на части земного шара, но и из объективных внутренних и внешних нужд «третьего мира». Это еще один важнейший показатель (сравнительно недавнего происхождения) необходимости социализма; еще один серьезный аргумент в пользу желательности его скорейшей победы во всем мире.

Новое на международной арене

Возникновение множества молодых государств создало возможность для своеобразного «повторения», теперь уже на международной арене, тех комбинаций классовых союзов, которые раньше складывались внутри отдельных стран. Однако новое качество *внешнего* проявления трех классовых сил обусловило и иной порядок развертывания и состояние их союзов.

Союз с социалистическими государствами для борьбы с империализмом, колониализмом и неоколониализмом — изначальная комбинация, которая отвечает коренным нуждам многоукладных государств. Однако отнюдь не единственная. В настоящее время среди них наблюдается заметное политическое размежевание, маскирующее наличие трех комбинаций. Помимо первой (со-

юз социалистических и освободившихся стран) существуют еще две: а) некоторые из многоукладных государств колеблются между социалистическими и империалистическими странами, но больше склоняются к первым; б) преобладает тяготение к империалистическому лагерю.

«Третий мир» приобретает относительную самостоятельность. У отдельных его участников обнаруживается даже тенденция к своеобразному «лидированию». Старые поползновения мелкобуржуазного класса внутри отдельных стран — встать над классами или подменить один из них (особенно пролетариат) — проявляются в известной мере и на мировой арене.

Строгий научный подход к проблеме ориентации на социализм во всемирном масштабе заставляет поэтому предположить, что переходный период от капитализма к социализму на международной арене будет включать не один этап, наполненный борьбой преимущественно социалистической и империалистической систем, а два этапа. На втором, после исчезновения империалистической системы, на передний план, вероятно, выйдут взаимоотношения социалистического и «третьего» миров, каждый из которых будет слагаться из государств, обладающих своей спецификой. Однако преодоление серьезных, но неантагонистических различий между этими двумя мирами, что может и должно осуществляться в обстановке мира и всеобщего разоружения, породит многие неизвестные нам общественные институты и придаст невиданный колорит всей эпохе. Сейчас же ясно одно: этот второй этап, хотя и не будет, видимо, кратким и безмятежным, приведет к небывало тесному взаимодействию культур, к победе зрелого коммунизма на всей планете, к появлению качественно отличной структуры общественной организации человечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История мелкой буржуазии в большинстве государств земного шара еще не завершилась. Этот крупный общественный класс остается непременным участником всех важнейших событий жизни капиталистических и особенно развивающихся стран. Он продолжает задавать научные и политические загадки как ученым, так и общественным деятелям. Но то, что уже свершилось, позволило сделать определенные выводы о его характере и потенциях. Эти выводы важны и для нахождения ответов на сегодняшние проблемы, и для нащупывания возможных вариантов будущей эволюции класса.

Экономическое положение и политическая позиция мелкой буржуазии за время ее существования претерпевали серьезные изменения. В работе была предпринята попытка показать на классическом примере Европы основные этапы этой эволюции в обстановке победившей и развивающейся капиталистической формации. Экономическим содержанием данного процесса было обнищание и разорение одних отрядов мелкой буржуазии и выдвижение на передний план других ее частей. Наблюдался двуединый процесс: постоянного разорения мелкой буржуазии и роста ее новых подразделений. Последнее определялось не только закономерностями развития мелкотоварного производства, но и нуждами капиталистического предпринимательства, пока оно полностью не осваивало важные участки хозяйственной и иной деятельности. Именно подобная двусторонность объясняет затяжной характер периода усыхания мелкобуржуазного класса в обстановке давно победившего капитализма.

Крестьянин, ремесленник, розничный торговец, представитель свободных профессий — вот те конкретные воплощения мелкой буржуазии, в которых она выступала в реальной жизни на тех или иных этапах своего бытия. Эволюция класса протекала неравномерно в разных капиталистических странах, но везде его отличали определенные, лишь одному ему присущие качества. Глав-

ное из них — глубокая внутренняя двойственность, неразрывное переплетение труженика и собственника. Эта двойственность, как мы пытались показать в работе, проявляется в самых неожиданных на первый взгляд действиях и в самых негаданных формах.

Мелкая буржуазия не существует сама по себе. В капиталистическом обществе она занимает промежуточное положение между двумя основными классами: буржуазией и пролетариатом. В переходных, многоукладных обществах она окружена гораздо большим числом классов и социальных слоев. Тут она обладает и гораздо большей относительной политической самостоятельностью. Но везде ее собственное поведение зависит и от изменений в окружающих классовых силах. От этих изменений абстрагироваться нельзя.

Политическая значимость мелкой буржуазии объясняется в целом тем, что от ее позиции в огромной мере зависит исход классовых боев в капиталистическом и особенно в многоукладном обществе.

Мелкая буржуазия и социальные слои и прослойки, по своему общественному положению примыкающие к ней, — основной массовый классовый союзник пролетариата в борьбе за достижение демократических, прогрессивных реформ и при капиталистическом строе и в борьбе за его ниспровержение и построение нового, социалистического общества. Формы, методы, цели союза трудящихся классов всегда конкретны, как конкретны организации и движения, олицетворяющие его. Сегодня наблюдается много нового в борьбе за единство трудящихся классов в разнообразных политических условиях разных стран планеты. Ведущиеся в прогрессивных и демократических кругах споры о возможности мирного и немирного развития социалистической революции, о реформе и революции, о соотношении сил мира и сил войны в отдельных капиталистических государствах и по ряду других проблем не случайно включают в себя конкретный анализ позиций мелкой буржуазии. Иначе подобные дискуссии были бы в чем-то существенном, кардинальном неполноценными.

Несомненно, исход всякого политического движения определяется реальным соотношением классовых сил, а свобода для маневрирования и выбора у пролетариата и у буржуазии зависит от их собственного веса в

обществе и от того, насколько крепко и широко с ними сотрудничают промежуточные слои. Западная Европа и Россия продемонстрировали главные комбинации в классовых сражениях капиталистического общества и при его ниспровержении, показав в результате многие конкретные формы всевозможных политических сочетаний и союзов трех основных классов. До последнего времени преобладали два преимущественных типа этих союзов: когда мелкая буржуазия идет за буржуазией и когда она идет за пролетариатом. На наших глазах возникают разные варианты промежуточного типа классовых комбинаций в переходных, многоукладных обществах, при которых ведущую роль на определенном этапе классовой борьбы играет мелкая буржуазия.

Появление такого, невиданного ранее, сочетания политических классовых сил стало возможно только благодаря кардинально новой ситуации, возникшей с созданием и расширением мировой социалистической системы и изменениями внутри самого капитализма. Анализ конкретных условий, при которых мелкая буржуазия начинает играть ведущую роль, в первую очередь политически, в жизни той или иной развивающейся страны, и учет потенциальных последствий подобного объективного положения теперь особенно актуальны.

Экономические требования главных групп мелкой буржуазии постоянно эволюционируют. Взять хотя бы отношение к экономической политике государств. Долго бытовало убеждение, базировавшееся на опыте прошлых веков, что мелкая буржуазия добивается одного: чтобы ее оставили в покое (особенно в вопросе о налогообложении) и обеспечивали ей лишь «нормальное» течение «свободной конкуренции». Эта линия ее поведения — противодействие эксплуататорской сущности капиталистического государства, — конечно, меняется и потому нуждается в изучении. Действительно, установление и поддержание единого фронта рабочего класса с мелкой буржуазией в наши дни предполагает и совместную борьбу против социальных условий и политики угнетения всех трудящихся. В настоящее время учитывать одни лишь негативные требования все же недостаточно, ибо у крестьянства и у других слоев изучаемого класса имеются жизненно важные для него *позитивные* требования к государству. Теперь он нуждается в опре-

деленном государственном вмешательстве в хозяйственную деятельность, но в своих интересах. База для совместных выступлений всех слоев трудящихся объективно необычайно расширилась. В борьбе за удовлетворение общих экономических требований, за проведение серьезных структурных реформ складываются мощные политические союзы эксплуатируемых классов и слоев.

В развивающихся странах социалистической ориентации, например, кардинальной становится проблема взаимоотношений госсектора с низшими укладами в экономике и с их классовыми представителями в политике. Она заключается в следующем: как наладить такие связи с низшими укладами, как создать такую обстановку для их развития, чтобы, с одной стороны, не возникали хозяйственные (и особенно политические) кризисы, а с другой — обеспечивалась бы постепенная подготовка к их социалистической перестройке и общему продвижению страны к социализму.

В напряженной классовой схватке буржуазии и пролетариата за промежуточные слои все большую роль играют экономические вопросы и институты. На Западе буржуазия, особенно ее монополистическая верхушка, стремится максимально использовать разветвленную сеть госмонополистических экономических институтов, дабы приковать к себе мелкую буржуазию. Но те самые институты, которые монополии привлекают для эксплуатации и экспроприации мелкой буржуазии, последняя стремится использовать для защиты своих позиций. Поэтому у пролетариата появляется новая «защелка» для совместных с ней действий за экономические преобразования еще в рамках капиталистического или тем более многоукладного общества. В наши дни увеличивающиеся возможности разрыва с эксплуататорским строем выражаются в растущем разнообразии переходов к строительству социалистического общества.

Прогрессивная и даже революционная роль мелкой буржуазии в современном мире, особенно в развивающихся странах, возросла. Однако, вероятно, неправильно в научном отношении и опасно в политическом абсолютизировать эту революционность или рассматривать как универсальные некоторые новые качества всего класса или прослойки, выходящих из него либо связанных с ним. В ряде капиталистических и развивающихся госу-

дарств значительные слои мелкой буржуазии еще идут за эксплуататорскими классами. Нельзя забывать, что семена фашизма и неофашизма и сегодня прорастают в первую очередь в мелкобуржуазной среде.

Конечно, различие структуры класса мелкой буржуазии в капиталистических и многоукладных государствах и неодинаковая объективная общественная среда, в которой она существует, дают простор для неодинакового проявления ее двойственности. Конкретные выражения этой двойственности в сфере политики постоянно меняются и нуждаются в непрерывном изучении.

Запутанный клубок проблем возникает и при рассмотрении эволюции основных идеологических течений, представляющих интересы и взгляды мелкой буржуазии. Знание этих течений и их главных носителей, вероятно, обязательно для каждого, кто стремится разобраться в конкретном положении, действиях и потенциях мелкой буржуазии в том или ином государстве. То, что сознание мелкобуржуазных масс пропитано религиозным духом,— это правило, из которого почти нет исключений. Поэтому отношение к религии в известном смысле есть отношение к взглядам верующего классового союзника пролетариата, и оно, естественно, должно быть конкретным и предельно деликатным.

Проблема мелкой буржуазии, ее экономической основы, ее политических действий и союзов, ее взглядов и идеологии не ограничивается, как неоднократно подчеркивалось, пределами капиталистической формации, различными этапами ее развития или типами ее бытия. Претерпевая качественное изменение, проблема мелкой буржуазии становится одной из центральных и в социалистическом строительстве (во всех его областях — экономической, политической и культурной). Именно в этом, наверное, следует искать одну из коренных причин возникновения существенных особенностей конкретных путей развития социализма в отдельных странах.

Перечислить все вопросы темы, затронутой в книге, ни в коей мере не является целью заключения. Да это и невозможно. Хотелось бы только, чтобы читатели еще раз почувствовали саму проблему и осознали важность ее для судеб современного мира.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Место мелкой буржуазии в капиталистическом обществе	3
Основные этапы исторической эволюции мелкой буржуазии («от мешка с картофелем до белого воротничка»)	8
Две стороны мировоззрения мелкой буржуазии и мелкобуржуазность	19
II. Место и роль мелкой буржуазии в классовых битвах на капиталистическом Западе и в России	33
Мелкая буржуазия в основном идет за буржуазией (Западная Европа, XIX в.)	33
Мелкая буржуазия склоняется к союзу с пролетариатом и идет за ним (Россия, конец XIX — начало XX в.)	37
Пролетариат ведет мелкую буржуазию. Советская Россия — построение социализма в одной стране	46
Глубокий раскол мелкой буржуазии на капиталистическом Западе в период между двумя мировыми войнами	64
Некоторые идеологические аспекты борьбы за промежуточные слои Запада после второй мировой войны	82
III. Мелкая буржуазия в освободившихся странах	98
Мелкотоварное производство и мелкая буржуазия	101
Пауперизм и люмпенство	126
Относительная самостоятельность мелкой буржуазии в многоукладных странах	141
Классовые коалиции и созревание отдельных классов	147
Соединение научного социализма с борьбой пролетариата и восприятие его мелкобуржуазными движениями	155
Нации «богатые» и «бедные». Критика мелкобуржуазного подхода	175
Новое на международной арене	185
Заключение	187

Алексей Иванович Левковский

МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ: ОБЛИК И СУДЬБЫ КЛАССА

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Л. Ш. Фридман. Младший редактор О. А. Осипова. Художник В. А. Захарченко. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор В. П. Стуковнина. Корректор Л. И. Письман

ИБ 13298

Сдано в набор 25/IV-1977 г. Подписано к печати 20/X-1977 г. А-02983. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 6,0. Усл. п. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,59. Тираж 5300 экз. Изд. № 4061. Зак. № 346. Цена 65 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 65 к.